

Дискуссия об американском рабстве

Роберт Дж . Брекинридж
Джордж Томпсон

Discussion on American Slavery

George Thompson and Robert J.

Электронная книга проекта Гутенберга с обсуждением американского рабства

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Дискуссия об американском рабстве

Автор: Джордж томпсон

Роберт Дж . Брекинридж

Дата выхода: 23 мая 2010 г. [Электронная книга № 32500]

Последнее обновление: 6 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер - Джульет Сазерленд и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ОБСУЖДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА "ГУТЕНБЕРГ" ОБ АМЕРИКАНСКОМ РАБСТВЕ ***

ДИСКУССИЯ ОБ АМЕРИКАНСКОМ РАБСТВЕ, МЕЖДУ ДЖОРДЖЕМ ТОМПСОНОМ, ЭСКВАЙРОМ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ БРИТАНСКОГО И ИНОСТРАННОГО ОБЩЕСТВА БОРЬБЫ ЗА ОТМЕНУ РАБСТВА Во ВСЕМ МИРЕ, И ПРЕПОДОБНЫМ Джоном ТОМПСОНОМ. РОБЕРТ Дж. БРЕКИНРИДЖ, ДЕЛЕГАТ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ПРЕСВИТЕРИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ При КОНГРЕГАЦИОННОМ СОЮЗЕ АНГЛИИ И УЭЛЬСА: ХОЛДЕН В ЧАСОВНЕ ПРЕПОДОБНОГО ДОКТОРА УОРДЛОУ, ГЛАЗГО, ШОТЛАНДИЯ,

Вечером 13, 14, 15, 16, 17 июня 1836 г.

С ПРИЛОЖЕНИЕМ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НЕГРИТЯНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
НЬЮ-ЙОРК

Первоначально опубликовано в 1836 году Исааком Кнаппом, Бостон

Перепечатано по копии из фондов Бруклинской публичной библиотеки

Перепечатано в 1969 году издательством Negro Universities Press,

Подразделением Greenwood Press, Inc.
Нью-Йорк

SBN 8371-2766-1

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Введение.

Ниже были приведены предварительные шаги, связанные с обсуждением, о котором сообщается на последующих страницах:—

Письмо мистера Брекинриджа, выражающее его готовность встретиться с мистером Томпсоном в Глазго, было вызвано следующим отрывком из письма мистера Томпсона, опубликованного в "*Лондон Патриот*" в ответ на помещенные в этом журнале выдержки из работы, опубликованной преподобным доктором Дж. Кокс и Хоуби, озаглавленная "Баптисты в Америке":—

"Тем временем я готов встретиться с доктором Коксом в Эксетер-холле, в его собственной часовне или в любом другом здании, чтобы оправдать мои обвинения против Америки и американских министров; мою общую политику в борьбе с рабством и любой конкретный акт, на который жалуется доктор Кокс. Я также готов и стремлюсь встретиться с любым американским священнослужителем или другим джентльменом в любой части Великобритании, чтобы обсудить общий вопрос или уместность того вмешательства, о котором так много говорилось людьми, которые иным образом вовлечены, и это достойно всяческих похвал, во вмешательство в социальные, политические и религиозные институты во *всех других* частях Земного шара".

ВЫЗОВ МИСТЕРА ТОМПСОНА ПРИНЯТ.

Редактору лондонского "Патриота".

СЭР,

Друг в этом городе, у которого я остановился на день или два по пути в Шотландию, передал мне в руки вашу газету от 23 июня, в которой содержится письмо мистера Джорджа Томпсона от 13 числа с нападка на доктора Кокса.

Что касается трудностей, существующих между этими двумя джентльменами, я, конечно, не имею права говорить.

Мистер Томпсон, однако, не удовлетворился разжиганием конкретной полемики с доктором Коксом; ни даже общей полемики, свободной для всех, кто пожелает вступить с ним в диалог

или поставить под сомнение его "обвинения против Америки и американских министров" - как служителей-рабовладельцев и христиан по ту сторону океана. "Но, - говорит он, - я также готов и горю желанием встретиться с любым американским священником или другим джентльменом в любой части Великобритании, чтобы обсудить общий вопрос и т.д.". То есть общий вопрос о его "обвинениях против Америки и американских министров, касающихся всей темы африканского рабства в этой стране".

После зрелого и молитвенного размышления и всесторонней консультации с несколькими друзьями я не вижу, как я могу не обратить внимания на этот прямой и почти личный вызов; который, у меня есть некоторые основания подозревать, вероятно, предназначался мне.

И все же я чувствую, что меня окружает множество трудностей. Ибо некоторые могут посчитать, что я защищаю институт рабства, тогда как я сам считаю, что это противоречит духу Евангелия и естественным правам человека. Другие, естественно, могли бы искать более полные доказательства и более точную информацию, чем я могу предоставить, почти полностью полагаясь на простую память. Хотя, боюсь, большая часть из них столь же нетерпеливы ко всем исследованиям по этому вопросу, поскольку, к сожалению, они, как мне кажется, совершенно не знакомы с реальным положением дел в Америке.

Однако я пришел к выводу принять несколько хвастливый вызов мистера Томпсона. И я надеюсь, что следующие предложения и условия будут сочтены наиболее разумными при рассмотрении особых обстоятельств дела:—

1. Я встречу с мистером Томпсоном в Глазго в любое время в течение трех первых недель июня; и буду тратить три—четыре часа в день, в течение стольких дней подряд, сколько будет необходимо, на обсуждение "общего вопроса", связанного с его "обвинениями против Америки и американских министров", в связи со всей тамошней темой рабства.
2. Но поскольку вся моя цель состоит в том, чтобы донести до британских церквей определенные взгляды и предложения по этому вопросу, которые, по моему твердому убеждению, необходимы для предотвращения полного отчуждения британских и американских христиан друг от друга, я вообще не буду считать необходимым начинать обсуждение, если предварительно не будут приняты такие меры, которые обеспечат публикацию в дешевой и постоянной форме всего, что сказано и сделано по этому поводу.
3. Я должен настаивать на терпеливом и справедливом слушании дела ответственными лицами. Поэтому я соглашусь, что аудитория должна состоять из избранного числа джентльменов, скажем, от пятидесяти до пятисот; допуск будет осуществляться только по билетам — и комитет, предварительно согласованный для распространения билетов, — только среди респектабельных людей.

Я считаю само собой разумеющимся, что мистер Томпсон сам предпочел бы Глазго любому другому городу в качестве места проведения этой встречи, поскольку это дом его самых активных сторонников. И хотя выбор конкретного времени для этого не может быть важен для него, мои собственные предыдущие договоренности таковы, что не оставляют мне более широкого диапазона, чем тот, который был предложен для его выбора выше.

Более мелкие приготовления оставлены на будущее; и их, без сомнения, можно легко осуществить.

Я должен попросить об одолжении как можно скорее опубликовать эту заметку в "*Патриоте*"; и прошу передать через вас редактору "*Хроники Глазго*", что я буду чувствовать себя обязанным ее перепечаткой в его газете.

Р. Дж. БРЕКИНРИДЖ,

Делегат Генеральной ассамблеи
Пресвитерианской церкви Соединенных Штатов Америки,
Конгрегационалистского союза Англии и
Уэльса.

Дарем, 28 мая 1836 года.

РЕДАКТОРУ "ГЛАЗГО КРОНИКЛ".

Лондон, 1 июня 1836 года.

СЭР,

Без промедления направляю вам экземпляр сегодняшнего вечернего выпуска "*Патриота*", содержащий письмо преподобного Роберта Дж. Брекинриджа из Балтимора, Соединенные Штаты. Ниже приводится мой ответ, который вы обяжете меня немедленно вставить вместе с сообщением, к которому он относится.

Я чувствую благодарность за то, что мое предложение было принято; и, несмотря на принятые мною меры оставаться в Лондоне в течение всего текущего месяца и объявление моего имени в публичных объявлениях о чтении лекций в течение предстоящей недели, я, Д. В., буду в Глазго в следующий вторник; и буду готов встретиться с мистером Брекинридом в Здании Религиозного учреждения на Саут-Фредерик-стрит в полдень того же дня, чтобы обсудить предварительные вопросы к дискуссии, которая, я надеюсь, начнется следующим утром.

Я искренне надеюсь, что все сказанное и сделанное будет соответствовать чувствам джентльмена и христианской вежливости.

С уважением,

ДЖОРДЖ ТОМПСОН.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Поскольку речи и документы, содержащиеся в этой Брошюре, были представлены с поправками ораторов, на Отчет можно положиться как на точный и полный отчет о важном разбирательстве.

Обсуждение.

ПРЕМЬЕРА —ПОНЕДЕЛЬНИК, 13 июня.

Согласно публичной рекламе, дискуссия между мистером Джорджем Томпсоном и преподобным Р. Дж. Брекинриджем была открыта в понедельник вечером, 13 июня. К половине седьмого, часу, установленному Комитетом, в часовне доктора Уордлоу находилось 1200 человек - число, согласованное обеими сторонами. Большое количество зрителей не смогли попасть на концерт из-за того, что выделенные билеты были раскуплены в субботу. При появлении двух соперников в сопровождении Комитета зрители тепло приветствовали их. По назначению Комитета—

Преподобный доктор УОРДЛОУ занял место председателя. Поблагодарив Комитет за честь, которую они ему оказали и которая, как он надеется, получит одобрение собрания, он сказал, что принял почетный пост с полной уверенностью в выдержке и пристойном поведении двух джентльменов — или антагонистов, как ему следует их называть? которые должны были выступить на собрании; а также с самой совершенной уверенностью в хорошем поведении и чувстве приличия, присущем собранию. Если бы он не обладал такой уверенностью, ему бы никогда не пришло в голову взяться за нынешнюю задачу. Если бы он вообразил, что нынешняя встреча уступит место подобному выражению чувств, которое имело место в этих стенах в некоторых предыдущих случаях, он бы сразу отказался от этой задачи, как от той, для которой он был совершенно непригоден, — он не был способен справляться со штормами. Стороны, участвовавшие в данном случае, отличались от тех, кого они слушали в то время, о котором он говорил. Один из них, это правда, был тот же самый, и его характер все они знали. Они знали его чувства, его рвение, его красноречие, его преданность великому делу, бесстрашным защитником которого он был. Что касается его оппонента, то в данном случае он не стал бы позорить этого джентльмена, называя его вместе с человеком, который ранее выступал перед ними в оппозиции к их красноречивому другу. Он счел своим долгом представить им своего друга — поскольку ему было позволено называть его так - преподобного мистера Брекинриджа. Этот джентльмен прибыл в эту страну в качестве аккредитованного представителя пресвитерианской церкви — большой и влиятельной организации христиан в Америке, при конгрегационном союзе Англии и Уэльса. Было уместно заявить собранию, что мистер Брекинридж не был сторонником рабства — что он считал его противоречащим букве и духу Евангелия, и в качестве доказательства того, насколько серьезно он придерживался своих убеждений в этом вопросе, он добровольно расстался с родовым поместьем, поскольку оно состояло из рабов. (Аплодисменты.) Заявив об этом, возможно, будет далее необходимо, чтобы он упомянул о том, что послужило поводом для проведения нынешней встречи. Таким образом, по его словам, всем им было известно, что после своего возвращения из Америки мистер Джордж Томпсон читал лекции в различных частях королевства. В ходе своей работы он был обвинен в том, что выдвинул экстравагантные и необоснованные обвинения против американской нации, и особенно против служителей религии в этой стране. Вследствие этого мистер Томпсон опубликовал вызов в газете "Патриот", в котором он призвал любого американского священника выступить вперед и защитить своих братьев, если он сможет, от обвинений, которые он выдвинул против них. Этот вызов, прозвучавший в колонках той же газеты, был принят мистером Брекинриджем, и теперь они встретились здесь, чтобы вступить в

дискуссию. Затем Председатель зачитал правила проведения обсуждения, которые были согласованы Комитетом. В дополнение к тому, что в них содержалось, он мог бы добавить, что председатель не должен считаться судьей того, что является актуальным или неуместным, и ни в коем случае нельзя прерывать оратора. Он особенно просил бы их обратить серьезное внимание на правило, требующее полного подавления любого признака одобрения или неодобрения. Он надеялся, что его вмешательство не потребуется, но если бы оно потребовалось, он счел бы себя обязанным выполнять это предписание со всей строгостью. Мистер Брекинридж откуда-то слышал весьма неблагоприятные отзывы о приличиях аудитории в Глазго. Он надеялся, что их поведение в данном случае выведет этого джентльмена из заблуждения относительно любого неблагоприятного мнения, которое у него могло сложиться о них на этот счет. В заключение он мог бы повторить, что полностью полагался на здравый смысл и джентльменские чувства обоих ораторов. В таком случае пусть они оба будут выслушаны честно. Он не просил благосклонности ни к тому, ни к другому — он требовал справедливости для обоих.

Мистер БРЕКИНРИДЖ сказал, что нелегко представить себе обстоятельства более затруднительные, чем те, в которые он попал этим вечером. Они уже приняли как должное все, что было сказано и сделано по одной из сторон вопроса; их умы уже были настроены противостоять тем выводам, к которым он намеревался их подвести. Их привязанности и чувства уже давно были связаны с его противником в этом деле; и все, что он мог бы сказать, неизбежно оказало бы мало влияния на изменение того, что он без колебаний назвал бы теми неблагоприятными мнениями, которые давным-давно сформировались против него. Другой причиной его смущения было то, что его отвергли бы во всем, что он мог бы сказать здесь. То, что он сказал, было бы одобрено одной партией в Америке, но не было бы одобрено другой. В Соединенных Штатах они находились в ином положении, чем люди в этой стране. Здесь люди, казалось, теперь объединились по этому вопросу, но в Америке они были разделены на множество различных партий, чьи мнения и чувства были противопоставлены друг другу настолько сильно, насколько это было возможно себе представить. Следовательно, что бы он ни сказал в этой стране, это было бы неодобрительно воспринято многими в Соединенных Штатах, в то время как не было ничего более определенного, чем то, что было сказано его оппонентом, еще больше прославило бы его перед друзьями по ту сторону Атлантики; и ничто из того, что он мог сказать, вероятно, не понизило бы его хорошего мнения о его друзьях здесь. Отсюда возникла трудность ситуации, в которой он (мистер Б.) оказался, и его необычные притязания на их терпение в ходе обсуждения. И все же он был бы недостоин своей страны, он забыл бы о силе истины, у него было бы мало доверия к Богу, если бы он не был готов поддержать дело, которое считал правым; и особенно если бы он не был готов перед шотландской и христианской аудиторией защищать принципы, которые он принял и исповедовал. У него не было желания пытаться смягчить их ненависть к рабству; и если в будущем он встретится в Америке с кем-либо из присутствующих сейчас, он докажет им дружбой тех, кто любил и уважал его, и противодействием тех, кто этого не делал, что он ненавидит рабство так сильно, как только может любой из присутствующих. Это было сказано одним из древних: "Я человек: я не считаю чуждым мне ничего, что относится к человеку". Это было истинное и благородное чувство. Судьба самых безнадежных могла бы постигнуть их, если бы сила могла сделать это таковой; и их положение могло бы быть положением самых бедных негодяев на земле, если бы Бог не улыбнулся им и их предкам так, как он это сделал. Он не

хотел, чтобы они вмешивались в рабство в Америке. Они могли вмешаться, но вопрос был в том, как они должны были это сделать? Он хотел в ходе дискуссии представить им факты, чтобы показать, что если они вообще вмешиваются в проблему рабства в Америке, то это должно делаться как между отдельными людьми, а не как национальный вопрос. Что бы они ни делали, они делают это как христиане, а не как сообщества. Что они ни на мгновение не должны смотреть на это как на вопрос о соперничестве власти и славы, как на вопрос между Великобританией и Америкой. Если бы они сделали это хоть в малейшей степени, их шансы на успех исчезли бы навсегда. При расследовании этого вопроса они не должны позволять отождествлять себя в своих усилиях с какой-либо партией в Америке, в политике, религии или метафизике; более того, с маленькой и одиозной партией, как они сделали до прискорбной степени. Они не должны отождествлять себя с партией, настолько малочисленной, что не может достичь своей цели, и настолько ошибочной, что не заслуживает успеха. Что бы они ни делали, это должно быть сделано кротко, и в духе Евангелия; они не должны настаивать на принципах Евангелия с демоническим духом, но со всей мягкостью Евангелия мира. Это были принципы, которые он намеревался попытаться запечатлеть в их умах с помощью деталей, которые он представит в ходе обсуждения. Это было не более чем справедливо по отношению к аудитории, чтобы они знали, чтобы они отчетливо понимали, что, насколько это касалось его оппонента, он не был и не мог быть ничем иным для него или его соотечественников, кроме как личностью, которая отождествила себя с определенными партиями и принципами в Америке. Ни у него, ни у американцев не могло быть цели недооценивать или переоценивать его. У Америки не могло быть желания возвысить его или низвергнуть. Для Америки это не имеет и не может иметь никакого значения, кем является или может быть любой человек в глазах своих соотечественников. Король Англии известен Америке только как король Великобритании; если бы он перестал быть королем этого королевства, он был бы для них не более чем обычным человеком. Пусть никто не предполагает, что ни у него, ни у Америки было какое-либо желание, даже самое отдаленное, разрушить или повредить заслуженной или несправедливо заработанной репутации его противника. Они смотрели на него только исходя из его принципов, и у них не было никаких личных мотивов по отношению к этому джентльмену. Поэтому пусть они не думают, что в каких-либо замечаниях, которые он мог бы сделать, или обвинениях, которые он мог бы выдвинуть, у него было какое-либо намерение обвинить своего оппонента в том, что он несет исключительную ответственность за эти результаты. Он поставил под сомнение принципы не только конкретного человека, но и партии в Америке, перед которой ему придется держать ответ, когда он вернется в эту страну. Сказав так много, он теперь перейдет к стоящему перед ними вопросу, но предварительно сделает несколько предварительных замечаний, которые, по его мнению, необходимы, чтобы помочь им прийти к правильному пониманию предмета. Он не считал необходимым проследивать ход великого дела до настоящего момента. В течение сорока лет они терпели поражение за поражением — и все же эти поражения только укрепляли их дело, даже в этой стране, пока они не достигли определенной точки. Он не хотел бы задеть чувства ни одного присутствующего здесь человека, но он был уверен, что выражал чувства всех в Америке, когда сказал, что великий день их способности творить добро как нации следует приурочить к принятию законопроекта о реформе. С этого периода они начали новую карьеру как внутри страны, так и за рубежом. Засылка агентов была одним из основных направлений операций, предпринятых американцами. Американцы жаловались, что это было сделано неосмотрительным и невозможным способом и наверняка приведет к поражению. Они заслали агентов в Америку, которые вернулись побежденными. Они признают, что им это не удалось, хотя и говорят, что они всего лишь отступили, что они не были побеждены. Они

потерпели неудачу — они признают, что потерпели неудачу в достижении своей цели. Один из этих агентов по возвращении сделал определенные заявления относительно положения рабов в Америке; и относительно состояния церквей в Соединенных Штатах, что касалось не только большого числа христианских служителей страны, но и правительства и народа Америки, за исключением небольшой горстки отдельных лиц. Если, как было признано, число пасторов в Америке составляло от двенадцати до пятнадцати тысяч, и только одна тысяча придерживалась этих взглядов, были ли они чем-то иным, кроме небольшой партии? В то время как вся нация была осуждена как нечестивая - и гнев Небес обрушился на страну. Лишь очень небольшая горстка людей удостоилась доли похвалы своего оппонента; и здесь были вызваны симпатии, основанные на предположении о принципах, которые он намеревался доказать ложными и необоснованными. Что может быть причиной такой аномалии? что те принципы, которые, как говорят, здесь любят и которыми восхищаются, там отвергаются с крайним упорством? На эту причину он был бы обязан указать; во-первых, он сказал бы то, во что, возможно, никто бы не поверил, а именно, что вопрос об американском рабстве сам по себе не только несправедлив, но и абсурден. Собственно говоря, не существовало такого понятия, как американское рабство. Было абсурдно говорить об американском рабстве, за исключением того, что это относилось к чувствам того, что было меньшинством, хотя он бы сказал, что это было значительное меньшинство, которое терпимо относилось к рабству. Это был не американский вопрос. В Америке было двадцать четыре отдельные республики; в двенадцати из них не было рабов, и двенадцать из них терпимо относились к рабству. Недавно к Союзу присоединились два новых штата, и да ускорит Бог тот день, когда добавятся другие, пока весь континент от Атлантики до Тихого океана не будет включен в союз, неся с собой Свободу и Независимость. Из двух государств, которые были недавно добавлены, одно было рабовладельческим, а другое свободным. Из двенадцати свободных, независимых, суверенных штатов Америки, на которые он ссылаясь, один, Массачусетс, дольше, чем прожил его оппонент, не терпел рабства. В Массачусетсе, Коннектикуте, Род-Айленде, Вермонте, Нью-Гэмпшире, Мэне, Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании, Огайо, Индиане или Иллинойсе рабов не было, а в четырех из них никогда не было рабов. Восемь из них по своей собственной воле и выбору отменили рабство без денег и задарма. Под влиянием Духа Божьего и под влиянием божественной истины они полностью отменили рабство. По крайней мере, в четырех из двенадцати штатов - Огайо с миллионным населением, Индиане, Иллинойсе и Мэне - никогда не было рабов. С 1785 года и по сей день ни в одном из этих штатов не было ни одного раба. У этих двенадцати либо никогда не было рабов, либо они отменили рабство без какого-либо вознаграждения. В этих штатах проживает семь миллионов из одиннадцати миллионов белого населения Союза, и это почти две трети территории республики в том виде, в каком она населена в настоящее время. И когда мы вспоминаем, что они стояли так, как стоят сейчас, в течение последних двадцати лет, поскольку прошло уже более двадцати лет с тех пор, как рабство было отменено, как можно было обвинять их в ответственности за существование рабства в других государствах, или в поощрении рабства, которое они были первыми людьми на земле, отменившими, и первыми, кто объединился с другими нациями в борьбе с работорговлей как пиратством. Он знал, что в этом ему будет отказано; но хотя Уилберфорс трудился на благо дела в течение двадцати лет, американская конституция установила ограниченный срок для отмены работорговли, и по истечении двадцати лет Конгресс действительно отменил ее; и это было в том же месяце и за несколько дней до того, как законопроект об отмене прошел через парламент. Таким образом, Америка была первой нацией на земле, которая отменила работорговлю и превратила ее в пиратство. Если мы будем судить по количеству республик, которые не терпят рабства, если мы

будем судить по количеству американских граждан, которые ненавидят рабство, то окажется, что это не американский вопрос, а вопрос, применимый лишь к небольшой части нации. Если бы он хотел доказать, что британцы были идолопоклонниками, он мог бы указать на миллионы идолопоклонников в Индии, при британском правительстве, на каждого в Америке, кто одобрял рабство. Если бы он хотел доказать, что британцы католики и поклоняются Деве Марии, он мог бы указать на запад Ирландии, где на каждого жителя Америки, не желающего отмены рабства, приходится тысяча почитателей Девы Марии. Если бы он вернулся в Америку, собрал общественные собрания и обратился к ним с речью о британском идолопоклонстве, потому что индейцы были идолопоклонниками, или о британском католицизме, потому что многие ирландцы поклонялись Деве Марии, разве мир сразу не увидел бы абсурдность и злобность обвинения; и если бы он осыпал Британию всеми клеветническими эпитетами, какие только мог придумать, — если бы он заставил мудрых, добрых и справедливых аплодировать ему, разве мир сразу не увидел бы всю грубость абсурда? И в чем же тогда разница? Правительство Соединенных Штатов не имеет права отменить рабство в Южной Каролине — Великобритания может отменить идолопоклонство во всех своих владениях. Абсурдно говорить, что это американский вопрос. Америка, как нация, не несет ответственности ни перед Богом, ни перед человеком за существование рабства в определенных частях Союза. Как нация, она сделала все, что было в ее силах. По истечении получаса мистер Б. сел; и

Мистер ТОМПСОН поднялся. Он сказал, что сегодня вечером стоял на платформе не для того, чтобы объяснять им свои взгляды в отношении рабства. Он не стал бы занимать часть их времени изложением каких-либо принципов или взглядов, которых придерживался сам по поводу рабства в том виде, в каком оно существовало в наших собственных зависимостях, или в том виде, в каком оно существует в Америке в настоящее время, или в других частях земного шара. Он стоял там, чтобы оправдать ту политику, которую в далекой стране он счел правильным проводить; он стоял там, чтобы оправдать политику, которая была принята и проводилась и все еще проводится определенными людьми в Соединенных Штатах, многими или немногими, горсткой или множеством, которые были известны под именем аболиционистов Соединенных Штатов Америки. Он стоял там, чтобы оправдать себя и их, бесстрашно, постоянно, непрестанно и универсально, перед каждым классом и цветом кожи на лице обитаемого земного шара, провозглашая великие принципы равной справедливости и равных прав - провозглашая ту великую истину, что рабовладение является преступлением в глазах Бога и должно быть немедленно и полностью упразднено. Что Бог ни в коем случае не давал человеку дискреционной власти владеть собственностью своего ближнего; что немедленное освобождение было правом раба; что немедленное освобождение было обязанностью хозяина. Что ни одно правительство не имело права держать в рабстве ни единой души; что ни одна нация не имела права разрешать рабство, пусть эта нация существует где может; если они называли себя христианской нацией, тем более жестокой была их порочность. Нация, которая позволяла держать в рабстве Божьи создания, которая позволяла торговать людьми за 400 сребреников даже в самой столице, не имела права называться христианской нацией, а если и называла себя христианской нацией, то тем более в высшей степени злой и позорной была нация. Этим поступком эта печально известная, нечестивая нация оскорбила все христианские чувства и была достойна того, чтобы подвергнуться презрению и насмешкам всех народов под небесами, христианских или языческих. Это был важнейший вопрос, и он высказался по нему решительно, но он говорил обдуманно. Он не говорил сердито, но он говорил и должен был

говорить тепло о предмете рабства. Он не мог говорить о миллионах мужчин и женщин, каждый из которых был наделен душой, драгоценной в глазах Бога, — каждый из которых был наделен тем принципом, который ценнее миров, — он не мог говорить о таких, причисленных к животным, со спокойной беззаботностью или причисленных к движимому имуществу, и быть спокойным — если бы он мог это сделать, он был бы готов этими гвоздями вспороть себе грудь и вырвать оттуда сердце, недостойное мужчины. Он мог и хотел спокойно говорить на другие темы, но эта тема требовала энергии, неослабевающей энергии, пока зло не будет стерто с лица земли, пока все царства мира не станут царствами нашего Бога и его Христа. Он был благодарен за предоставленную ему возможность вступить в эту дискуссию; он был благодарен за то, что его оппонент, поскольку, казалось, именно так его следовало называть, был американцем, что он был христианским священником, что он был противником рабства, что он затронул стоящий перед ними вопрос о таланте, образованности, патриотизме и христианских чувствах. Такого соперника он уважал и желал, чтобы зрители уважали его. Он просил их дорожить его личностью, уважать его мнение, взвешивать его аргументы, проверять его факты и, если они были справедливыми, принимать его принципы. Если бы он (мистер Т.) знал самое сильное выражение, которое он когда-либо употреблял в отношении Америки, он использовал бы его сегодня вечером; если бы он знал, в какой глубине своего сердца хранится его худшее желание по отношению к Америке, он вытащил бы его на свет божий, чтобы его оппонент мог обсудить его в их присутствии. Он не смягчил бы ни одного из своих высказываний; он не стал бы приукрашивать свои слова, он ни на йоту не уменьшил бы того, что когда-либо говорил о порочности Америки в прежних случаях. Пусть его оппонент взвесит каждый произнесенный им (мистером Т.) слог, каждое заявление, которое он когда-либо делал, каждое обвинение, которое он когда-либо выдвигал против своей страны или против своей организации, и если он обнаружит, что преувеличил факты или заявил неправду, он будет рад, если ему это покажут. Он был там раньше них и своего противника, чтобы искать правду, правду, которая переживет мистера Брекинриджа, правду, которая переживет Гео. Томпсон — истина, которая была гораздо ценнее самой гордой победы, истина, которая была бесценна для обоих, и пусть истина проявится во время дискуссии, которая могла последовать; и когда они узнают правду, если они увидят что-то, что нужно было забрать назад, от чего нужно отказаться, о чем можно сожалеть, он попытается превзойти своего оппонента в его готовности отречься от того, что было неправильным, уступить тому, что было несостоятельным, и выразить свою скорбь перед Богом и аудиторией за то, что он незаслуженно сказал об Америке. Что касается чувств, которые он питал к американцам, ему достаточно сослаться на последнее опубликованное им письмо американскому народу, из которого он зачитает отрывок, чтобы показать чувства, которые он питал к этой стране, а также к тем ее гражданам, которые могли бы достичь этих берегов из Америки. Затем мистер Томпсон зачитал следующие отрывки:

Я люблю Америку, потому что ее сыновья, хотя и мои преследователи, бессмертны - потому что "они не ведают, что творят", или если они просвещены и своенравны, тем более заслуживают жалости и заботы. Я люблю Америку из-за множества любящих друзей, которых я нашел на ее берегах, которые лелеяли меня, освежали и укрепляли; и чьему уважению я придаю неисчислимую ценность. Я люблю Америку, потому что там обитает закованный в цепи раб — закованный, затемненный и деградировавший сейчас, но вскоре он выйдет к свету и свободе и займет такое же положение на земле, какое занимает на небесах, "но немного ниже ангелов". Я люблю Америку из-за множества могущественных и великолепных предприятий, в которые она вступила ради спасения мира. Я люблю ее возвышающиеся шпили, ее мирные деревни и ее

многочисленные средства морального, литературного и религиозного совершенствования. Я люблю ее отважных сыновей, жителей ее долин и зеленых гор. Я люблю ее коренных детей леса, которые все еще бродят, необразованные и необузданные, в непокоренных дебрях "дальнего запада". Я люблю вашу страну, потому что это театр величайшего состязания, которое сейчас ведется с тьмой, деспотизмом и нищетой на лице земного шара; и потому что вашей стране предназначено стать ареной триумфа, столь же святого по своему характеру и столь же славного по своим результатам, какого когда-либо достигали с помощью людей.

Но хотя моя душа тоскует по Америке, и я ничего так страстно не желаю, как увидеть, как она возвышается среди наций мира с незапятнанной репутацией и всемогущей энергией, все же я, если меня пощадят, сочту своим долгом обнародовать во всеуслышание ее широкие и пугающие отступления от праведности и милосердия. Я буду неустанно возвещать о несправедливости ее поработанных детей; и, пока она продолжает "торговать душами людей", клеймите ее как отступницу от великих принципов ее революционной борьбы и лицемерную во всех ее заявлениях о приверженности делу прав человека.

Я благодарю Бога, что не испытываю чувства горечи или мести ни к одному человеку в Америке, не исключая моего самого закоренелого врага. Если море, в которое я собираюсь отправиться, примет меня прежде, чем я достигну родного берега — если это будет последнее письмо, которое я когда-либо обращаю к народу Америки, Небеса мне свидетели, я правдиво и искренне подтверждаю, что, поскольку я надеюсь на добровольное прощение, я также добровольно прощаю своих преследователей и клеветников и молюсь: "Господи, не возлагай этот грех на них".

В другой части того же письма он выражался так:—

Если милостивое провидение снова поместит меня на землю моего рождения, и когда я окажусь там, если какой-нибудь американец (а я надеюсь, что многие) посетят эту землю, чтобы отстаивать дело добродетели и филантропии и стремиться в любви побудить нас к добрым делам, пусть он знает, что найдется один человек, который отстоит свое право на свободу слова, один человек, который публично и в частном порядке будет утверждать и поддерживать божественность своего поручения по борьбе с грехом и облегчению страданий в любой форме, на любой широте и под какими бы санкциями и властями оно ни скрывалось и не охранялось. И приходя на такие дела, мне кажется, я отдаю себя в имени моей страны, что он не будет с женой и малютками, из дверей отеля менее чем через 36 часов после того, как он дышит нашим воздухом—что он не должен быть осужден как зажигательные, фанатик, эмиссар, враг и предатель—то он не нападал с бранью и ракет, в то время как провозглашать с амвона в доме Божиим, вечером христианской субботы, доктрины здравого смысла, справедливости и милосердия, то он не должен быть под угрозой, куда он идет, с дегтем и перьями—что он не может быть аннулирован и ругали в газетах, выраженные религиозные, а люди, называющие себя христианами министров—что он не будет иметь цена, указанная на голове его, и дом его, окруженный бандитами, наняли эффект его похищением,—что жена и дети не должны быть вынуждены бежать из очага друга, дабы они не были 'дым' мужчины в гражданской администрации, а также их платных мирмидонян—что мать и ее малыши должны найти не в полночь, в доме, окруженном разъяренная толпа, звонить с ужасными execrations для мужа и отца—что его дама не должна быть обречена, а на чужой земле, чтобы увидеть ее детки цепляются за нее с испугом, воскликнув: 'мафия не сделать Папа, - папа хороший, не правда ли?

озорная толпа не доберется до него, не так ли?" — что он, в конце концов, не будет вынужден покинуть самый просвещенный и христианский город нашей страны, чтобы избежать ножа убийцы, и вернуться, чтобы рассказать своей стране, что в Британии друг добродетели, человечности и свободы был выведен за пределы защиты законов и черты цивилизованного сочувствия и отдан профессорами и профанами на милость кровожадной черни.

Эти выдержки были из последнего письма, которое он написал народу Америки и которое было там широко опубликовано; и он был рад возможности сейчас представить их аудитории в Глазго и включить в программу вечера, чтобы показать, что тогда он простил Америку, что теперь он простил Америку. Он встанет там, чтобы защитить право мистера Брекинриджа на справедливое разбирательство дела его (мистера Томпсона) соотечественниками; и выступит вперед в качестве его защитника, чтобы спасти его от метательного снаряда, который может быть направлен в него, и принять в свою грудь кинжал, который может быть направлен в его сердце. Его оппоненту, возможно, не терпелось узнать, какой отчет он (мистер Т.) сделал по возвращении в Великобританию о своих действиях в Америке. Поэтому он зачитал бы выдержку из протокола Лондонского общества всеобщей эмансипации:

Затем Джордж Томпсон был представлен Комитету и подробно рассказал о результатах своей миссии в Соединенных Штатах и нынешнем обнадеживающем аспекте борьбы с рабством в этой стране. Ниже приводится краткое изложение его заявления:

Он желал быть искренне благодарным Божественному Провидению за сохранение сигнала и помощь, оказанную ему во всех его трудах, опасностях и преследованиях. Он считал высокой честью, что ему было позволено провозгласить в ушах далекого народа великие принципы, которых придерживается Общество.

Он отплыл из этой страны 17 августа 1834 года, высадился в Нью-Йорке 20 сентября и приступил к своей общественной деятельности 1 октября. Его публичные лекции продолжались вплоть до 20 октября 1835 года, за этот период он прочитал от 2 до 300 публичных лекций, не считая бесчисленных коротких выступлений перед комитетами, съездами, ассоциациями и т.д. и т.п. Его аудитория неизменно была переполнена и время от времени состояла из членов законодательных собраний штатов, глав колледжей, профессоров, священнослужителей всех конфессий, представителей юридической профессии и студентов почти всех теологических и академических институтов Новой Англии. Результатом его трудов стало беспрецедентное увеличение числа ассоциаций по борьбе с рабством. Вплоть до мая 1835 года он не встречал серьезного или внушительного сопротивления. В то время Национальное общество сообщило о существовании 250 вспомогательных организаций и о своей решимости выделить в течение следующего года сумму в 30 000 долларов на печатание статей и брошюр, которые будут безвозмездно распространены среди всего белого населения страны. Южные штаты, ранее почти безмолвствовавшие и бездействовавшие, вскоре после этого запустили систему терроризма, перехватывая общественный транспорт, обыскивая почтовые мешки, подвергая бичеванию, калеча или убивая всех, кого подозревали в антирабовладельческих взглядах, и единодушно призывая Свободные штаты принять законы, ограничивающие свободу слова и прессы, по теме рабства. Север быстро откликнулся на призыв Юга, и повсюду в Свободных Штатах аболиционисты становились жертвами преследований, проскрипций и произвола. Друзья негритянской свободы повсюду переносили с почти беспрецедентным терпением и духом христианского милосердия многочисленные обиды, накопившиеся на их долю. Они не

переставали трудиться ради Святого дела, которое отстаивали, но настойчиво следовали своим курсом, используя все средства, санкционированные Правосудием, религией и Конституцией их страны. Результатом стало быстрое распространение их принципов и значительное усиление моральной силы. Г. Т. дал ужасающий отчет о состоянии Южных Церквей. Пресвитериане, баптисты и епископальные методистские церкви были главными столпами системы рабства. Если бы они отказались от своего участия в его управлении и получении прибыли, он не просуществовал бы и одного года. Епископы, председательствующие Старейшины, Странствующие проповедники, Местные проповедники, Попечители, Управляющие, классные руководители, частные члены и другие служители в Церквях Методистской епископальной церкви, а также проповедники и подчиненные члены других деноминаций являются, за редким исключением, Рабовладельцами. Многие проповедники не просто владели домашними рабами, но были плантаторами "в довольно обширных масштабах" и делили свое время между обязанностями пастора и погоней банды негров на хлопковые, табачные или рисовые плантации.

На крупных митингах в защиту рабства в Чарльстоне и Ричмонде духовенство всех конфессий присутствовало в полном составе и по приказу Комитетов бдительности приостановило работу своих школ для обучения цветного населения, получив в награду вотум благодарности от своих братьев-рабовладельцев-мирян "за их благоразумное и патриотическое поведение".

Г. Т. дал самый обнадеживающий отчет о нынешнем состоянии борьбы с рабством, насколько это можно было установить из недавно полученных писем. Он заявил, что в настоящее время, не считая журналов, издаваемых Обществами борьбы с рабством, насчитывается 100 газет, смело отстаивающих принципы отмены рабства. От 4 до 500 вспомогательных ассоциаций, включающих 15 или 1700 служителей Евангелия различных деноминаций. Г. Т. изложил также ряд подробностей, свидетельствующих о быстром распространении правильных мнений среди конгрегационалистов, пресвитериан, методистов и баптистов, представив Документ, только что полученный от последней названной организации, подписанный 185 священнослужителями, являющийся ответом на письмо, адресованное баптистскими служителями в Лондоне и его окрестностях баптистским церквям Америки, и полностью отражающий все их чувства по вопросу немедленной и полной эмансипации. Дело продвигалось с ускоренной быстротой. Десять или двенадцать агентов Национального общества непрерывно работали вместе со многими другими, нанятыми Государственными обществами, которых было семь, а именно. Кентукки (рабовладельческий штат), Огайо, Нью-Йорк, Род-Айленд, Массачусетс, Нью-Гэмпшир и Вермонт. Геррит Смит, эсквайр. компетентный орган заявил, что каждую неделю в одном только штате Нью-Йорк в ряды аболиционистов вступало не менее 500 человек, и он не знал, что во всех Обществах был один невоздержанный или нечестивый человек. Г. Т., описывая характер лиц, входящих в Общества борьбы с рабством в Америке, заявил, что все они были мужчинами и женщинами, придерживающимися религиозных принципов и, в большинстве случаев, бесспорного благочестия. Он никогда не знал ни одного благотворительного предприятия, продвигавшегося вперед в большей зависимости от Божественного Руководства и Божественной Помощи, чем дело отмены смертной казни в Соединенных Штатах. На всех своих собраниях, публичных или светских, они посвящали себя Богу в Молитве, и он обнаружил, что те, кого наиболее яростно осуждали как "Фанатиков и подстрекателей", были людьми здравыми в суждениях, спокойными по характеру, обдуманно в советах и осмотрительными, хотя и решительными, в действиях. Великим принципом, на котором были основаны все их Общества, была существенная греховность рабовладения и вытекающая из этого

необходимость его немедленной и полной отмены. Великим средством, с помощью которого они стремились достичь своей цели, была бесстрашная публикация истины в любви, адресованная пониманию и сердцам их сограждан. Целесообразность была доктриной, от которой они отказались. Свободные от тяги ко времени или робости, они смело полагались на праведность своего дела, силу истины и благословение Божье. Они имели право на самую теплую благодарность, полнейшее доверие и самое сердечное сотрудничество со стороны аболиционистов Великобритании.

Он был счастлив заявить, что везде, где были полностью приняты принципы немедленной отмены рабства, предубеждение против цвета кожи было отброшено в сторону, и что члены Обществ по борьбе с рабством по всей стране всеми надлежащими средствами пытались добиться морального, интеллектуального и духовного возвышения цветного населения.

Он надеялся, что у него еще будет достаточно возможностей ответить на позиции, занятые его оппонентом. Он думал, что сможет показать, что рабство в Америке было американским рабством; что Конгресс Америки — что Конституция Америки сделала это институтом страны и, следовательно, национальным грехом Америки. Что касается любого вопроса, касающегося Конституции и законов Соединенных Штатов Америки, он был рад, что имеет дело с джентльменом, который хорошо их знал, который пользовался высокой репутацией благодаря своим конституционным и юридическим достижениям; и он надеялся, что тот сможет доказать, что рабство в Америке было американским рабством, что люди на Севере не ненавидели рабство, что они не выступали против рабства, что они были самыми большими сторонниками рабства в Соединенных Штатах, что рабство в Америке было национальным вопросом. Но он сохранит свои доказательства до тех пор, пока у него не будет времени сказать что-нибудь вместе с ними. Наше вмешательство не было политическим вмешательством в дела Америки, это было всего лишь моральное вмешательство, направленное на то, чтобы положить конец рабству — и он надеялся, что народ этой страны продолжит осуждать рабство в Америке; и в то же время он вполне желал, чтобы его оппонент осудил идолопоклонство наших восточных владений.

Мистер БРЕКИНРИДЖ сказал, что он продолжит линию аргументации, которой он придерживался; но прежде чем сделать это, он хотел бы сделать одно замечание. Как это произошло — признать все, что было сказано его оппонентом, правдивым и справедливым, как же так получилось, что одни и те же аргументы и одни и те же принципы были так по-разному восприняты в разных странах? Как случилось, что человек, который отстаивал одно и то же дело, с тем же темпераментом и почти теми же словами в Глазго и Бостоне, в одном месте был поддержан всеобщими аплодисментами, а в другом подвергся жестокому обращению и презрению и даже был вынужден бежать, спасая свою жизнь? Мистер Томпсон говорил о северных штатах как о величайших друзьях рабства, забывая, что раньше он представлял духовенство как таковое. Это было одной из главных причин его неуспеха — того, что по праву можно было бы назвать его сигнальным провалом. Он выдвинул несправедливые обвинения против целого народа и, как следствие, подвергся жестокому обращению. Мистер Томпсон проявил большую часть доблести и осмотрительности, позаботившись о том, чтобы никогда не посещать ни одно из рабовладельческих государств. Он никогда не видел рабовладельца, за исключением, возможно, того, что встречал такого человека в свободном государстве. По

крайней мере, если он и сделал это, то это было обстоятельство, о котором не было общеизвестно, одна из тех скрытых вещей, о которых не разрешалось читать. Сделав это замечание, он (г-н Б.) продолжил бы утверждать, что в рабовладельческих штатах существовало значительное меньшинство — в некоторых случаях почти половина населения — рьяно выступающее за отмену рабства. В Кентукки рабовладение было введено лишь небольшим большинством. Когда некоторое время спустя конвент обсуждал этот вопрос, это большинство уменьшилось, и все еще в этот час в том штате, в котором он родился, одним из самых острых политических вопросов, которые волновали его, было то, следует ли отменить рабовладение или сохранить его в качестве элемента конституции. Давным-давно был принят закон, налагающий штраф в размере шестисот долларов на того, кто привозит раба в штат для продажи, и триста долларов на того, кто его покупает. Таким образом, штраф в размере девятисот долларов был объявлен наказанием за ввоз раба в Кентукки в качестве товара. Ему было жаль говорить о покупке и продаже людей, но, чтобы его поняли, это было абсолютно необходимо. Также и в Виргинии, откуда в значительной степени был населен Кентукки, не так много лет назад произошло ужасное восстание, и было совершено много жестокостей — излишне говорить, на стороне ли большей части черных или белых. Следующий законодательный орган этого штата рассмотрел вопрос о рабстве во всей его полноте — принял закон о выделении 20 000 долларов Обществу колонизации — и лишь небольшим большинством отклонил предложение распределить этот фонд в равной степени в пользу освобождаемых рабов - как и тех, кто уже свободен. Он упомянул обо всем этом просто для того, чтобы показать, что на юге существует большая и набирающая силу партия, выступающая за отмену негритянского рабства. Фактически, в некоторых южных штатах количество свободных цветных людей увеличивалось быстрее, чем белых; только в Мэриленде насчитывалось 52 000 человек свободного цветного населения, все из которых или их непосредственные предки были добровольно освобождены. Поэтому нет нужды говорить, что в южных штатах не было партии, выступающей против рабства. Конечно, такой партии в понимании мистера Томпсона не существовало; но определение мистера Томпсона было неправильным, как он (мистер Б.) объяснил бы прямо. Было ли тогда справедливо, спрашивал он, выставлять перед британской общественностью не только жителей свободных штатов, но и это огромное меньшинство в южных штатах как сторонников рабства? Пусть рабство будет осуждено, но пусть это осуждение не обрушится на весь американский народ, многие из которых делали все возможное для его отмены. Если Луизиана решила увековечить рабство, пусть это будет сказано о Луизиане. Если Южная Каролина придерживалась этой системы, скажите об этом Южной Каролине; но не впутывайте в это дело массы американского народа, многие из которых так же сильно выступают против рабства, как и сам мистер Томпсон. Он слышал, как говорили, что солнце никогда не заходит над британскими владениями. Тогда с таким же успехом британский народ мог бы отождествляться с идолопоклонством, царившим в Индостане, как американцы - с негритянским рабством. Этот вопрос не был американским; он существовал исключительно между рабовладельцем и остальным миром. Поэтому было несправедливо обвинять американцев как нацию: винить следует рабовладельца, и только рабовладельца, пусть он живет там, где может. Разобравшись таким образом с первой частью своего аргумента, он, естественно, перешел к объяснению удивительного феномена приема мистера Томпсона в Америке — к объяснению того, почему этот прием так отличался от того, с которым тот же джентльмен встретился в Глазгоу. Мистер Томпсон рассматривал этот вопрос как вопрос гражданской организации. Теперь факт заключался в том, что американская нация разделилась по этому вопросу на две партии, а именно на партии, выступающие за рабство, и партии,

выступающие против рабства. Одна партия сказала, оставьте это в покое; другая, и, безусловно, самая многочисленная партия, сказала, что в связи с этим следует что-то предпринять. В последний названный класс должно было быть включено население всех не рабовладельческих государств. Он заявил в присутствии Бога о своем убеждении, что в свободных штатах нет ни одного здравомыслящего человека, который не желал бы, чтобы мир избавился от рабства. Он верил в то же самое в отношении значительного меньшинства в штатах, в которых существовало рабство. Сами сторонники рабства также были разделены. В одном разделе - и он с радостью добавил, что в небольшом, вызванном к действию фактически только той горячностью, которая была вызвана насилием друзей мистера Т., — говорилось о рабстве как о чрезвычайно хорошей вещи, не только согласующейся с законом Божиим, но и абсолютно необходимой для развития цивилизации. Эта вечеринка была организована в течение последних нескольких лет и встретила насилие со стороны партии мистера Томпсона соответствующим насилием, поскольку балка естественным образом стремится к равновесию. Другая часть партии, выступающей за рабство, считала рабство большим злом и желала, чтобы оно было отменено, но они не видели, как это можно осуществить. Они родились в обществе, где рабство существовало, и они не видели иного выхода, кроме как позволить ему излечить себя. Это были две части, на которые разделились сторонники рабства. Партия борьбы с рабством также состояла из людей, имевших разные взгляды на этот предмет. Один класс назывался постепенцами, эмансипационистами и колонизаторами. — Остальных называли аболиционистами. Мистер Томпсон отождествлял себя с последним классом. И сейчас, как и во время пребывания в Америке, его восхваления мистера Гаррисона и всех их лидеров, его оскорбления в адрес их противников и его попытки приковать британскую общественность по рукам и ногам к ним и их проектам демонстрируют его неизменную преданность им. Он снова упомянул бы об этой партии, но пока лишь сказал бы, что ее члены проявили гораздо больше честности, чем мудрости. В 1833 году аболиционисты провели Съезд в Филадельфии, на котором они составили Декларацию независимости — декларацию, которую, осмелюсь сказать, мистер Томпсон берег как зеницу ока; но которая оказалась более эффективной в поднятии толпы, чем когда-либо "ведьма" в поднятии ветра. В документе, о котором он говорил, провозглашались три принципа, за провозглашение которых члены Конвента отдали свои жизни и свое состояние. Ряд указанных деталей, в подтверждение которых они заявили, что будут жить и умрут, пошел на существенное изменение законов и Конституции Соединенных Штатов, и все же делался вид, что это не политический вопрос! Их первый принцип состоял в том, что каждое человеческое существо имеет немедленное право быть свободным, независимо от всех последствий; и неспособным к ограничению или изменению. Второе сходно с этим: право гражданства, присущее каждому человеку в том месте, где он родился, настолько совершенно, что лишать его возможности его осуществлять каким бы то ни было образом — даже путем эмиграции, при сильном моральном принуждении, - грех. Их третий принцип состоял в том, что все предубеждения против цвета кожи греховны; и что все наши суждения и все наши чувства по отношению к другим должны регулироваться исключительно их моральной и интеллектуальной ценностью. Мистер Б. сказал, что изложил эти принципы только по памяти - как и большинство фактов, на которые он опирался. Но он был готов выстоять или пасть в обеих странах из-за существенной точности своих заявлений. На этом мистер Брекинридж завершил свое выступление, поскольку отведенный ему срок истек.

Мистер ТОМПСОН стремился представить перед собранием документальные свидетельства, отдавая предпочтение всему, что он мог сказать сам. Вместо того чтобы излагать свои собственные взгляды, как он делал во многих предыдущих случаях, он хотел представить такие документы, которые даже его оппонент признал бы подлинно американскими. Он пообещал себе показать, что это американский вопрос. Он не был готов к этой теме, потому что не ожидал, что мистер Брекинридж снимет с Америки обвинение в том, что она является рабовладельческой нацией; тем не менее, он был совершенно готов взяться за нее. Он взялся бы доказать, что существование рабства в Соединенных Штатах было результатом компромисса - что Конституция Соединенных Штатов фактически была основана на компромиссе в отношении этого вопроса. В то время, когда была согласована Конституция, тогдашние рабовладельческие штаты отказывались вступать в так называемую конфедерацию республик, если только рабовладение не было разрешено. В то время в Союзе насчитывалось всего триста тысяч рабов; сейчас их было два с половиной миллиона. Так много, сказал мистер Томпсон, добрых и влиятельных людей Юга, о которых говорил мистер Брекинридж, сделали для отмены рабства. Тогда их было триста тысяч; сейчас их было два миллиона четыреста тысяч. Метод, с помощью которого эти добрые и влиятельные люди добивались искоренения рабства, был ирландским методом; он отчетливо показал степень их рвения и полезности. Почему, полностью отбросив свое влияние, они могли бы, будь их так же много, как представлено его уважаемым противником, освободить столько же своих собственных рабов. Без сомнения, говорили, что законы препятствовали этому; но кто издавал законы? Ребенок не мог сделать то, что ей приказала мама, потому что она была привязана к столу красного дерева, и на вопрос, кто ее привязал, она могла только ответить, что это была она сама. Подобным же образом он мог бы обрушиться на тех, кого представлял его уважаемый оппонент, как на ненавистников рабства. Они хотели, чтобы их называли эмансипаторами; их следовало бы называть сторонниками колонизации. Он спрашивал их, что они сделали? Разве они не пошли на компромисс со всеми принципами справедливости и правдивости, разрешив рабовладение в своем Союзе? Разве они даже не предоставили исключительные привилегии рабовладельцам? Разве они не даровали им такие привилегии, что даже сейчас они направили в Конгресс на двадцать четыре или двадцать пять представителей больше, чем их доля? Его уважаемый оппонент сказал, что это не национальный вопрос. Зачем тогда посылать шесть тысяч штыков на Юг для защиты рабовладельца? Почему американский народ облагался налогами, чтобы содержать штыки, мушкетеры и артиллерию на Юге? Это не национальный вопрос! Почему же тогда Миссури был принят в члены Союза — Миссури был рабовладельческим штатом, принятым голосами северных республик. Мистер Брекинридж очень стеснялся столичного штата и полномочий Конгресса по пресечению внутренней торговли рабами. Однако он (г-н Томпсон) надеялся, что эта ветвь темы будет рассмотрена. Сам его оппонент в письме, адресованном нью-йоркскому евангелисту, заявил, что Конгресс обладает всей полнотой власти для пресечения внутренней торговли рабами; и все же они этого не сделали. На самом деле в этом вопросе вообще не было вопроса о полномочиях Конгресса; однако было сказано, что вопрос о рабстве не является национальным. Жители Северных штатов, ненавидящие рабство, свободолюбивые жители Северных штатов заявили, что будут сражаться плечом к плечу с рабовладельцами Юга, если рабы осмелятся восстать и сказать, что они мужчины, и после всего этого было заявлено, что это не национальный вопрос. Мистер Брекинридж сказал, что он (мистер Томпсон) получил всю информацию из вторых рук. Он мог бы назвать причину, однако он знал, что такое откровение было бы ужасным. Он знал, что благочестивые люди, сторонники отмены смертной казни, были повешены, зарезаны, их спины вспороли

пресвитерианские старейшины; и если такое было сделано по отношению к уроженцам Новой Англии, чего мог ожидать такой незнакомец, как он? Он (мистер Т.), похоже, получил все из вторых рук. Он расскажет собранию, где он получил некоторую информацию. От самого мистера Брекинриджа; и он должен сказать, что вряд ли можно встретить более здравые или справедливые взгляды на рабство - или более полное оправдание миссии, в которой он (мистер Т.) был так недавно задействован. Это было доказательство, которое, как он не опасался, могло быть исключено во внесудебном порядке. Это было свидетельство друга и защитника Америки. Затем мистер Т. зачитал следующий отрывок из речи, произнесенной мистером Брекинриджем:

Что же тогда такое рабство? поскольку вопрос касается воздействия на него определенных принципов и его вероятных и надлежащих результатов; что такое рабство в том виде, в каком оно существует среди нас? Мы отвечаем, что это условие, закрепленное законами половины штатов этой конфедерации, при котором одной части сообщества, называемой хозяевами, предоставляется такая власть над другой частью сообщества, называемой рабами; как

1. Лишить их всего заработка их собственного труда, за исключением лишь той суммы, которая необходима для продолжения самого труда путем продолжения здорового существования, совершая таким образом явный грабеж.
2. Довести их до необходимости всеобщего сожительства, отказав им в гражданских правах брака; таким образом, разрушаются самые дорогие отношения в жизни и поощряется всеобщая проституция.
3. Лишать их средств и возможностей для развития моральной и интеллектуальной культуры, при этом во многих штатах обучение их чтению является уголовно наказуемым деянием; таким образом, увековечивая любое зло, проистекающее из невежества.
4. Установить между родителями и их детьми авторитет, более высокий, чем побуждения природы и законы Бога; который разрушает власть отца над его собственным отпрыском и, по своему желанию, отдаляет мать на невозвратное расстояние от ее ребенка; таким образом, отменяя самые ясные законы природы; таким образом, попирая всякую порядочность и справедливость, унижая и угнетая тысячи и тысячи существ, созданных подобно им самим, по образу всевышнего Бога! Это рабство в том виде, в каком оно ежедневно проявляется в каждом рабовладельческом государстве.

Здесь, продолжал мистер Т., рабство признано явным грабежом, и все же оно не должно быть немедленно отменено! Всеобщее сожительство и проституция, которым нельзя немедленно положить конец! О, эти злобные аболиционисты, которые стремятся немедленно покончить с таким положением вещей. Какое огромное добро сделали эмансипаторы Юга, как они хотят, чтобы их называли, колонизаторы, как их следовало бы называть, за свой пятидесятилетний труд, когда это еще предстоит сказать преподобному Р. Дж. Брекинриджу. Дорогие, восхитительные, энергичные мужчины! Поистине, если это все, чего они смогли добиться, то пришло время передать эту работу в более умелые руки. Затем мистер Томпсон зачитал выдержку из Филадельфийской декларации. Мистер Брекинридж назвал это декларацией независимости, но это была всего лишь декларация чувств.

Мы собрались вместе для осуществления предприятия, без которого дело наших отцов было бы неполным и которое по своему размаху, торжественности и вероятным последствиям для судеб мира настолько превосходит их собственные, насколько моральная истина превосходит физическую силу.

В чистоте побуждений, серьезности рвения, целеустремленности, бесстрашии действий, непоколебимости веры, искренности духа мы не уступили бы им.

Их принципы побуждали их вести войну против своих угнетателей и проливать человеческую кровь, как воду, чтобы стать свободными. Наши запрещают творить зло, чтобы могло прийти добро, и побуждают нас отвергать и умолять угнетенных отказаться от использования всего плотского оружия для освобождения от рабства, полагаясь исключительно на то, что духовно и могущественно через Бога разрушить крепкие оковы.

Их мерами были физическое сопротивление — построение с оружием в руках — построение противника — смертельная схватка. Нашим будет только противопоставление моральной чистоты моральному разложению, уничтожение заблуждения силой истины, ниспровержение предрассудков силой любви и упразднение рабства духом покаяния.

Их обиды, какими бы великими они ни были, были ничтожны по сравнению с обидами и страданиями тех, за кого мы взываем. Наши отцы никогда не были рабами — их никогда не покупали и не продавали, как скот, — никогда не закрывали от света знания и религии, никогда не подвергали плетям жестоких надсмотрщиков.

Но те, за чью эмансипацию мы боремся, составляющие в настоящее время по меньшей мере одну шестую часть наших соотечественников, - признаются законами и обращаются со своими братьями как с товарным товаром — как с товарами и движимым имуществом - как с дикими животными; у них ежедневно отнимают плоды их тяжелого труда без возмещения ущерба; на самом деле они не пользуются конституционной или правовой защитой от распущенных и кровожадных посягательств на их личность — их безжалостно разрывают на части — нежного младенца из рук его обезумевшей матери — убитую горем жену от ее плачущей матери. мужа — по прихоти или удовольствию безответственных тиранов; —за преступление, заключающееся в том, что у них темный цвет лица — они страдают от мук голода, нанесения побоев и позора жестокого рабства. Они содержатся в языческой тьме по законам, специально принятым для того, чтобы сделать их обучение уголовным преступлением.

Таковы важнейшие обстоятельства положения более чем двух миллионов наших людей, доказательство которых можно найти в тысячах неоспоримых фактов и в законах рабовладельческих государств.

Следовательно, мы утверждаем:—

Что, принимая во внимание гражданские и религиозные привилегии этой нации, вина за ее угнетение не имеет себе равных ни в одной другой стране на лице земли — и, следовательно,

Что это обязывает немедленно раскаяться, снять тяжелое бремя, сбросить всякое ярмо и отпустить угнетенных на свободу.

Мы также утверждаем:—

Что ни один человек не имеет права порабощать или извращать своего брата — ни на мгновение не считать его товаром, ни удерживать плату обманом, ни извращать его разум, отказывая ему в средствах интеллектуального, социального и морального совершенствования.

Право пользоваться свободой неотчуждаемо. Посягать на нее - значит узурпировать прерогативу Иеговы. Каждый человек имеет право на свое собственное тело, на продукты своего собственного труда, на защиту закона и на общие преимущества общества. Купить или украсть коренного африканца и обратить его в рабство - это пиратство. Несомненно, порабощение американца - такой же великий грех, как и африканца.

Поэтому мы верим и подтверждаем:—

Что между африканской работорговлей и американским рабством нет принципиальной разницы.

Что каждый американский гражданин, который удерживает человека в невольном рабстве в качестве своей собственности, является (согласно Священному Писанию) похитителем людей.

Что рабов следует немедленно освободить и передать под защиту закона.

Что, если бы они жили со времен фараона до настоящего периода и передавались из поколения в поколение, их право быть свободными никогда не могло быть отчуждено, но их притязания постоянно возрастали бы.

Что все те действующие ныне законы, допускающие право рабства, следовательно, являются перед Богом совершенно недействительными; являясь дерзкой узурпацией Божественной прерогативы, дерзким посягательством на закон природы, низменным ниспровержением самих основ общественного договора, полным прекращением всех отношений, привязанностей и обязательств человечества и самонадеянным нарушением всех святых заповедей — и что, следовательно, они должны быть немедленно отменены.

Он спрашивал, есть ли здесь что-нибудь отличное от того, что он прочитал у своего уважаемого оппонента? Чувства были те же, хотя и не выражены сильным и пылким языком мистера Брекинриджа. Описание рабства мистером Брекинриджем было еще более методичным, ясным и лучше выстроенным; поэтому он был склонен предпочесть его другому. Однако он попросил бы мистера Брекинриджа не настаивать на том, чтобы говорить о насилии, как он это называл, со стороны аболиционистов, только в общих чертах. Он надеялся, что тот укажет на примеры, на которые он ссылался, а не воспользуется ими, потому что они были немногочисленны и *одиозны*. Они не были исключением в том, что их называли одиозными. Люди того времени называли Ноя одиозным, потому что он указал им на нечестие, в котором они были виновны. Каждого реформатора называли одиозным, и он верил, что всегда будет среди тех, кого рабовладельцы и их апологеты считали одиозными. Он повторил, что хотел бы, чтобы мистер Брекинридж отказался от общих обвинений и указал время и место, когда он выдвинет свои обвинения. Прошло то время, когда в Глазго расплывчатые утверждения могли произвести какой-либо эффект. На самом деле, недалеки были времена, когда даже здесь друзей свободы негров считали ненавистными — когда их была всего лишь горстка, собиравшаяся в комнате гостиницы "Черный бык". Но из одиозных они превратились в уважаемых, а из уважаемых торжествующих вследствие того, что отказались от целесообразности и заняли свою позицию на широких принципах правды и справедливости.

Мистер БРЕКИНРИДЖ сказал, что он так часто и в самых разных формах выражал чувства, содержащиеся в отрывках, которые только что были зачитаны как его собственные, что он не может сказать, из какой именно речи или сочинения они были взяты. Но он не сомневался, что если бы весь отрывок, к которому они относились, был прочитан, то стало бы видно, что они содержали, в дополнение к тому, что они слышали, самое безоговорочное осуждение иррационального курса, проводимого аболиционистами. Он также верил, что, что бы это ни было, это письмо было произнесено им в рабском состоянии. Ибо он мог сказать за себя, что никогда не говорил о брате, стоящему него за спиной, такого, что он побоялся бы или не захотел бы повторить ему в лицо. Он никогда не ездил в Бостон, чтобы крикнуть в ответ в Балтимор, в каком великом грехе они повинны, поддерживая рабство. Худшие вещи, которые он говорил против рабства, были сказаны в рабовладельческих штатах, и если бы мистер Томпсон побывал там и увидел своими глазами то, что он описывает исключительно понаслышке, он, возможно, понял бы предмет лучше, чем ему кажется. Поскольку он чувствовал себя уполномоченным богом, он не должен был испытывать страха, он должен был пойти на любой риск, он должен был увидеть рабство в его истинных красках, хотя и прочел это в своей собственной крови. Если бы Савл из Тарса поехал в Америку, чтобы увидеть рабство — осмелюсь сказать, с Божьей помощью он бы обязательно это увидел. Он не сказал, что мистеру Т. следовало бы отправиться в Южные штаты, если его поездка туда могла подвергнуться опасности для его жизни; но он сказал бы вот что: мистеру Томпсону не следовало притворяться, что он был, хотя бы в малейшей степени, мучеником за правое дело, тогда как на самом деле он проявил величайшую осмотрительность. Что касается действий аболиционистов, поскольку его попросили сообщить подробности, он не мог сказать, что когда-либо слышал об их убийстве какого-либо человека, и он никогда не слышал о том, чтобы кто-либо из них был убит. Однако он мог бы упомянуть, что однажды он сам чуть не подвергся нападению толпы в Бостоне, и это тоже было сделано толпой, настроенной против него плакатами, написанными, как он полагал, Уильямом Ллойдом Гаррисоном. У него никогда не было прямых доказательств этого, но он мог бы указать в качестве основания для своей уверенности, что подстрекательские плакаты были точно такой же ширины и внешнего вида, как столбцы газеты Гаррисона "Освободитель", и такой ширины не было ни в одной другой газете этого города. Мистер Б. рассказал о втором случае, в котором по прибытии в город Нью-Йорк преподобного Дж. Л. Уилсона, миссионера в Западной Африке, на попечении двух мальчиков, сыновей двух африканских королей, отданных их отцами в Мэрилендское колонизационное общество для получения образования; некоторые друзья Общества борьбы с рабством этого города, с согласия, если не путем подкупа, как считалось повсеместно, Элизура Райта—младшего, видного деятеля и секретаря главного общества аболиционистов - получили предписание забрать тела мальчиков под свое покровительство. притворство, будто они верят, что их похитили в Африке. Эти два случая, которые он рассмотрел, возможно, пока удовлетворили бы аппетит мистера Т. к фактам; у него их было бы еще много, когда они дошли бы до главного вопроса обсуждения. Еще один пример, и он бы закончил. В Соединенных Штатах существовал закон, согласно которому, если раб убежал из одного из рабовладельческих штатов в любой из не рабовладельческих штатов, власти последнего были обязаны выдать его хозяину. Беглый раб содержался в нью-йоркской тюрьме, и перед отправкой домой была предпринята попытка поднять толпу с целью его освобождения. Законопроект, призывающий людей взять законы в свои руки, был связан с аболиционистом — тем самым Элизуром Райтом—младшим. Он принес в офис одной из

главных городских газет опровержение обвинения - в записке, подписанной им в его официальном качестве. Ему сказали, что этого недостаточно, поскольку предполагалось, что он совершил рассматриваемое деяние в личном, а не в официальном качестве. Он ответил, что пришло бы время выступить с опровержением в такой форме, когда обвинение было бы выдвинуто столь конкретно; пока же он считает фактическое опровержение достаточным.

"Тогда, сэр, — сказал один из присутствующих, - я обвиняю вас в написании плаката, поскольку я видел его в вашем почерке. Этих примеров было достаточно, чтобы доказать, что выдвинутое им обвинение в насилии не было необоснованным. Ссылаясь на заявление, сделанное г-ном Томпсоном относительно количества рабов в Соединенных Штатах в начале революции, г-н Б. сказал, что невозможно было точно знать, какое их было количество в то время, поскольку не было статистических данных до 1790 года, когда в пяти первоначальных рабовладельческих штатах насчитывалось шестьсот шестьдесят пять тысяч рабов. Усилия американской нации положить конец рабству вызвали насмешки, но он хотел бы, чтобы они имели в виду, что в Соединенных Штатах насчитывается четыреста тысяч свободных цветных людей, все из которых или их предки были освобождены народом Америки, и ни один из них, насколько ему известно, не был освобожден аболиционистом. В дополнение к ним в Африке находилось еще не менее четырех тысяч человек, многие из которых были освобождены от оков и отправлены в эту страну. Он спрашивал, следует ли считать все это ничем. Если бы они на мгновение задумались об огромной сумме, которая потребовалась бы для выкупа стольких рабов, они бы поняли ценность жертвы. Они могли бы сказать, что выделили 150 000 000 долларов на отмену рабства. Может показаться эгоистичным говорить об этом таким образом; но если поведение Великобритании, какой бы богатой и могущественной она ни была, не считалось достойным похвалы за то, что она совершила акт справедливости, предоставив освобождение вест-индским рабам ценой в 100 000 000 долларов или 20 000 000 фунтов стерлингов, то насколько больше можно было бы сказать о 30 000 000 фунтов стерлингов, выплаченных несколькими сравнительно бедными и разрозненными общинами и отдельными людьми. Им рассказали несколько замечательных историй о столе из красного дерева, к которому привязали себя жители Америки, и им оставалось сделать вывод, что это было довольно легко, что им просто требовалось напряжение воли, чтобы освободить своих рабов. Теперь, исходя из этого, он мог только спросить, в состоянии ли он определить место своего рождения? Нет. Он также не приложил никакой руки к установлению законов того места, где родился, и не имел права изменять их. Они, действительно, могли бы быть изменены, и ему следовало бы добавить, что они уже были бы изменены, если бы не страстное и невоздержанное рвение аболиционистов; если бы не поведение тех, кто говорит рабовладельцам южных штатов, что они должны немедленно предоставить свободу рабам, любой ценой или каким бы риском они ни подвергались, и если они этого не сделают, их будут осуждать на крышах домов всеми самыми мерзкими словами, какие только может придумать язык или воображение человека. И каков же был ответ плантаторов этим нарушителям общественного спокойствия? Сначала хладнокровно: "вот дверь"; а затем: "если вы попытаетесь рассказать эти вещи тем, кто, узнав об этом, сразу же развернется и перережет нам глотки, мы должны принять меры, чтобы помешать вам добиться успеха". Такое поведение было именно тем, чего следовало ожидать от рабовладельцев. Они видели, как эти люди появлялись среди их рабов и там, где они не могли апеллировать к их суждениям, пытались обратиться к глазам чернокожего населения с помощью гравюр, изображающих их хозяев, суровых и жестокосердных. Неудивительно, что такое неразумное поведение вызвало ожесточенное чувство неприятия среди жителей южных штатов. Они сами слишком хорошо понимали критический характер своего положения и опасность

вмешательства в страсти чернокожего населения. Пусть тот, кто сомневается, отправится в Южные штаты, и он узнает, что те суровые законы в отношении рабства, которые так горячо осуждались, были приняты сразу же после некоторых из этих восстаний, тех судорожных попыток рабов освободиться с помощью насилия, которые никогда не могли закончиться добром и которые поведение аболиционистов было рассчитано на постоянное возобновление. Они должны были бы принять эти вещи во внимание, когда слышали заявления о сильном волнении против аболиционистов. Он повторил бы то, что уже заявлял ранее, а именно, что дело освобождения было загублено той маленькой партией, с которой отождествлял себя мистер Томпсон, но к колесам колесницы, которой он доверял, народ этой страны никогда не допустит, чтобы его связывали.

Мистер ДЖОРДЖ ТОМПСОН сказал, что работа, которую ему предстояло проделать в связи с последней речью, ни в коем случае не была большой или сложной. Они слышали очень много высказываний мистера Брекинриджа по этому важному обсуждаемому вопросу, но каждое из них было высказано тысячу раз прежде и на него снова и снова давались ответы в течение последних шестидесяти лет. В этих самых стенах они слышали, как многие из них выдвигались и опровергались в течение последних четырех лет. Но была одна часть речи его оппонента, на которую он ответил бы с ударением. И он не мог не признаться, что выслушал эту часть с удивлением. Он знал, что мистер Брекинридж является сторонником постепенной эмансипации; поэтому он (мистер Томпсон) был готов выслушать все аргументы, используемые постепенщиками, аргументированные самым умелым образом, но он не был готов услышать из уст этого джентльмена то, что услышал сам — он не ожидал, что грязное обвинение в подстрекательстве толпы против мистера Брекинриджа за пропаганду принципов колонизации будет выдвинуто против Уильяма Ллойда Гаррисона. Но здесь они увидели бы уместность и полезность его призыва к своему оппоненту оставить общие положения и прийти к чему-то конкретному - указать пальцем на факт, который можно было бы изучить и проверить при определенных обстоятельствах. И что, по их мнению, было правдой в данном случае? Просто это то, что когда мистер Брекинридж выступил вперед, чтобы объяснить принципы схемы колонизации Мэриленда, шумная толпа, которая пыталась собраться толпой, делала это только до тех пор, пока у них было впечатление, что он аболиционист. Мистер Б. и его брат, который был вместе с ним в том случае, сделали все возможное, чтобы дать собранию понять, что они не аболиционисты, а сторонники колонизации, и всякий раз, когда толпа узнавала об этом, они замолкали. Это было фактом в отношении того дела — он охотно поставил бы существо всего вопроса на истинность того, что он только что заявил, и он обратился бы к мистеру Б., чтобы сказать, было ли это неправдой; он попросил бы его предъявить плакат, написанный мистером Гаррисоном, или рассказать, что в нем содержалось. У него был экземпляр "Освободителя дня", о котором шла речь, и он просил его указать на одно-единственное слово в нем, к которому можно было придраться. Он бы бросил вызов мистеру Б., если бы нашел в этой газете хоть одно предложение, рассчитанное на то, чтобы взбудоражить толпу или побудить кого-нибудь тронуть хотя бы волос с его головы. Что касается плана колонизации Мэриленда, он не собирался вступать в его обсуждение в этот вечерний час, но на следующий вечер, если они будут свободны, он попытается показать вопиющую беззаконность этого плана, рекомендованного мистером Брекинриджем. Тем временем, возвращаясь к следующему обвинению, им рассказали об активном аболиционисте — Элизуре Райте. И здесь он сразу же сказал бы, что было бы слишком плохо выдвигать такое обвинение против такого человека, как Элизур Райт,

лучше которого он не знал человека ни по эту, ни по другую сторону Атлантики, чья натура была более пропитана человеческой добротой, или чье сердце было более восприимчиво к требованиям христианского милосердия — было бы слишком плохо, повторил он, выдвигать такое обвинение против этого человека, если бы оно не было обосновано вне возможности сомнений. Им сказали, что Элизур Райт подстрекал жителей Нью-Йорка к восстанию с помощью подстрекательских плакатов. Это действительно было серьезное обвинение, но они должны были знать, что это были за плакаты. И снова он обращался к мистеру Б. с просьбой показать копию плаката или сообщить, каково его содержание. В объяснение этого вопроса он мог бы заявить собранию, что в том, что было сказано по этому поводу, была доля правды; и для того, чтобы заставить их правильно понять дело, они должны сначала знать, что в Нью-Йорке во все времена было много беглых рабов, а также, что в том же городе существовал класс людей, которые, по крайней мере, носили человеческий облик, и которым даже разрешалось представляться джентльменами, единственной профессией которых было похищение людей; их единственное средство к существованию было получено от захвата этих несчастных и возвращения их хозяевам в тюрьме. Юг. Ничто не было более распространенным, чем рекламные объявления этих джентльменов-похитителей в газетах, в которых они предлагали свои услуги любому рабовладельцу, чьи рабы сбежали. Все, что было необходимо, — это просто передать им под прикрытием двадцать долларов с приметам беглеца, которого вскоре обнаружили в городе, и с хваткой демона схватили и потащили в тюрьму. Это были похитители. А кто такой Элизур Райт? Он был человеком, который в любое время был готов посочувствовать этим бедным, несчастным изгоям, пролить бальзам утешения на их раны — прийти в Суд Регистратора и стоять там, защищая раненого африканца с риском для его жизни, не боясь ни проклятий рабовладельцев, ни ножей своих мирмидонцев. И было ли тяжким преступлением то, что в некоторых случаях он ошибался. Но Элизур Райт сможет сам ответить на обвинение. Отчет об этой встрече вскоре попал бы в Америку, и тогда у него была бы возможность оправдаться. Что касается обвинения в ошибке в его статистике, касающейся американского рабства, то оно было очень легко опровергнуто. Он сказал, что на момент заключения Союза численность рабов составляла всего триста тысяч человек, а сейчас она составляет два миллиона. Последнее утверждение не было подвергнуто сомнению, но было сказано, что на момент Объединения не было никаких подлинных деклараций, и, следовательно, точно сказать было невозможно. Но хотя они не могли сказать точно, они могли быть очень близки к истине, даже исходя из заявления мистера Брекинриджа. Этот джентльмен признал, что в 1790 году в штатах насчитывалось всего шестьсот шестьдесят пять тысяч рабов. Он (мистер Т.) сказал, что в 1776 году их было всего триста тысяч; но поскольку население Америки удвоилось за двадцать четыре года, у него были основания утверждать, что большого расхождения не было. Но вопрос к нему не зависел от какого-то конкретного числа или какой-то конкретной даты. Он утверждал, что для его аргументации было бы совершенно одинаково, взял ли он шестьсот шестьдесят пять тысяч в 1790 году или триста тысяч в 1776 году. Все, что он хотел показать, — это быстрый рост числа рабов и, следовательно, порока и нищеты, присущих этой системе, даже в то время, как американский народ заявлял, что очень хочет полностью положить этому конец. Если бы он пожелал остановиться на этой части аргументации, он мог бы также показать, что рост численности рабов в течение первых двадцати лет существования Союза даже в то время шел более быстрыми темпами, поскольку торговля рабами в тот период была официально признана Конституцией и на каждого раба, ввозимого в Соединенные Штаты, была наложена пошлина в размере 10 долларов. Ниже был пункт из Конституции:

Раздел IX. Миграция или ввоз таких лиц, которые любой из ныне существующих штатов сочтет нужным признать, не должны быть запрещены до 1808 года, но на такой ввоз может быть наложен налог или пошлина, не превышающие 10 долларов США для каждого человека.

Подводя итог последнему выступлению мистера Брекинриджа, он хотел бы спросить, какова была его цель? Очевидно, что они должны рассматривать аболиционистов как главных зачинщиков всех беспорядков, имевших место в Америке по этому вопросу, поскольку они разжигали страсти народа. Он снова обратится к мистеру Брекинриджу, чтобы тот приложил руку к единственному доказательству этого. Он попросил бы его указать на единственный случай, когда были использованы выражения, которые в какой-либо степени были рассчитаны на то, чтобы вызвать кровавые страсти толпы, как это было представлено. Если плантаторы Юга пришли в ярость от заявления об антирабовладельческих настроениях, если они не смогли услышать вечные истины, которые оно провозглашало, было ли это достаточной причиной для молчания тех, кто считал своим долгом, несмотря ни на что, донести эти истины до общественности? Или же их должны были обвинить в подстрекательстве толпы, потому что люди пришли в ярость, услышав эти истины. С таким же успехом Павла из Тарса можно было обвинить в толпах, которые восстали против его жизни и жизни его товарищей-апостолов. С таким же успехом Галилея можно было обвинить в тех преследованиях, которые заточили его в темницу. С таким же успехом апостолы истины во все века могли быть обвинены в ужасных результатах, к которым привела борьба света и тьмы. В заключение мистер Томпсон сказал, что следующим вечером он рассмотрит вопрос о плане колонизации Мэриленда.

Доктор УОРДЛОУ объявил собранию, что обсуждение на вечер закрыто. При этом он похвалил аудиторию за очень правильную манеру, в которой они соблюдали правило, касающееся любого проявления аплодисментов. Внимание и интерес аудитории были сильно возбуждены на протяжении всего заседания, действительно, на немногих заседаниях мы наблюдали столь живой интерес ко всему событию вечера, и все же не было ни одного случая, когда требовалось вмешательство председателя. Несколько раз нарастающие аплодисменты сразу же сдерживались общим настроением собравшихся.

ВТОРАЯ НОЧЬ —ВТОРНИК, 14 июня.

Г-н ТОМПСОН, прежде чем продолжить обсуждение, хотел бы высказать одно или два предварительных замечания. Прошлым вечером он допустил ошибку, касающуюся как числа, так и времени, говоря о количестве рабов в Америке на момент принятия Конституции; и он беспокоился о том, чтобы каждое сделанное им утверждение было без единого изъяна; и если будет допущена ошибка, он будет первым человеком, который признает и исправит ее, когда ее обнаружат. Он заявил, что на момент принятия американской конституции в Соединенных Штатах насчитывалось всего около трехсот тысяч рабов. В 1776 году, когда штаты провозгласили себя независимыми, рабов было немного больше; в 1788 году, когда была утверждена Конституция, их было больше; а в 1790 году в Соединенных Штатах Америки насчитывалось от шестисот до семисот тысяч рабов. Его ошибка заключалась в том, что он

вычитал 1776 год из 1790 и сказал двадцать четыре года вместо четырнадцати. Он упомянул об этой ошибке, чтобы показать, что он считал истину конечной целью их обсуждения. Было еще одно предварительное замечание. Его оппонент неоднократно говорил, что Джордж Томпсон опубликовал себя мучеником. Джордж Томпсон никогда не объявлял себя мучеником. Мистер Брекинридж в ходе своих выступлений вчера вечером сказал о себе больше, чем он (мистер Т.) когда-либо делал за все выступления, которые он когда-либо произносил по этому вопросу. Он ссылаясь на себя только тогда, когда его срочно просили рассказать о его личном опыте. У него никогда не было желания, чтобы его считали мучеником. Если бы, когда он закончил свой курс здесь; если бы, когда закончилась эта сцена испытания, было установлено, что он выполнил свой долг, он был бы полностью удовлетворен. Он не был достаточно фараоном, чтобы вообразить, что совершил какие-то сверхъестественные действия. Мистер Брекинридж сказал, что это не национальный вопрос; что рабство в Америке не было американским рабством; что это не было национальным злом; что это не было национальным грехом; это был просто вопрос между законодательными органами штатов и рабовладельцами. Он (мистер Т.) сказал вчера вечером, что рабство в Америке было национальным грехом, и теперь он хотел бы привести причины своего заявления: —Первое — американский народ принял рабовладельческие штаты в Союз; и, согласившись принять эти штаты в конфедерацию, хотя в них сотни тысяч находились в состоянии рабства, они взяли рабов под управление правительства Соединенных Штатов и сделали этот грех национальным. Во—вторых, в течение двадцати лет после принятия своей Конституции и в силу именно этого документа Соединенные Штаты разрешали ужасную, нехристианскую, дьявольскую африканскую работорговлю. В—третьих, во всем мире не было места, более оскверненного рабством, чем столица Соединенных Штатов Америки; и, принимая во внимание профессии и привилегии людей, на лице земли не было более антихристианской торговли. Четвертое — конституция обязывает каждый из штатов выдавать всех сбежавших рабов; так что бедного, несчастного, замученного раба можно преследовать от Балтимора до Пенсильвании, оттуда до Нью-Джерси и Нью-Йорка и даже притащить за пределы Канады беглеца и преступника обратно в рабство, из которого он бежал. Его могут увезти из Капитолия, прямо с алтаря, чтобы жестокий похититель подверг его самым ужасным человеческим страданиям. Это не национальный вопрос! Когда Север нарушает закон Божий, когда он попирает Декалог, когда он бросает вызов Иегове! что было более сильным предписанием в законе Моисея, чем то, что израильтяне должны защищать беглого раба? Но в Америке закон обязывал каждый штат отдавать раба его рабовладельцу, его безжалостному преследователю; и все же это нельзя называть национальным вопросом! Пятое — Граждане свободных штатов были обязаны отправиться на Юг, чтобы подавить любое восстание среди рабов. Они были связаны и обязались сделать это, когда потребуется. Молодежь Пенсильвании поклялась отправиться в Южные штаты, чтобы уничтожить чернокожих, если они будут отстаивать свои права — права каждого человека — на свободу. Так же было в Нью-Йорке и в других свободных штатах, и все же нам говорят, что рабство не является национальным вопросом. Весь Союз был обречен раздавить раба, который, стоя на пепелище Вашингтона, сказал, что он должен быть и будет свободным. Да, северные штыки дали бы этому рабу быстрое освобождение от его тягостного ярма, отправив его в его кровавое царство, где нечестивые перестают беспокоиться, а усталые обретают покой. И все же это не национальный вопрос! Шестое — Север облагается налогом, чтобы содержать войска на Юге, чтобы внушать благоговейный страх рабам; и все же это не национальный вопрос! Седьмое — мистер Брекинридж показал в опубликованном им письме, что Конгресс обладает полномочиями положить конец международной работорговле, и все же эта торговля продолжается в Америке. Мистеру Б. хорошо известно, что по меньшей

мере сто тысяч человек— рабов - ежегодно переходят из рук в руки; он, должно быть, видел, как рабов везут в каретах по его собственному любимому штату, чтобы продать, как скот, в Вашингтоне и Александрии; он знает, что тысячи рабов из Вирджинии и Мэриленда ежегодно продаются в Новом Орлеане, и все же он говорит нам, что рабство - это не национальный вопрос! Восьмое — Как они допустили Миссури к Союзу с рабами? Это были голоса южан, которые допустили это? Нет! Но это были голоса мятежных жителей Новой Англии, неверных принципам свободы, которые продали честь своей страны, а вместе с ней и свободутысяч людей в Миссури — или, по крайней мере, согласились на их рабство. И все же это не национальный вопрос! Он (г-н Т.) в последнюю очередь сослался бы на замечания юриста-конституционалиста, который был способным, красноречивым, искренним и благородно мыслящим человеком. Затем мистер Т. зачитал следующий отрывок:—

Такие мысли (относящиеся к ожидаемым суждениям) обычно посещают меня, когда я размышляю о тех великих личных и НАЦИОНАЛЬНЫХ пороках, от которых система операций (относительно движений Колонизационного общества), которую я здесь защищаю, кажется, предлагает нам некоторую перспективу избавления.

С того дня (1698) по настоящее время в нашей стране процветали люди широких и справедливых взглядов, которые не переставали изливать на этот предмет поток ясной и благородной правды и настойчиво призывать свою страну, руководствуясь всеми мотивами долга и выгоды, стереть с ее герба пятно человеческих слез.

Общеизвестно, что первоначальные члены Американского общества колонизации ожидали, что в какой-то будущий период правительство общей юрисдикции и некоторые, если не все правительства штатов, будут сотрудничать в их усилиях по искоренению зла, которое, очевидно, было НАЦИОНАЛЬНЫМ во всех его аспектах.

Итак, кто был автором, которого он процитировал?— Его друг мистер Брекинридж. Это была его последняя причина. Если бы аргумент мистера Брекинриджа выдержал эти доводы, у него была бы жизнь, подобная жизни кошки, у которой, как говорят, девять жизней; ибо это были девять роковых выпадов в пользу его позиции, что рабство в Америке не было американским рабством. Мистер Б. признает существование рабства, но не возлагает никакой вины ни на эту сторону, ни на ту; он не возлагает ее ни на штаты, ни на правительство в целом. Рабство действительно существует в Америке, но — бесконечно; но, но — приехав, как и все эти "но", из страны трезвости, он очень удивлялся, что они избежали протыкания колом. Рабство существует в Америке, но это не национальный вопрос! В Соединенных Штатах Америки насчитывается свыше двух с половиной миллионов рабов, и из них по меньшей мере сто тысяч ежегодно переходят из рук в руки, без угрызений совести разрывая таким образом самые нежные узы человеческой природы; на чьей же вине тогда лежит вина за этот грех? К кому должны были обратиться жители этой страны со своими предупреждениями — о чьих проступках они должны были скорбеть — чьи сердца они должны были стараться очеловечить и смягчить — где должны были быть найдены ответственные и виновные стороны — как нам получить доступ к их совести от имени рабов? Мистер Брекинридж говорит, что система представляет собой "явный грабеж", "всеобщее сожительство" - "неприкрытое зло" — и все же ее нельзя немедленно отменить! Если это явный грабеж, если это всеобщее сожительство, если это абсолютная порочность, пусть ужасная система немедленно, полностью и навсегда прекратится — худшая система, которую невозможно было иметь, если бы это было зло, которое она влекла за собой. Мистер Б.

торжествующе излагает мои доводы в пользу немедленной и полной эмансипации. Мистер Брекинридж говорит, что аболиционисты - самые презренные и одиозные люди на лице земли. Те, кто любит свободу, всегда отвратительны в глазах тиранов. Любители вещей такими, какие они есть, коррупции, деспотизма — люди, которые смотрят на все из-под передников своих бабушек, неизменно считают невыносимо отвратительными всех, кто является сторонниками реформации и свободы. Так было всегда, и так всегда будет. Как было сказано на службе Англиканской церкви, по этому поводу можно было бы сказать: "Как это было в начале, так есть сейчас и всегда будет", если не "миру без конца", то, по крайней мере, до конца этого мира. 6 января 1831 года мистер Брекинридж произнес во Франкфурте, штат Кентукки, убедительную речь в пользу Общества колонизации. В этом обращении г-н Б. заявил, что Общество было учреждено 21 декабря 1816 г. и, конечно, на момент его выступления ему было четырнадцать лет и шестнадцать дней. Г-н Брекинридж сказал, что законодательные органы одиннадцати штатов Союза рекомендовали это Общество Конгрессу; что церковные трибуналы всех ведущих христианских сект Америки засвидетельствовали свое одобрение его принципов; и все же по прошествии четырнадцати лет и шестнадцати дней, при всей этой поддержке и высоком покровительстве церкви и государства, во всем мире существовало всего сто шестьдесят вспомогательных обществ. Профсоюз. Теперь, что касается презренных и одиозных аболиционистов! так их назвал джентльмен, который отличался от него. Национальное общество за немедленную отмену американского рабства было образовано 6 декабря 1833 года; а 12 мая 1835 года, когда отмечалась годовщина — без рекомендации Конгрессу ни от одного из законодательных собраний штатов — без свидетельства одобрения со стороны какого—либо из церковных трибуналов — всего год и шесть месяцев от роду - сколько вспомогательных обществ было связано с этой организацией по отмене рабства? Двести двадцать четыре. Именно такой номер был тогда в бухгалтерских книгах Общества; и секретарь сказал, что все они не были внесены из-за отсутствия надлежащей отдачи. В письме, адресованном ему (мистеру Т.) секретарем Американского общества борьбы с рабством, датированном Нью-Йорком 31 марта 1836 года, были следующие слова:—

Никогда еще общества не формировались во всех частях нашей страны с такой скоростью. На данный момент в нашем списке четыреста пятьдесят человек, и, несомненно, существует пятьсот. В настоящее время у нас на местах работают одиннадцать агентов, все хорошие и преданные своему делу люди, и все они быстро набирают новообращенных.

И все же аболиционистов - горстка! Одно общество за четырнадцать лет и шестнадцать дней насчитывало сто шестьдесят вспомогательных организаций; другое за два года и три месяца насчитывало, без поддержки законодательных собраний штатов или церковных судов, не менее пятисот; и все же аболиционистов - горстка. Он (мистер Т.) держал в руке список делегатов Съезда Новой Англии, который состоялся в городе Бостон 25 мая 1835 года. В этом списке он нашел двести восемьдесят одного джентльмена, которые за свой счет приехали со всех концов Новой Англии, чтобы присутствовать на этом Съезде. 27 мая было заявлено, что Массачусетское общество испытывает нехватку средств, и для сбора подписок был назначен комитет. Этот комитет менее чем за час получил 1800 долларов, а на следующий день - 4000 долларов для Американского общества. В Нью-Йорке на годовщину было собрано 14 500 долларов - и все же аболиционистов было немного. Американское общество на свой юбилей собрало большую сумму, чем все остальные общества вместе взятые, за неделю, выделенную для этой цели; и в Бостоне за два дня было собрано 6000 долларов; в то время как за два месяца друг мистера Б., а именно мистер Герли, смог собрать в том же городе только около 600

долларов для Общества колонизации. По плодам их вы узнаете их; собирают ли люди виноград с терновника или смоквы с чертополоха? Вы можете послать в Новую Англию любого иностранца, какого пожелаете, но он должен доказать, что его дело разумное и осуществимое, прежде чем он сможет получить доллар или цент от жителя Новой Англии, который добывает свой хлеб ранним вставанием и усердным отношением к бизнесу, — и все же за два дня было собрано 6000 долларов. Но аболиционистов всего лишь горстка! Да, их может быть горстка, но они являются самым ценным и многоликим семенем. Мистер Б. сказал, что многие рабовладельцы делали все, что могли, для освобождения рабов; независимо от того, делали они что-либо или ничего, мы обнаруживаем, что жители Новой Англии пытались восстановить честь своей страны, подписавшись на освобождение в размере 6000 долларов за два дня — и все же было сказано, что они были отвратительной горсткой! Когда он видел, что Колонизационное общество подобно Джаггернауту пытается сокрушить тела и души цветных мужчин и цветных женщин, он объединялся с презираемой и "отвратительной горсткой" и трудился вместе с ними и для них, пока, по благословению Божьему, благодаря их усилиям рабы не поднимались до состояния и достоинства разумных существ. Мистер Т. привел бы еще одно доказательство того, что аболиционисты были горсткой самых отвратительных существ. Он сослался бы на Нью-Йоркскую конвенцию. Г-н Б. хорошо знает, что принты в поддержку рабства указывали на Нью-Йоркскую конвенцию в октябре прошлого года, поскольку, вероятно, это была сцена крови. Это произошло не из-за аболиционистов, поскольку они были людьми мира, а из-за ярости их противников. Несмотря на это, в 9 часов первого дня в Утике собралось шестьсот делегатов; и когда они были изгнаны из этого города толпой, возглавляемой почтенным мистером Бердсли, членом Конгресса, и почтенным мистером Хейденом, судьей округа, — и большая часть из них отправилась в Питерборо, к этим шестистам присоединились еще четыреста, составив тысячу делегатов от одного штата, — и все же их была всего лишь горстка. Затем он сослался бы на съезд в Род—Айленде, на котором, хотя он и проходил в самом маленьком штате Союза — глубокой зимой - и в то время, когда многие дороги были непроходимы из-за сильного снегопада, присутствовали четыреста делегатов и было собрано 2000 долларов, — но все же аболиционистов была всего лишь горстка! Геррит Смит сказал, что в одном только штате Нью-Йорк к обществам борьбы с рабством еженедельно присоединяются пятьсот человек, среди которых, по его словам, не известно ни одного невосдержанного или нечестивого человека; — пятьсот человек еженедельно добавляются к одному обществу штата — и все же это всего лишь горстка! Если они и дальше будут расти такими темпами в Нью-Йорке, Огайо, Пенсильвании и по всей Новой Англии, то вскоре их останется небольшая горстка! Кроме того, многие из тех, кто раньше был на стороне колонизации, теперь перешли в ряды аболиционистов. Где теперь Смиты, и Бирни, и Джейсы, и Коксы, которые когда-то были красноречивыми и щедрыми защитниками и покровителями Общества колонизации? Сейчас они всей душой и энергией на стороне немедленной отмены смертной казни. И не только они. Он мог бы — он должен назвать таких людей, как президент Грин и профессора Райт, Буш, Фоллен, Смит и Грегг. Ему следовало бы рассказать о Ливитте в Нью-Йорке, Кирке в Олбани, Бемане в Трое, Уэлде в Огайо, Гаррисоне в Новой Англии; и о миссис Чайлд, миссис Чепмен, Джоне Дж. Уиттиер, Мэй, Дикинсон, Фелпс, Гуделл, Борн, Ланди, Лоринг, Сьюэлл и множество других. Все эти люди считали для себя радостью и честью быть в числе самых одиозных из упомянутой презренной горстки. Это были люди ума, благочестия, влияния, энергии; людей, которых не могла удержать от исполнения своего долга резкая музыка птиц дурного предзнаменования с Дерева Рабства Упас, которые издавали свое карканье ночью и днем, чтобы отвлечь нацию от ее необходимой работы по установлению

Справедливости и Истины, — и все же эти люди отвратительны и презренны! Ваш агент тоже достоин презрения — он был агентом "лакомых кусочков" Глазго — и - его честные аудиторы едва могли поверить, какими эпитетами щедро награждали его и их — и все же их агент, каким бы презренным он ни был, был, пожалуй, единственным англичанином, которого когда-либо так чтил президент Соединенных Штатов Америки. Тот, кто вызывал такое презрение в глазах американцев, кто был самым импульсивным, неукротимым и никчемным животным, кто был представителем "хороших людей", престарелых горничных и матрон Глазго, был удостоен уведомления и порицания в послании Президента Соединенных Штатов Конгрессу! Это выглядело очень похоже на то, что он был ничтожен и презираем! Он не искал чести, которая была оказана ему таким образом — она пришла к нему неосознанно, — но он не поэтому отказался от нее. Для меня было честью подвергнуться преследованиям в Соединенных Штатах вместе с аболиционистами 1830 года. И когда их дети и дети их детей оглядывались назад на эти преследования, они ликовали и с гордостью говорили, что они сыновья, внуки или правнуки Коксов, Джейсов, Гаррисонов, Таппанов и Томпсонов Англии и Америки. Упомянув об обращении, которому он подвергся со стороны New York Courier and Enquirer, мистер Т. сказал: "Давайте смиренно перенесем эти почести", — когда нас клеветают ради истины, давайте будем смиренными, пока мы радуемся. Еще одно слово об этой отвратительной кучке. Семь восьмерок методистских епископальных служителей на Нью-Гэмпширской конференции и семь восьмерок Конференции Новой Англии были аболиционистами. Студенты колледжей и учреждений, академических и теологических по всей стране, известных под названиями Лейнской семинарии, Оберлинского института, Западного резервного колледжа, института Онейда, Уотервилльского колледжа, Брансуикского колледжа, Амхерстского колледжа и семинарий Андовера, многие из них в одних были аболиционистами, а в других - все они были аболиционистами; и все же, когда все эти общества, и священники, и ученые мужи, и студенты были собраны вместе, они в своей совокупности представляли собой всего лишь отвратительную и презренную горстку! Теперь он хотел бы перейти к разговору о мэрилендском плане — плане очевидного злодейства. Когда мистер Б. приехал в Бостон, чтобы отстаивать этот план, по его словам, был опубликован плакат, призывающий чернь окружить его толпой. Этот плакат он приписывает мистеру Гаррисону и аболиционистам, поскольку, по его словам, он был того же размера и внешнего вида, что и шрифт и колонки газеты Liberator, и что, следовательно, мистер Гаррисон был издателем. Это он (мистер Т.) самым решительным, отчетливым и торжественным образом опроверг и потребовал от мистера Б. доказательств. Мистер Б. показывал плакат? Нет. Подтвердил ли он ее идентичность с бумагой мистера Гаррисона? Нет. Он этого не сделал. Выставить мистера Гаррисона автором или издателем такого плаката значило объявить его трусом и негодяем; ибо тот, кто мог указать на любого человека, тем более на христианского священника, к ярости толпы, был моральным уродом, трусом и негодяем. Он призвал г-на Б. из уважения к истине и справедливости и к его репутации служителя Христа привести доказательства, необходимые для подтверждения столь серьезного обвинения, и он (г-н Т.) поклялся себе отвергнуть самого дорогого друга, который у него был, если на него можно будет повесить столь низкое преступление. Вернемся к мэрилендской схеме. В июле или августе 1834 года Бостон посетил его уважаемый оппонент, его брат, доктор Дж. Брекинридж и представитель Мэрилендского колонизационного общества, и было созвано собрание, на котором эти джентльмены могли изложить и рекомендовать план этого Общества, в поддержку которого законодательное собрание Мэриленда выделило ассигнования в размере 200 000 долларов. Он (мистер Т.) был полностью готов показать, что целью Общества было избавиться от свободного цветного населения, и что в соответствии с их замыслом законодательное

собрание штата, непосредственно в связи с выделением денег, приняло самые строгие и жестокие законы. Общество колонизации было сетью, расставленной для цветных людей — законы государства были средствами, разработанными для того, чтобы загнать преданных жертв в его сети. Это называлось "помочь им покинуть страну с их свободного согласия". Он (мистер Т.) привел бы множество доказательств, когда в следующий раз обратился бы к ним — затем он зачитал бы законы, которые сейчас не мог представить из-за нехватки времени. Мистер Брекинридж мог заметить, а мог и не заметить эти общие обвинения против мэрилендской схемы; но он (мистер Т.) впоследствии полностью поддержит их, а также покажет, что Национальное колонизационное общество было в равной степени виновно, проведя на своем последующем ежегодном совещании полностью одобрило этот план и рекомендовало его в качестве яркого примера для подражания другим государствам.

Затем поднялся мистер БРЕКИНРИДЖ. Как он понял вчера вечером из слов мистера Томпсона, сегодня вечером он выступит с разоблачением плана колонизации. Возможно, в этом он ошибался, но именно такое впечатление произвело на него это впечатление. Однако вместо того, чтобы придерживаться такого курса, мистер Томпсон угостил их вторым изданием своей вчерашней речи, с той лишь разницей, что та, которую они только что слышали, была более подробной. Если бы им пришлось выслушать все выступления мистера Томпсона дважды, прошло бы значительное время, прежде чем они закончили бы обсуждение. Он поздравил мистера Томпсона с его вторым изданием, которое в некоторых отношениях является улучшением по сравнению с его первым. Оно, безусловно, было подготовлено лучше. В замечаниях, которые он собирался сделать, он будет следовать ходу аргументации, представленной в двух выступлениях мистера Томпсона; но в то же время он хотел бы, чтобы все поняли, что его не будут выбрасывать из поля зрения каждый вечер одним и тем же образом. Что касается того, что было сказано о "горстке", он не счел нужным много говорить. Он просто напоминал мистеру Т., что какой бы большой или какой бы маленькой ни была "горстка", одно всепроникающее зло может загрязнить все это. Дохлая муха может вызвать неприятный запах аптечной мази. Но, переходя к делу, мистер Томпсон сказал, что этот вопрос носит национальный характер, поскольку он касается Америки, потому что рабовладельческие штаты были приняты в конфедерацию. Простой факт того, что эти штаты были приняты в члены Союза, был, по оценке г-на Томпсона, достаточным доказательством не только того, что за рабство платила вся нация, но и того, что среди американского народа существовало положительное пристрастие к рабству. Прояснить этот момент нам помогло бы небольшое знание хронологии. Поэтому он хотел привлечь внимание аудитории к реальному положению дел на момент создания конфедерации. В тот период Массачусетс был единственным штатом, в котором рабство было отменено; и даже в Массачусетсе его официальная отмена была произведена лишь некоторое время спустя. Ибо в этом штате ей пришел конец из—за пункта, включенного в саму Конституцию, аналогичного пункту нашей Декларации независимости, согласно которому свобода является естественным и неотъемлемым правом. Последовательные судебные решения по этому пункту, без какого-либо специального законодательства, отменили там рабство, так что точный период его фактического прекращения нелегко определить. Это напоминает еще об одном моменте, по которому мистеру Томпсону было бы лучше располагать небольшой хронологической информацией. Он неоднократно заявлял, что Американская конституция основана на принципе, согласно которому все люди созданы свободными и равными. Так вот, это было не так. Этот принцип, без сомнения, был справедливым; наиболее

полно он был подтвержден Континентальным конгрессом 1776 года и, можно сказать, лег в основу нашей Декларации независимости. Но это не содержалось в Американской конституции, которая была принята двенадцать лет спустя. Эта Конституция была принята в соответствии с обстоятельствами, в которых находились различные штаты. Его главной целью была защита от внешнего ущерба и регулирование внешних дел; он как можно меньше вмешивался во внутренние правила каждого государства. Американская система правления была федеративной; двадцать четыре отдельные республики были объединены для определенных целей, и только для них. Национальное правительство было настолько далеко от обладания неограниченными полномочиями, что сама Конституция была лишь весьма частичным предоставлением тех полномочий, которые в своем всемогуществе принадлежали, согласно нашей теории, только самому народу в его первичных собраниях. В самой Конституции было специально оговорено, что не делегированные полномочия должны быть так же четко зарезервированы, как если бы они были исключены поименно; и среди главных тем, исключительно внутренних, а не делегированных и поэтому зарезервированных, является рабство. Если бы это было не так, конфедерация не могла бы быть сформирована. Говорили, что американская конституция не только допускала рабство, но и фактически гарантировала работорговлю на двадцать лет. Ничто не могло быть более неискренним, чем это заявление. Никогда факты не были так извращены. Одной из причин американской революции был отказ британского короля одобрить определенные соглашения, к которым некоторые штаты хотели присоединиться для отмены работорговли. При формировании Федеральной конституции, в то время как рабство было исключено из-под контроля Конгресса как чисто государственное дело, работорговля большинством была признана подходящей темой для исполнителей национальной власти как внешнее дело. И в период, предшествовавший самому началу осуществления этого великого плана индивидуальных усилий, направляемого Уилберфорсом и Кларксоном в Британии; и потребовалось двадцать лет, чтобы пробудить совесть этой нации — наши далекие, а ныне очерняемые отцы уже приняли решение, что эта ужасная торговля, которая, по их мнению, не только существовала, но и поощрялась всей властью короля, должна быть упразднена. Это было удовлетворено, возможно, слишком легко, требованиями тех, кто думал (как думал почти весь мир), что двадцатилетний срок должен быть пределом торговли; и по истечении этого периода это было немедленно запрещено, как само собой разумеющееся, и по единодушному согласию. Как же несправедливо было тогда обвинять Америку в преступлении в том, что было одной из самых ярких добродетелей в ее послужном списке. Далее мистер Томпсон утверждал, что рабство самого ужасного вида существует в столице Америки и в прилегающих районах, находящихся под исключительной юрисдикцией Конгресса. Он (мистер Брекинридж) без колебаний отрицал это. Это было неправдой. Рабство там действительно существовало; но оно не носило того ужасного характера, который был представлен. Было хорошо известно, что рабство, существующее в Соединенных Штатах, было самым мягким из всех, какие можно было увидеть в какой-либо стране под Небесами. Ничто, кроме самого глубокого невежества, не могло бы привести кого-либо к утверждению обратного. У мистера Томпсона был коллега по его недавним выставкам в Лондоне, который, казалось, делал перерывы во всех выступлениях мистера Т. В одном из таких случаев, по словам этого коллеги, ему был известен случай, когда человек отдал 500 долларов за раба, чтобы сжечь его заживо! Мистер Томпсон, без сомнения, знал, что даже при предположении, что такое чудовище будет найдено, он будет повешен в любой части Соединенных Штатов как любой другой убийца. Рабство было достаточно плохо где угодно; но сказать, что в Америке оно было более распространено, чем в Вест-Индии, где эмиграция всегда была необходима для

поддержания численности, в то время как в Америке численность рабов увеличивалась быстрее, чем у любой другой части человеческой расы, было бы грубым преувеличением или доказательством глубочайшего невежества. Сказать, что рабство в округе Колумбия было самым ужасным из когда-либо существовавших, когда оно, как и все рабство на этом континенте, было настолько ограждено человеческими законами, что в каждом из штатов жестокость по отношению к рабу каралась как преступление против государства; убийство раба везде каралось смертью; в то время как во все века и почти во всех странах, где существовало рабство, хозяин был не только исключительным судьей в обращении со своим рабом, но и абсолютным распорядителем его жизни, которую он мог отнять по своему желанию; эти утверждения можно продолжить только из непростительного невежества или с целью ввести в заблуждение. Что касается отмены рабства в округе Колумбия, то на первый взгляд может показаться, что есть некоторые основания для обвинений; но все же, когда тема была рассмотрена во всех ее аспектах, появилось так много веских, если не сказать убедительных, причин против вмешательства, что, хотя этому вопросу уделялось много внимания в течение многих лет, результатом было то, что ничего не было сделано. Следует помнить, что весь округ Колумбия занимал всего десять квадратных миль и что он был окружен штатами, в которых рабство все еще было легализовано. Таким образом, было ясно, что, хотя рабство в Колумбии было отменено, ни один человек из шести тысяч рабов, находящихся сейчас на ее территории, не обязательно будет освобожден от своих оков. Если бы законопроект об отмене рабства был принят Палатой представителей сегодня, все шесть тысяч человек могли бы быть вывезены в соседний рабовладельческий штат до того, как завтра он был бы рассмотрен в Сенате. Поэтому было бы хуже, чем праздно говорить так много о том, что никогда не могло быть практическим вопросом. Опять же; округ Колумбия был передан правительству штата Мэриленд и Вирджиния, оба рабовладельческих штата, в национальных целях; но этого никогда бы не было сделано, если бы предполагалось, что Конгресс отменит рабство в его пределах и, таким образом, создаст ядро антирабовладельческой агитации в центре их территории. Таким образом, осуществление таких полномочий со стороны Конгресса не может рассматриваться ни в каком ином свете, кроме как как грубое мошенничество в отношении этих двух штатов. Никогда не следует забывать, что рабство может быть отменено в любой части Америки только благодаря убедительной силе истины, добровольно предоставленной самим рабовладельцам. И хотя много говорится в этой стране, и еще больше здесь, о преступлении Северных Штатов, которые не заявляют, что они не будут помогать в подавлении рабской войны, — такая декламация хуже, чем пустая. Но есть ужасающий смысл в этих безмерных оскорблениях, обрушенных мистером Томпсоном на жителей свободных штатов за их выражения преданности Союзу и Конституции и их решимость помочь, если необходимо, в подавлении силой — любой силы, используемой рабами или от их имени. Тогда правда ли, что мистер Томпсон и его американские друзья рассматривали возможность рабской войны? Если нет, то зачем осуждать Север за то, что он говорит, что его следует подавлять? Прав ли был народ Америки, когда они обвинили его и его коллег в подстрекательстве к восстанию? Если нет, то зачем расточать все эпитеты презрения и отвращения тем, кто заявил о своей готовности положить конец беспорядочной резне и разграблению в таком большом регионе, как Западная Европа? Речи, подобные тем, что я услышал сегодня вечером, оправдывают все, что когда-либо было сказано против этого человека в Америке, и оправдывают тех, кто считал его всеобщим нарушителем их спокойствия и был склонен действовать против него соответствующим образом. Однако многие придерживались мнения, что Конгресс не имеет полномочий отменять рабство в округе Колумбия. Г-н Б. сказал, что его мнение иное; однако следует признать, что препятствия на пути

осуществления этих полномочий были самого серьезного рода и такие, которые, по чистому разумению, освободили бы тех, кто колеблется, от обвинения в том, что они выступают за рабство. Возможно, главной причиной против осуществления этой власти, даже если бы ее существование в Конгрессе было очевидным, было то, что это неизбежно привело бы к роспуску Союза. Когда он говорил о свободных штатах, добивающихся отмены рабства на Юге, его следовало понимать как означающий, что эти штаты, в соответствии с тем, на что так часто намекали, должны выступить на Юг с оружием в руках и объявить рабов свободными. Итак, даже предположив, что жители Севера не заботились о мире в своей стране — что они были совершенно безразличны к славе, могуществу и счастью, проистекающим из Федерального союза, — было ли несомненно, что, избрав такой курс, они действительно улучшат благосостояние рабов? Каждый честный человек сразу увидел бы, что из-за этого положение рабов станет еще более безнадежным, чем когда-либо. Четвертым доказательством, приведенным мистером Томпсоном в поддержку его предположения о том, что Америка с национальной точки зрения несет ответственность за рабство, был тот факт, что различные штаты были обязаны вернуть всех сбежавших рабов. Но это было правило, которое применялось ко всем слугам, ненадлежащим образом покидающим своих хозяев. Ученики, дети, даже жены, если можно было предположить, что жена когда-нибудь оставит своего мужа, должны были быть восстановлены так же, как и рабы. Если бы этого не было предусмотрено, различные штаты образовали бы друг с другом самое ужасное соседство, которое только можно себе представить. Ни от одного государства не ожидается, что какой-либо человек из имеют право или должны быть "привлечены к службе" любого рода в другом штате; ибо таковы слова Конституции, но чисто внутренние порядки каждого штата обязательно должны уважаться всеми остальными; иначе результатом должны быть вечные пограничные войны. Таким образом, при возвращении беглого раба или подмастерья от суда одного штата требуется только указать, каковы законы и факты другого штата, из которого прибывает истец, и принять соответствующее решение. И когда мистер Т. говорит, что этот поступок противоречит не только духу Евангелия, но и прямому повелению Бога в еврейском устройении, мне остается только защитить эту практику, подвергнув сомнению его библейские способности и сославшись за объяснением на его вторую печатную речь перед Обществом освобождения Глазго. В этом он излагает вымышленный случай в отношении Ирландии, удивительно напоминающий случай, описанный в священном писании, о Египте под управлением Джозефа; и хотя все люди думали, что Джозеф пришел от Бога, и были особенно одобрены им, мистер Т. заявил, что тот, кто совершит в Ирландии во многом то, что Джозеф совершил в Египте, может рассматриваться как пришедший только "из Америки или из бездны !!!" До тех пор, пока Святой Дух дает людям повод считать определенные принципы правильными, они могут быть вполне довольны гневом мистера Томпсона. Г-н Томпсон сказал, в-пятых, что рабство является национальным преступлением, потому что все штаты обязаны помогать друг другу в подавлении внутренних восстаний. На это он ответил бы, что, поскольку это считалось долгом нации перед несколькими штатами, было две, и только две великие гарантии, а именно, сохранение внутреннего мира и поддержка республиканских институтов, спокойствия и республиканизма. Каролина была так же обязана помочь Род-Айленду, как Род-Айленд был обязан помочь Каролине. Все были взаимно связаны друг с другом; и если так пойдет и дальше, как в последнее время, южан с такой же вероятностью призовут к подавлению толп на Севере, как Север - к подавлению восстания на Юге. Затем мистер Т. выдвинул предположение, что жители Севера облагаются налогом за поддержку рабства. Итак, факт был в том, что Америка представляла собой экстраординарное зрелище нации, полностью свободной от налогов; свободной от долгов, с

переполненной казной, с таким количеством денег, что они не очень хорошо знали, что с ними делать. Было почти излишне объяснять, что доходы Америки в настоящее время, как и в течение многих лет назад, поступают исключительно от продажи государственных земель и от таможенных пошлин, взимаемых с различного рода импортируемых товаров. Уплата этих пошлин была полностью добровольным налогом, поскольку для того, чтобы избежать ее, необходимо было лишь воздерживаться от использования предметов, на которые они были наложены. Что касается аргумента м-ра Т. о постоянной армии, используемой для усмирения рабов, о его ценности можно судить по тому факту, что, хотя даже по собственным показаниям м-ра Т., численность рабов составляла два с половиной миллиона, армия состояла всего из шести тысяч человек, разбросанных вдоль трех границ, протяженностью в две тысячи песчаных миль каждая. Во всех рабовладельческих государствах, вероятно, не насчитывалось и полутора тысяч солдат. Обвинение было, по сути, полной выдумкой, ни на чем не основанной. Седьмое обвинение мистера Томпсона заключалось в том, что Конгресс отказался подавлять внутреннюю работорговлю. На это было легко ответить. В Америке не было ни одного человека из пятисот, кто верил бы, что Конгресс обладает полномочиями для этого. И, хотя он (г-н Б.) считал, что Конгресс обладает полномочиями предотвращать миграцию рабов из штата в штат так же полно, как они должны предотвращать их ввоз в штаты из-за рубежа; и что осуществление этих полномочий в значительной степени предотвратит торговлю рабами из штата в штат, все же очень немногие согласились с ним даже в этом измененном взгляде на дело. И следует признать, что применение такой силы, если она действительно существует, в настоящее время сопровождалось бы такими результатами несмешанного зла, что никто вообще не считал бы уместным пытаться или возможным принудить к ее применению. Далее было сказано, что поскольку Миссури, рабовладельческий штат, был принят в Союз после всестороннего рассмотрения вопроса Конгрессом, следовательно, нация отождествилась с рабством и несет ответственность за его существование, по крайней мере, в Миссури. Но если предположить, что до принятия Миссури в состав конфедерации от нее требовали отмены рабства; и если предположить, что Миссури согласилась на предложенные условия, что она действительно дала своим рабам свободу и, следовательно, была присоединена к Федеральному союзу: предположим, что Миссури сделала все это; что могло помешать ей восстановить рабство, как только была достигнута цель, к которой она стремилась. Другие штаты не обладали никакой властью в этом вопросе, и все, что можно было сказать, это то, что Миссури действовала недобросовестно, что она нарушила прецедентное условие, что она дала справедливый повод для войны. Согласно самым широким представлениям, это был предел возможностей, имеющих в руках Конгресса. Но мистер Томпсон, будучи сторонником принципов мира, — если мы можем судить по его опубликованным речам, — должен признать, что убивать на самом деле такой же грех, как и поработать людей; так что, по его собственным словам, этот аргумент ничего не значит. Но если учесть, что каждый штат в Американском союзе имеет признанное право изменять свою Конституцию, когда и как он сочтет нужным, за исключением того, что она должна быть республиканской; совершенно очевидно, что Конгресс и другие штаты имеют и ни в коем случае не могли бы иметь больше власти или права предотвратить сохранение или создание рабства в Миссури, чем они имели, чтобы помешать Массачусетсу отменить его. Но, если бы мы стояли на простых правах войны, он (г-н Б.) не знал ничего, кроме того, что у Америки была справедливая причина для войны против Великобритании, согласно общепринятым представлениям по этому вопросу, изложенным в речах, произнесенных г-ном Томпсоном при попустительстве здешних властей. Но причины войны были очень разными во взглядах людей и в глазах Бога. Если мистер Томпсон был прав,

осуждая Америку за вину Миссури, тогда они должны немедленно начать войну и решить этот вопрос. Но, если бы они не были готовы к такому выводу, они ничего не смогли бы сделать. В редакции речи мистера Томпсона, произнесенной накануне вечером, был приведен аргумент, который был опущен в настоящем документе. Аргумент, на который он ссылаясь, касался права рабов быть представленными. Небольшое рассмотрение этого вопроса могло бы показать, что вся полнота власти над субъектом гражданства в каждом штате была исключительной в самом штате и по-разному регулировалась в разных штатах. В некоторых странах избирательное право было предоставлено всем, кто достиг возраста двадцати одного года. В некоторых оно было поставлено в зависимость от владения личной собственностью, а в других - недвижимостью. То, что в южных штатах право голоса должно быть предоставлено хозяевам, а не рабам, не должно было вызывать удивления в Британии, где такая большая часть населения, состоящая в ряде случаев из людей высокого интеллекта, не имела права на выборное право. Источником этого устройства, как и многих других, задействованных в нашей социальной системе, был компромисс явно конфликтующих интересов в штатах, которые были вовлечены в формирование Федеральной конституции. Тождество налогообложения и представительства было великой идеей, с которой нация вступила в войну за независимость. Когда было решено, что все белые граждане и три пятых всех других лиц, как это выражено в Конституции, должны быть представлены, из этого, конечно, следовало, что они должны облагаться налогом. Или, если сначала было решено, что они должны облагаться налогом, то из этого следовало, что они, безусловно, должны быть представлены. Кто на самом деле должен был подавать голоса, по необходимости должны были определять сами штаты, и, как уже было сказано, определялись по-разному; многие разрешали голосовать свободным неграм, индейцам и мулатам, которые все являются принятыми, а также рабам. То, что следует согласовать три пятых вместо какой-либо другой части или целого, было, без сомнения, результатом причин, которые казались убедительными мудрым и доброжелательным людям, составлявшим Конституцию; но я не могу сказать, в чем они заключались. Однако должно быть предельно ясно, что обвинять мою страну на одном дыхании в том, что она обращается с неграми, рабами и свободными, как будто они вообще не люди, — и обвинять ее, во-вторых, в поощрении рабства, в том, что она позволяет столь значительной доле чернокожих составлять основу национального представительства во всех штатах, а затем, в-третьих, в том, что со всеми так не обращаются, в более жестоком обращении, чем когда-либо, - это просто ясно показать, насколько серьезно ищут повод очернить Америку, и как трудно его найти. Теперь он перешел к последнему обвинению. Кажется, он сам раньше признавал, что рабство было национальным злом. Он, безусловно, верил, что народ Америки, будь то противник рабства или сторонник рабства, был бы счастливее и лучше в сознании и чувствах, если бы рабство было отменено. Он верил, что такое событие принесет пользу всем, будь то политические, моральные или социальные интересы. Существование рабства было одним из величайших зол в мире, но это не было преступлением всего мира. Таким образом, хотя он считал рабство национальным злом, из этого не следует, что он рассматривал его как национальное преступление. Убедительность такого аргумента была равна искренности цитаты, на которой он был основан. Теперь он перейдет к вопросам более личного характера. Перечисляя огромное количество обществ по борьбе с рабством в Америке, мистер Томпсон выставил напоказ одно из них, созданное в Кентукки, для всего штата. Теперь он рискнул бы сказать, что во всем этом штате не было и десяти человек, придерживающихся принципов борьбы с рабством в гарнизонном смысле этого слова. Если бы это можно было считать достойным образцом из сотен обществ, которыми хвастался мистер Томпсон, то получился бы лишь скудный отчет о них. Он нашел также название Гротона, штат Массачусетс,

как местонахождения одного из обществ в хваленом списке. Однажды он проповедовал и говорил на тему рабства в этой милой маленькой деревушке, и его поразила картина мира и счастья, которую она представляла. Впоследствии он встретился со священником из этой деревни в городе Балтимор и спросил его, что заставило его покинуть поле своих трудов. Священник ответил, что люди, выступающие против рабства, вторглись в его мирную деревню и превратили ее в арену такой борьбы, что он предпочел покинуть ее. Так оно и было. Эпидемия, которая, подобно буре огня и серы из ада, всегда следовала по пути аболиционизма, охватила многие мирные деревни и вынудила их пастора искать другое поле, еще не опустошенное ею. В заключение он замечал, что мистер Томпсон и он (мистер Б.) сейчас говорили, так сказать, от лица двух миров, поскольку Западная Европа была миром для Америки. И Англия должна была знать, что мнение Америки — той Америки, в которой читающего населения уже было больше, чем во всей Британии, — было для нее так же важно, как ее мнение могло быть для нас. То, что он сказал о мистере Гаррисоне и мистере Райте, он сказал; и он был готов ответить за это перед лицом Бога и человека. Но он благодарил Бога, что у него было кое-что еще, кроме как разъезжать по стране с плакатами, готовыми к выпуску на все случаи жизни. Ни там, где его знали, не было необходимости в таком курсе, чтобы установить, что он сказал. Когда эти джентльмены появятся в защиту или объяснении того, что он сказал, он будет лучше способен судить, уместно ли ему обращать какое—либо внимание — и если таковое имеется, то на что именно — на защиту, на которую мистер Томпсон так откровенно поклялся. Тем временем он сам сказал бы этому джентльмену, что все его попытки надуть брови были напрасны.

Мистер ТОМПСОН сказал, что ему следует начать с конца речи своего оппонента и обратить внимание на то, что сказал этот джентльмен относительно обвинений, выдвинутых им против Уильяма Ллойда Гаррисона и Элизура Райта. Создавалось впечатление, что мистер Брекинридж ожидал, что, поскольку в его собственной стране его репутация правдивца была высока, следовательно, он имел право, если бы захотел, прийти на собрание из тысячи двухсот человек в Великобритании и выдвинуть самые серьезные обвинения против определенных лиц, находящихся за 3000 миль от него, и когда к нему обратились за доказательствами, ему ничего не оставалось, как повернуться и сказать: "Ну, я не обязан представлять доказательства; пусть обвиняемые стороны докажут свою невиновность". Это было американское правосудие с удвоенной силой. Это мог бы быть закон Кентукки или закон Линча, но вряд ли какое-либо собрание честных и беспристрастных людей назвало бы это правосудием. Такое правосудие могло бы подойти окрестностям Висксбурга, но оно не было бы рекомендовано шотландской публике. Он (г-н Т.) не стал бы в настоящее время брать на себя задачу оправдания людей, которые были оклеветаны. Он знал этих джентльменов и не сомневался, что, когда они услышат обвинения, выдвинутые против них в этой стране, они смогут и будут готовы оправдаться перед всем миром. Он не сказал бы, что мистер Брекинридж сам не верил в правдивость обвинений, но он сказал бы, что если бы этот джентльмен обладал знанием истинного характера тех, против кого он выступал, — если бы он знал их так, как он (мистер Т.) знал их, он счел бы их неспособными к тем темным деяниям, в которых против них обвиняли. Что касается замечаний г-на Б. о численности рабовладельческого населения, численности войск в Соединенных Штатах и существовании рабства в округе Колумбия, он должен сказать, что это были не что иное, как специальные судебные иски; что все это было законченным образцом того, что юристы называют надувательством. Он (мистер Т.) не был готов услышать, как министр скажет, что, поскольку только 1500 военнослужащих из 6000 были обнаружены в южных штатах, что,

следовательно, нация не была замешана — что, поскольку, если рабство в округе будет отменено, рабов в стране будет не меньше — что, следовательно, резиденция правительства не должна очищаться от своей мерзости. Он напоминал своему оппоненту, что они обсуждают принципиальный вопрос и что Священное Писание провозгласило, что тот, кто несправедлив в наименьшей степени, несправедлив и в наибольшей. Мистер Брекинридж по-прежнему осторожно избегал называть стороны в Соединенных Штатах, ответственные за грех рабства. Им сказали, что ни Нью-Гэмпшир, ни Массачусетс, ни какие-либо другие северные штаты не виноваты; что правительство не виновато, и даже еще не было сказано, что виноваты Южные штаты. И все же где-то лежала вся вина в совокупности; и если стороны, на которые была сделана ссылка, должны были быть оправданы, то на чью дверь, спрашивал он, должны были быть возложены грех и позор системы. Джентльмен, с которым он дискутировал, неоднократно говорил ему (мистеру Т.), что он не понимает "систему". Он откровенно признался, что не понимает. Это была тайна беззакония, которую он не мог постичь; но он подумал, что мог бы добавить, что сами американцы, по крайней мере, сторонники колонизации, похоже, тоже не очень хорошо понимали это, поскольку они действовали очень долго, не внося никаких благоприятных изменений в систему. Несколько слов по поводу представительства рабов в Конгрессе. Мистер Б. говорил так, как будто хотел, чтобы его поняли, что это представительство пошло на пользу самим рабам - что это было частичное представительство рабовладельческого населения лицами, представляющими их интересы. Как обстояли дела на самом деле? Рабы были представлены вовсе не как люди, а как вещи. Они увеличили, это было правдой, число членов Конгресса, но это дополнительное число только помогло крепко связать их узами, поскольку они были такими, какими были, в интересах тирана и самих рабовладельцев, а не в интересах рабов. Вот что сказал Джон Куинси Адамс в своем знаменитом докладе о тарифах:—

"Представительство рабовладельческого населения в этой Палате с момента принятия Конституции Соединенных Штатов составляло более одной десятой от общего числа. На нынешнем Конгрессе (1833 г.) это эквивалентно двадцати двум голосам; на следующем конгрессе это составит двадцать пять. Это объединенная и концентрированная власть, всегда действующая в поддержку и исключительную пользу интересов рабовладельцев".

Это был мощный двигатель в борьбе с угнетением. Было бы злостным искажением, если бы сказали, что рабы получили выгоду от такого соглашения. Вместо того, чтобы быть рычагом в их руках, помогающим им в свержении системы, которая их сокрушала, это было огромным добавлением сил в ряды их тиранов, которые отправились в Конгресс, чтобы прекратить дискуссию, призвать к закону Линча и возгласить "Да здравствует Колумбия". Затем мистер Томпсон рассказал о плане колонизации Мэриленда.

Первое движение по этому вопросу произошло в марте 1831 года, когда мистер Браунер представил следующие резолюции законодательному собранию Мэриленда, которые были приняты этим собранием. Он просил обратить особое внимание как на букву, так и на дух этого документа, отражающего чувства "добрых людей штата" по отношению к цветному населению:

—
Постановлено, что возросшая доля свободных цветных людей в этом штате по отношению к белому населению, зло, проистекающее из их связей и безудержного общения с рабами, их привычки и способы добывания средств к существованию, а также то, что они лишают

значительную часть занятости трудящийся класс белого населения, являются предметами важного и серьезного рассмотрения добропорядочными жителями этого штата.

Постановлено, что как филантропы и любители свободы, мы сожалеем о существовании рабства среди нас и приложили бы все усилия, чтобы улучшить его состояние, но мы считаем, что неограниченная сила свободы чревата окончательным злом более опасной тенденции, чем само рабство, и что любое действие, имеющее своей целью смягчение этих общих зол, не противоречащее другим первостепенным соображениям, было бы достойно внимания и обдумывания представителей свободного, либерально настроенного и просвещенного народа.

Решено, что мы рассматриваем колонизацию свободных цветных людей в Африке как начало системы, с помощью которой, при разумном поощрении, это зло может быть ощутимо уменьшено, так что со временем относительная доля черного населения к белому вряд ли будет предметом серьезного и неприятного рассмотрения.

Поэтому распорядился, чтобы Председатель назначил комитет из пяти членов с инструкциями представить законопроект, основанный, насколько это возможно, на принципах, содержащихся в предыдущих резолюциях, и представить его на рассмотрение этой палаты.

Таково было первое движение по этому вопросу. На следующем заседании законодательного собрания г-н Браунер представил отчет комитета, некоторые выдержки из которого он (г-н Т.) хотел зачитать:-

Комитет, которому были переданы несколько меморандумов от многочисленных граждан этого штата по вопросу о цветном населении, сообщает:

Что мнения, представленные мемориалистами, различны, а рекомендации, содержащиеся в одних мемориалах, полностью противоречат рекомендациям, содержащимся в других. Однако вопросы, по которым требуются законодательные действия, могут быть объединены в несколько общих разделов:

Во-первых, должен быть принят закон, запрещающий будущую эмансипацию рабов, если не будет принято решение об их вывозе из штата.

Во-вторых, чтобы была собрана сумма денег, достаточная для достижения поставленной цели, и выделена для дальнейшего вывоза тех, кто уже свободен.

В-третьих, должна быть создана полицейская система, регулирующая будущее поведение и мораль этого класса нашего населения.

И, в-четвертых, есть несколько мемориалов из разных частей нашего штата, подписанных многочисленной и весьма респектабельной частью наших граждан, рекомендующих полную отмену рабства в штате.

14 марта 1832 года Законодательное собрание штата Мэриленд выделило в пользование Государственному обществу колонизации сумму в двести тысяч долларов, подлежащую выплате суммами по двадцать тысяч долларов ежегодно в течение десяти лет. Получив грант, законодательный орган затем приступил к принятию актов по получению согласия цветного населения покинуть штат и страну и эмигрировать в Африку. Он (г-н Т.) обратил особое внимание на некоторые короткие выдержки из этих законов. Они раскрыли бы более

убедительно, чем любой его язык, благожелательные или, скорее, чудовищно жестокие замыслы "хороших людей" государства. Сначала ему следует процитировать "Закон, касающийся свободных негров и рабов", принятый в течение нескольких дней после получения гранта и являющийся неотъемлемой частью той же благотворительной схемы:

Раздел 1. Да будет принято Генеральной Ассамблеей Мэриленда, Что после принятия этого закона ни один свободный негр или мулат не должен эмигрировать или селиться в этом штате; и ни один свободный негр или мулат, принадлежащий к какому-либо другому штату, округу или территории, не должен въезжать в этот штат и оставаться в нем в течение десяти дней подряд, намеревается ли такой свободный негр или мулат поселиться в этом штате или нет, под штрафом в размере пятидесяти долларов за каждую неделю, в которую въезжают такие лица, после этого должны оставаться в этом штате; одна половина - информатору, а другая половина - шерифу за задержание. использование территории округа. * * * и любой свободный негр или мулат, отказывающийся или пренебрегающий уплатой указанного штрафа или пеней, должен быть отправлен в тюрьму округа; и должен быть продан шерифом на публичных торгах на такой срок, который может потребоваться для покрытия вышеупомянутого штрафа, предварительно уведомив о такой продаже за десять дней.

Сек. 2Д. И да будет установлено, что ни один человек в этом состоянии будем в дальнейшем нанимать, нанять, или гавань любой свободный негр или мулат, которые должны эмигрировать и обосноваться в этом государстве, после первого дня июня следующего, или любого свободного негра или мулата, который придет в это состояние из любого другого государства, района или территории, и продолжайте в таком состоянии в течение десяти дней подряд, как указано выше, под страхом двадцать долларов за каждый день после истечения четырех дней, любой такой свободным негром или мулатом * * * должен быть трудоустроен, на работу или затаили, и все штрафы, начисляемые в соответствии с этим законом, * * * одна половина его должна быть применена доносчика, а вторую половину использовать графства; и если какой-нибудь негр или мулат должен извлечь из этого состояния и останетесь без ограничения их к космическому дольше, чем тридцать дней подряд, если только, прежде чем покинуть государство он депозитам с клерком округа, в котором он проживает, письменное заявление о своей цели в этом и своем намерении вернуться снова, или, если он не был задержан в результате болезни или по принуждению, из которых он должен принести справку, он считается резидентом другого государства, и подлежит, если он вернется, чтобы наказания, налагаемых вышеизложенные положения на свободных негров и мулатов другого государства, переход к этому состоянию: при условии, что ничто, содержащееся в настоящем Законе препятствуют свободным негром или мулатом от посещения Либерии, и возвращаюсь в состояние, когда он может это сделать.

Раздел 4. И да будет введено в действие, Что с первого июня следующего года будет запрещено ввозить или везти в это государство по суше или воде любого негра, мулата или другого раба для продажи или проживания в пределах этого государства: * * * и любое лицо или лица, совершившие такое правонарушение, будут наказаны штрафом за каждое такое правонарушение, любой негр, мулат или другой раб, ввезенный в это государство вопреки настоящему закону, и такой негр, мулат или другой раб, будет иметь право на свободу при условии, что он согласится быть отправленным в Либерию или покинуть страну. немедленно заявить, в противном случае такой негр, или мулат, или другой раб должен быть схвачен и заключен в тюрьму шерифом округа, где совершено преступление, и этот шериф должен

получить десять долларов за каждого негра, мулата или другого раба, доставленного таким образом в этот штат и конфискованного, как указано выше, и схваченного им. * * * Более того, указанный шериф должен получить пять долларов за такого негра, мулата или другого раба, фактически заключенного им в тюрьму, и обычную тюремную плату, разрешенную в настоящее время законом, и любое лицо или лица, совершившие такое правонарушение в соответствии с настоящим законом, должны быть наказаны обвинительным актом в окружном суде округа, где будет совершено преступление, и после вынесения обвинительного заключения указанный суд своим приказом предписывает указанному шерифу продать любого негра, мулата или других рабов, захваченных таким образом и доставленных им, в соответствии с настоящим законом, Обществу колонизации за указанные пять долларов и тюремные сборы. * * * для отправки в Либерию: и если такое Колонизационное общество не примет таких негров, мулатов или других рабов за указанные пять долларов каждый и тюремные сборы каждого, в случае отказа указанный шериф после трехнедельного публичного уведомления, данного в рекламных объявлениях, продаст любого такого негра, мулата или другого раба какому-либо лицу или лицам с условием, что любой такой негр, мулат или другой раб должен быть немедленно вывезен за пределы этого штата для поселения и постоянного проживания.

Такова была схема, которую его оппонент отстаивал в Бостоне и других местах. Теперь он оставил дело в его руках, порекомендовав ему приложить все свое красноречие и изобретательность во имя чести Мэриленда, но заранее предупредив его, что его труды будут напрасны.

Мистер БРЕКИНРИДЖ сказал, что теперь он приступит к тому, что осталось от аргументации по общему вопросу. Его попросили указать на ответственные стороны в отношении рабства, и это было то, что он собирался сделать. Действительно, гораздо легче было показать, кто был ответственными сторонами, чем доказать невиновность несправедливо обвиняемых — возможно, его долгом было сделать и то, и другое — первое, что он пытался сделать. Было бы легко сделать другое, и он надеялся, что после того, как он это сделает, если добрые люди Глазго когда-нибудь в будущем соберутся, чтобы принять резолюции, восхваляющие мистера Томпсона за огромные жертвы, которые он принес, и страдания, которые он перенес во имя освобождения, они больше не будут чувствовать себя обязанными принимать резолюции, осуждающие всю американскую нацию, как самую подлую нацию, которая когда-либо существовала, за сохранение рабства. Тогда он сказал бы, что в первую очередь считает ответственными владельцев рабов. Рабовладелец должен был выполнять две важные обязанности по отношению к тем своим собратьям, которые находились в рабстве. Во-первых, он был обязан ознакомиться со всем вопросом вдоль и поперек, а сделав это, он должен был как можно скорее, в соответствии со счастьем самих рабов, освободить их. Это было обязанностью рабовладельца, как отдельного человека. Но, поскольку его судьба могла быть брошена в рабовладельческом государстве, его долгом, помимо освобождения собственных рабов, было использовать все законные средства для просвещения общественного мнения. Какими бы способностями он ни обладал, его долгом было использовать их в попытке развеять предрассудки, чьи умы еще не были просвещены по этому важному вопросу. Но, хотя это и входило в его обязанности, он должен был воздерживаться от всего, что естественным образом приводило бы в раздражение умы учителей. Он не должен был идти, хватать человека за горло и говорить: "Ты великий воришка, торгующий людьми злодей, и если ты немедленно не дашь

своим рабам свободу, я выброшу тебя из окна этого трехэтажного дома". Это был не тот способ, которым благоразумный человек приступил бы к работе. И он (мистер Брекинридж) хотел бы, прежде всего, донести до мистера Томпсона и его коллег по работе эту важную истину; что в их усилиях дать свободу рабам ничто не может быть сделано без согласия рабовладельцев. И если бы это не было учтено, мистер Томпсон мог бы трудиться, выражаясь простым американским выражением, "пока коровы не вернутся домой", но он ни на шаг не приблизился бы к своей цели. Хотя по этому поводу было еще одно высказывание, которое, без сомнения, мистер Томпсон часто слышал в Америке и которое, возможно, было бы полезно ему запомнить, если бы он вновь посетил эту ужасную страну; оно заключалось в том, что одна "ложка патоки поймает больше мух, чем бочка уксуса". Что касается способа рассмотрения вопроса о рабстве в тех штатах, где оно существовало, он сказал бы, что было сделано все возможное — агитация, как это называлось в этой стране, — чтобы просветить общественное мнение по этому вопросу в целом, было единственным, что могло быть сделано. Это могло бы продвинуть дело вперед. Если было что-то еще, чем можно было воспользоваться для достижения этой цели, он был готов научиться этому, вернуться домой и попытаться научить своих соотечественников, которые трудились над тем же делом. Во-вторых, г-н Б. продолжил говорить, что сторонами, ответственными за существование рабства, являются государства, которые терпимо относятся к нему. Если рабство было неправильным, как он был полностью готов утверждать, тогда те государства или сообщества, которые терпимо относятся к нему, были справедливо ответственны перед судом Божиим, перед трибуналом просвещенного мира. Если бы рабство было неправильным, те, кто обладает властью, были бы обязаны отменить его, как только это можно было бы сделать последовательно с наибольшим благом для всех заинтересованных сторон. Так вот, рабство могло закончиться в любом государстве только насилием или с согласия хозяев. Это, очевидно, делало обязанностью всех, кто имел правильные взгляды в таких сообществах, распространять и насаждать их таким образом, который с наибольшей вероятностью обеспечит достижение поставленной цели, а именно мирного, добровольного и законного упразднения. Это также демонстрирует, что всякий раз, когда большинство такого сообщества готово действовать в этом направлении, они обязаны действовать таким образом, чтобы конституционно и быстро достичь цели, даже если множество членов этого сообщества все еще должно выступать против этого. Но и здесь совершенно очевидно, что такой результат никогда не может быть достигнут, пока большинство таких рабовладельческих сообществ не только не согласятся на это, но и не потребуют этого. Таким образом, в каждой отрасли этого дела постоянно проявляется, насколько необходимы свет и любовь, мягкость, мудрость и истина; и насколько совершенно безумно ожидать, что что-либо можно сделать в Америке путем резкой брани, поспешных и насильственных действий. Но, говорят люди, выступающие против рабства, вы можете отменить рабство в округе Колумбия и купить свободу всем рабам по всем штатам за государственные деньги. Но не цена рабов была главной трудностью в прекращении рабства. Жители южных штатов считали это наименьшей частью дела. Отнять у нас рабов, говорят они, значит отнять не только нашу собственность, но и нашу страну, ибо без них страна не была бы возделанной. Он не сказал, что южные плантаторы были правы, думая так, но он знал, что они действительно так думали; и поэтому необходимо было принять их мнение во внимание. Это был лишь пример множества трудностей, с которыми столкнулся этот вопрос, и он позволил бы им увидеть, что дело не просто в фунтах, шиллингах и пенсах. Говоря об усилиях американского народа по отмене рабства, мистер Брекинридж сказал, что они многое сделали в этом направлении еще до рождения мистера Томпсона и, возможно, до рождения его отца. Они трудились целую вечность, он мог бы сказать почти полвека. За это

время они многого добились и сделали бы еще больше, если бы не вмешательство стороны, с которой был связан мистер Томпсон. Партия, принципы которой были основаны на ложной метафизике — на ложной морали, которые часто приходили с яростью демонов, и все же говорили, что они посланы Богом. Он бы сказал, что делу освобождения был нанесен серьезный ущерб из-за непродуманных усилий этой партии, они отбросили дело на сто лет назад, чем это было пять лет назад. Что касается плана колонизации Мэриленда, о котором они так много слышали от мистера Томпсона, то, поскольку его время почти истекло, он сможет сделать только одно-два замечания. Это Общество существовало около четырех лет. В его четвертом годовом отчете есть заявление менеджеров фонда штата Мэриленд о том, что в течение предыдущего года им было сообщено о двухстах девяноста девяти случаях освобождения, что с учетом ранее сообщенных данных составляет тысячу сто одного освобожденного раба, чисто и добровольно освобожденного, в течение четырех лет в этом штате: в то время как общее число цветных, перевезенных в Либерию с момента начала деятельности Общества, составляло тогда всего сто сорок, как показано в том же отчете. Ничто не могло бы более ясно показать ложность тех заявлений, которые представляют схему колонизации Мэриленда как жестокую, деспотичную и особенно противодействующую прогрессу эмансипации. Прямое противоположное верно во всех отношениях. Что касается книги, из которой мистер Томпсон зачитал несколько выдержек, предположительно "Законы Мэриленда", то, если он не ошибался, эта книга была жестоким и подстрекательским памфлетом, написанным каким-то человеком, возможно, самим мистером Томпсоном, вскоре после его (мистера Б.) визита в Бостон. Он не стал бы вдаваться в обсуждение достоинств этой брошюры, против которой выдвигались обвинения в Америке, в том месте, где она возникла, и он считал справедливым обвинение в том, что вместо того, чтобы содержать точные выдержки из законов Мэриленда, она фактически содержала только схемы законов, которые были предложены Ассамблеей Мэриленда, но которые так и не получили их одобрения; главным образом вследствие противодействия друзей колонизации. В заключение он сказал бы, что мэрилендский план в целом был одним из самых мудрых и гуманных проектов, которые когда-либо были разработаны. У него не было возражений при соответствующих обстоятельствах полностью углубиться в это, и он надеялся, что сможет показать, что это во многом поможет улучшению положения негритянской расы.

ТРЕТЬЯ НОЧЬ — СРЕДА, 15 июня.

Мистер БРЕКИНРИДЖ, предметом обсуждения которого в этот вечер были назначены двое, был великим делом колонизации в том виде, в каком оно проявлялось в Америке; и он сознавал, что из всех аспектов предмета этих дискуссий не было ни одного, по которому их мнения более решительно расходились бы с тем, что он считал истиной. Поэтому ему было особенно неловко затрагивать эту тему, но он сделал это с той откровенностью, с которой он затрагивал другие темы обсуждения; и если он не хотел показать им достаточных оснований для того, чтобы одобрить принцип колонизации в их умах и чувствах, он мог только ожидать, что они останутся при своем нынешнем мнении. Схема колонизации не была новой в Америке. Об этом говорил 40

или 50 лет назад тот, кто в свое время занимал второе место после отца своей страны в любви американского народа, мистера Джефферсона, до того, как он занял президентское кресло, пока был президентом, и впоследствии был занят своими мыслями этим великим планом. Будучи сам решительным врагом рабства, он пытался пробудить умы своих соотечественников к осознанию преимуществ, которые могли бы возникнуть в результате колонизации свободных чернокожих Америки в какой-нибудь части западного побережья Африки. С этой целью он вступил в переговоры с Компанией Сьерра-Леоне в этой стране, чтобы принять в свою колонию свободных цветных людей из Америки; и он также обратился к португальскому правительству, в то время крупному африканскому собственнику, с просьбой предоставить место, где свободным черным могло бы быть разрешено поселиться самим. Заслуживают ли эти усилия, которым аплодировали и которым помогали многие мудрые и хорошие люди, похвалы или порицания, - это не та тема, которую следует поднимать в настоящее время; но они показали, что эту схему нельзя назвать новой. Это предложение о колонизации свободных черных Америки на западном побережье Африки получило одобрение девяти десятых всех тех по всей Америке, кто проявлял какой-либо интерес к судьбе черной расы: ибо даже подавляющее большинство тех, кто сейчас выступал за "аболиционизм", когда-то были друзьями колонизации. Были ли у них хорошие или плохие причины для изменения, произошедшего в их мнениях, станет, возможно, более очевидно, когда они подойдут к концу обсуждения. Именно в 1822 или 1823 годах из Америки были отправлены первые колонисты. Возможно, он был не совсем точен в своих датах, поскольку приводил их по памяти, но настоящий аргумент не зависел от точной точности в этом отношении. Общество содействия программе колонизации было организовано за несколько лет до указанной выше даты, когда была отправлена экспедиция для исследования побережья Африки с целью основания колонии; а затем еще одна для покупки территории; а затем были отправлены колонисты, что, по его мнению, произошло впервые после 1820 года. Общество продолжало реализовывать эту схему в течение 9 или 10 лет и не встретило противодействия, за исключением некоторых партий на крайнем Юге; но заручилось поддержкой почти всех мудрых, добрых и великодушных людей Америки. Примерно до 1830 года деятельности общества не было оказано какого-либо очень яростного противодействия; и он полагал, что мистер Гаррисон был одним из первых, кто выступил против него на том основании, что его деятельность наносит ущерб интересам цветной расы в Америке. Мистер Артур Таппан также вышел из общества примерно в то же время, но на иных основаниях, чем Гаррисон. Его оппозиция возникла из-за того, что общество не поддержало его позицию в отношении трезвости. Он без колебаний сказал, что мистер Таппан был прав, а общество ошибалось, поскольку они недостаточно далеко зашли в этом вопросе. Он с большей готовностью признал, что в данном конкретном случае взгляды мистера Таппана были правильными, поскольку он был неправ во всем остальном, что он предполагал относительно общества. Но только примерно в 1832 году начала проявляться организованная оппозиция обществу. В 1833 году было создано Американское общество борьбы с рабством, одним из основополагающих принципов которого и, возможно, тем, который они наиболее рьяно пропагандировали, была бескомпромиссная враждебность к схеме колонизации. По ходу событий также выяснилось, что все сторонники колонизации не во всем придерживались одинакового взгляда на предмет. Многие из них считали, что затронутые интересы слишком важны и слишком велики, чтобы их можно было доверить одному правлению или сделать ставку на одну серию экспериментов. Некоторые считали, что один общий принцип действия не может быть достаточно широким для условий всех штатов, и поэтому возникло несколько отдельных обществ, — как в Мэриленде, организованное на особых принципах, которые имеют прямое отношение ко всеобщей

эмансипации; и как в Нью-Йорке и Филадельфии, которые основали колонию на принципах мира, - принцип трезвости в равной степени соблюдается ими и Мэрилендским обществом. Общее общество в Вашингтоне взяло на себя обязательство колонизировать на западном побережье Африки с их собственного согласия цветных американцев, которые обладали хорошим характером и которые были свободны на момент их высылки. Мэрилендское общество пошло еще дальше. Они видели, что план колонизации будет иметь отражение, благоприятное для эмансипации; и они продолжали свои операции с прямой и общепризнанной ссылкой на окончательное освобождение рабов в этом государстве. Нью-Йоркское и Филадельфийское общества были основаны, как я уже говорил выше, на принципах воздержания и мира — первый принцип является общим и для мэрилендской схемы. Объединенные общества Нью-Йорка и Филадельфии сначала взяли 120 рабов, которые были освобождены покойным доктором Хоуз из Вирджинии, и сформировали из них колонию. Территория Материнского общества в Африке называлась Либерией. Он был около 100 лиг в длину вдоль побережья, примерно 10 или 15 лиг в глубину, и там было 5 или 6 поселений, все под общим контролем этого общества. Всего в них насчитывалось около 4000 колонистов, большая часть из которых были вольнонаемными рабами. Колония Мэрилендского общества находилась дальше к югу, чем колония Материнского общества. Он был расположен в той точке побережья, которая называлась мысом Пальмас, а сама в Африке называлась Мэриленд. Он находился в ведении правления в Мэриленде и состоял в то время из двухсот-трехсот колонистов, которые в основном были вольноотпущенными рабами. Другая колония, принадлежащая Нью-Йоркскому и Филадельфийскому обществу, находилась в Басса-Коув и находилась в ведении директоров этого общества. Всего под опекой этих обществ находилось около 5000 колонистов. В течение первых нескольких лет существования Материнского общества его поддерживали несколько джентльменов по разным причинам. В начале, возможно, было не совсем ясно, как оно может действовать. Некоторые выступали за правое дело и поддерживали интересы общества, руководствуясь принципами прямого гуманного отношения к свободным цветным людям Америки. Другие снова поддержали это, поскольку рассчитывали произвести побочные эффекты, благоприятные для рабов, и общую причину эмансипации в стране. Другие настаивали на том, что это позволило бы стране избавиться от цветного населения, без особой оглядки на то, каким может быть результат для самого цветного населения; точно так же, как если бы в Англии были люди, которые способствовали бы эмиграции, чтобы избавить страну от тех, кто, как они предполагали, предавался безделью и был бременем для страны. Возможно, были и такие, кто поддерживал общество из действительной любви к рабству и как средство, которое, по их мнению, могло уменьшить некоторые из зол, которыми оно сопровождалось. В течение первых лет деятельности общества было произнесено много тысяч речей и опубликовано много сотен брошюр об обществе, его деятельности и их последствиях; и вполне возможно, что мистер Томпсон смог бы привести несколько предложений и отрывков из речей рабовладельца, который рассматривал общество как средство увековечения рабства в Америке; или он мог бы произнести какую-нибудь речь, в которой обществу поддерживалось как средство избавления страны от свободных цветных людей, независимо от того, что с ними стало потом. Но было опрометчиво и несправедливо принимать этот план противодействия делу; потому что было хорошо известно, что, как бы ни обстояли дела в конкретных случаях, общий факт заключался в том, что подавляющее большинство сторонников общества всегда поддерживало его из-за хороших последствий, которые они ожидали от него в пользу окончательной эмансипации, а также из-за его нынешних и огромных преимуществ для свободных чернокожих. Теперь я призываю мистера Томпсона прямо признать или прямо

опровергнуть эти заявления. Если он отрицает их, я доволен; ибо в этом случае он будет осужден в Америке за отрицание того, что каждый мужчина, женщина и ребенок там знают как истину. Если он признает, что мои утверждения по существу верны, тогда весь смысл обвинений, выдвинутых им и его друзьями против колонизации, отпадает; и все, что он или они могут выдвинуть против нее, в равной степени может быть выдвинуто против всего, хорошего или плохого, что когда-либо существовало, а именно, что люди поддерживали ее по разным или даже противоположным причинам. Я иду дальше — я утверждаю и призываю мистера Томпсона признать или опровергнуть это, мне все равно, что именно, — что прямо пропорционально тому, как причина развивалась сама по себе, и ее естественное и законное влияние было явно продемонстрировано — те, кто выступает за рабство, охладели к его поддержке или полностью отошли от нее, в то время как те, кто выступает за эмансипацию и желает блага свободных цветных людей, в той же степени и со все возрастающей сердечностью, скорее, признавали это, настолько, что будет трудно, если не совсем невозможно, для наших доказательств дружбы к нему со стороны признанного друга рабства, который должен быть отобран из всех его отбросов, как это произошло в течение последних трех или четырех лет. Действительно, никто не подвергался большему преследованию после того, что мистер Т. называет преследованием в некоторых южных штатах, чем те, кто защищает дело колонизации, факт, который начал происходить, как только те рабовладельцы, которые желали продолжения рабства, ясно увидели, что естественным результатом было окончательное освобождение рабов. Насколько поведение мистера Томпсона и его друзей было рассчитано на то, чтобы вызвать реакцию на Юге и склонить умеренных и гуманных хозяев к взглядам эмансипационистов, сейчас определить невозможно. Но есть все основания надеяться, что растущая мудрость и доброжелательность Юга компенсируют безрассудство и фривольность Севера. Теперь он хотел бы привести несколько причин, по которым следует поддержать эту схему колонизации. Но сначала он хотел бы привлечь их внимание к резолюции, предложенной мистером Джорджем Томпсоном на собрании Общества молодых мужчин против рабства в Бостоне:

Поскольку было продемонстрировано, что Американское колонизационное общество по своим принципам несправедливо, неестественно и запрещает, предпринятая сейчас попытка придать постоянство этому институту является обманом невежества и оскорблением интеллекта общественности и как таковая заслуживает самого сурового осуждения.

Словоохотливость этой резолюции свидетельствовала о ее происхождении. Никто из тех, кто когда-либо слышал одну из речей мистера Томпсона, ни на минуту не мог усомниться в авторстве резолюции. Но что они должны были думать о человеке, который, будучи почти совершенным чужаком в Америке, выступил на публичном собрании и в подобных выражениях говорил об обществе, поддерживаемом и поощряемом подавляющим большинством нации, охватывающем в этом большинстве большую часть тех, кто отличается рангом, знаниями или добродетелями в стране? Чего, кроме всеобщего отвращения со стороны насильников, жалости и презрения со стороны всех — можно было ожидать после такого разбирательства. И все же Лондон, Эдинбург и Глазго отмечают благоразумие мистера Джорджа Томпсона в Америке и восхваляют его поведение там от их имени! Не было продемонстрировано, что схема была неестественной, запрещающей или глупой. Ему очень хотелось услышать, как мистер Томпсон попытается это продемонстрировать. С другой стороны, он (мистер Б.) попытался бы доказать, что сам по себе этот план был хорош, мудр и доброжелателен. Его первая причина заключалась в том, что это было хорошо для свободного чернокожего населения Америки, для блага

которого это было задумано, какими бы ни были мнения относительно рабства; каким бы ни было мнение относительно обязанности предоставлять свободному цветному населению все права и привилегии белых людей; принимая как должное, что рабство должно быть отменено, принимая как должное, что свободное цветное население должно иметь те же права и привилегии, что и белое население; признавая, как заявляли многие, что эти свободные цветные люди, как правило, очень мало возвышаются над положением рабов; признавая существование абсурдного предрассудка среди белых население против цветных людей; принимая за истину все утверждения всех или каких-либо сторон по этому вопросу, а затем сказать, не является ли хорошей, мудрой, гуманной причиной для поощрения общества, что они способны вырвать 1000 или 10 000 из этих деградировавших, разоренных, несостоявшихся и несчастных людей из условий, в которых они находятся, и поселить их в комфорте, свободе и мире в Африке? В то время как мистер Томпсон и его друзья пытались реализовать свои планы по прекращению рабства и преодолению предубеждений против цветовой гаммы, которые, вероятно, были в ходу уже давно, если судить по прошлому, казалось самым странным, что они возражали против наших усилий вырвать часть этих людей из объятий их нынешних горестей и сделать для них в Африке все, что было сделано для нас в Америке. Прежде всего, разве это не необъяснимо, что они считают рабство по одну сторону Атлантики лучше, чем свободу по другую, — мысль, доказывающая тому, кто считал его недостойным свободы где бы то ни было? Если это не был план, полный мудрости, доброты и великодушия, он не знал, что означали мудрость, доброта или великодушие. Они предложили ничего не предпринимать без свободного согласия цветных людей. И теперь, если бы подобное предложение было сделано каждому бедному и несчастному жителю Глазго, и все из них предпочли остаться здесь, кроме одного, и этот один был очарован рассказом о каком-нибудь далеком Эльдорадо и решил попытаться счастья там, могли бы остальные взять на себя право сказать этому человеку: "Ты не поедешь; мы полны решимости не уезжать и в равной степени полны решимости не отпускать тебя". И все же аболиционисты повсюду, от Дана до Вирсавии, не только нападают и очерняют белых за то, что они предлагают колонизировать черных с их собственного свободного согласия; но и в равной степени нападают на черных за то, что они воспользовались этим предложением. И хотя колония была заклеена как могила, как место черепов, это было то самое место, созданное природой для чернокожего населения, земля, дарованная Богом их отцам. Таким образом, в каком-то смысле не имеет значения, каковы причины, побуждающие общество сделать предложение или чернокожее население эмигрировать в Африку — даже по свидетельству самих аболиционистов, цветное население находится в состоянии деградации; и, безусловно, справедливо и хорошо, что им должны быть предоставлены средства для избавления от этой деградации. Во-вторых, он утверждал, что эта схема колонизации естественным образом способствовала делу всеобщей эмансипации. Чтобы проиллюстрировать это, мистер Брекинридж зачитал следующую выдержку из отчета Мэриленда за 1835 год, стр. 17:

Количество освобождений в штате, о котором было сообщено правлению с момента представления последнего годового отчета, составляет двести девяносто девять, то есть общее число, указанное как освобожденное с момента принятия закона 1831 года, составляет тысячу сто один.

Этот отрывок показал, что схема не препятствовала освобождению от ответственности, но имела тенденцию к постепенному увеличению ее объема. То, что таково было намерение и фактический эффект плана колонизации, он теперь докажет собранию в той мере, в какой это

касалось Мэриленда; и если он сделает это в отношении этого штата, он предположил, что им будет нетрудно поверить в то же самое в отношении других штатов, поскольку именно против Мэриленда мистер Томпсон израсходовал свою особую ярость. Затем мистер Б. зачитал следующее:—

Решено, что это общество верит и действует в соответствии с верой в то, что колонизация имеет тенденцию способствовать эмансипации, предоставляя эмансипированному рабу дом, где он может быть счастливее и лучше, во всех отношениях, чем в этой стране, и таким образом побуждая хозяев к освобождению для переезда в Африку, которые не будут освобождены безоговорочно.—3-я ответительная статья, стр. 5.

Мэриленд через свое Государственное общество ставит перед собой задачу провести важный эксперимент: могут ли рабовладельческие штаты стать свободными штатами с помощью колоний на побережье Африки. Однако Совет управляющих не может сомневаться в успехе; и при выполнении высоких и ответственных обязанностей, возложенных на них, он твердо убежден, что недалек тот момент, когда, с полного и свободного согласия тех, кто заинтересован в этом виде собственности, штат Мэриленд будет добавлен к списку штатов Союза, не являющихся рабовладельческими.—3 А. Р. стр. 6.

Против общей схемы снова и снова выдвигались обвинения в том, что ее тенденции заключались в увековечении рабства; и в настоящее время как в этой стране, так и в Европе есть те, кто клеймит позором труд таких людей, как Финли, Колдуэлл, Харпер, Айрес, Эшман, Ки, Герли, Андерсон и Рэндалл, как ведущий к этой цели. Каким бы необоснованным ни было это обвинение, в него верят многие. Закон о колонизации Мэриленда основан на совершенно ином принципе; поскольку иммиграция рабов категорически запрещена, а перевозка тех, кто освобожден, полностью предусмотрена. Таким образом, в соответствии с общим настроением общественности и стремлением избавить колонизацию в штате от вменяемых в вину причин, были единогласно приняты резолюции, в которых признавалось, что искоренение рабства в Мэриленде было главной целью существования общества.—3 А. Р., стр. 33.

На протяжении всего доклада упоминался один и тот же ход событий; и было обнаружено, что они везде совпадают в том, что касается влияния колониальной схемы на освобождение рабов. Чтобы показать причину возражений против схемы со стороны цветных свободных людей, мистер Б. зачитал следующий отрывок:—

Правление хотело бы здесь отметить, что при сборе эмигрантов из числа свободных цветных людей штата наибольшие трудности, с которыми они столкнулись, возникли из-за их недоверия к представленным им отчетам об Африке. Даже когда их друзья в Либерии писали им, приглашая эмигрировать и положительно отзываясь об этой стране, они считали, что авторы были сдержанны и что агенты общества препятствовали попаданию в Америку ни одного письма, в котором не говорилось о похвалах Африке. Изобретательность цветных жителей этого штата позволила провести простой тест на доверие к письмам, якобы написанным их друзьями, который они в течение последнего года или восемнадцати месяцев применяли на практике. Когда эмигрант отплывал из Соединенных Штатов, он взял с собой половину полоски ситца, а другая половина осталась у человека, которому он должен был написать, когда доберется до Африки. Если ему разрешалось писать без ограничений и если он выражал в своем письме свои истинные чувства, он прилагал свой кусок ситца, который, совпадая с тем, от которого оно было оторвано, придавал переписке подлинность и весомость. Многие из этих знаков внимания, как

их называют, были получены, и их эффект был очевиден в большей готовности, проявляемой свободными цветными людьми к эмиграции; особенно теми из них, кто вообще хорошо судит и хорошо информирован.-4 А. Р. страница 6.

Какие бы трудности сейчас ни существовали с тем, чтобы заставить свободных цветных людей воспользоваться планом общества и эмигрировать в Африку, они в значительной степени возникают из-за усилий партии отмены смертной казни по искажению намерений общества, состояния и перспектив колонии перед свободными цветными людьми Соединенных Штатов, демонстрируя таким образом двойное злодеяние — лишение этих людей возможности получать пользу и очернение тех лиц, которые хотят принести пользу им. В обращении колонистов с мыса Пальмас к своим братьям в Америке, датированном октябрём 1834 года, было отчетливое признание того факта, что для них было лучше, если они отправились туда; и призыв других тоже приехать. Затем мистер Б. зачитал следующую выдержку из обращения:

Дорогие братья, Соглашаясь с решением наших сограждан, прилагаемым к настоящему письму, мы сейчас пытаемся представить вам справедливое и беспристрастное изложение фактического положения этой колонии; наших преимуществ и перспектив, как светских, так и духовных.

Мы осознаем огромную разницу во мнениях, которая существует в Америке относительно колонизации. Мы осведомлены об ожесточенных спорах между ее сторонниками и противниками; и мы придерживаемся мнения, что это утверждение среди благонамеренных основано главным образом на различных и противоречивых отчетах об этой стране и ее преимуществах, поступающих, с одной стороны, от восторженных и дальновидных новичков, которые пишут, совершенно не ознакомившись с истинным положением дел в Африке; а с другой стороны, от робких, рассеянных и обескураженных, которые жаждут вернуться к своему прежнему униженному положению и готовы привести любую причину, какой бы ложной и пагубной для их сограждан она ни была. , а не истинный, а именно: — что они на самом деле непригодны из-за недостатка добродетели, энергии и способностей стать свободными людьми в любой стране.

Мы считаем, что время, прошедшее с момента нашего первого прибытия (восемь месяцев), позволило нам составить довольно правильное мнение об этой нашей новой колонии, о климате и пригодности нашего правительства. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что пишем не по незнанию. И что касается истинности наших утверждений, то мы здесь торжественно заявляем раз и навсегда, что пишем в страхе Божьем и полностью осознаем, что обязуемся придерживаться их как здесь, так и в будущем.

Нашего правительства — Мы заявляем, что мы пользовались (и то же самое навсегда гарантировано нам нашей Конституцией) всеми гражданскими и религиозными правами и привилегиями, которыми, как мы знаем, когда-либо пользовались белые граждане Соединенных Штатов, за исключением выборов нашего главного судьи, который назначается советом управляющих Общества колонизации штата Мэриленд. Другие должностные лица назначаются или избираются из числа колонистов. Свобода слова и печати, выборы путем тайного голосования, суд присяжных, право на ношение оружия и свобода поклоняться Богу в соответствии с велениями нашей собственной совести навсегда закреплены Конституцией.

Чтобы не истощать ваше терпение и не быть заподозренными в желании представить ситуацию в слишком выгодном свете, мы были кратки в наших заявлениях. Естественно, предполагается, братья, что цель этого обращения - побудить вас эмигрировать и присоединиться к нам. Отрицать это было бы вопиющим недостатком откровенности и не соответствовало бы нашей профессии с самого начала. Мы действительно желаем этого и протягиваем вам сердце и руку доброго общения.

Но и здесь давайте будем столь же откровенны с вами. Не каждому мужчине мы могли бы честно посоветовать или пожелать приехать в эту колонию. Тем, кто доволен тем, что живет и воспитывает своих детей в качестве домашней прислуги и лакеев, мы бы сказали: оставайтесь там, где вы есть; здесь у нас нет хозяев, которые могли бы нанять вас. Ленивым, беспечным и лентяйничавшим мы бы сказали: задержитесь среди горшочков с мясом в Египте; здесь мы добываем себе хлеб в поте лица. Пьяницам и бунтовщикам мы бы сказали: "не приезжайте к нам; вы никогда не сможете натурализоваться в стране, где нет магазинов, торгующих грогом, и где девизом является умеренность и порядок". Робким и подозрительным мы бы сказали: оставайтесь там, где у вас есть защитники; здесь мы защищаем самих себя. Но трудолюбивых, предприимчивых и патриотически настроенных людей любого рода деятельности; торговцев, механиков и фермеров (но особенно последних) мы хотели бы посоветовать и умолять приехать и быть одним целым с нами, и помогать в этом славном предприятии, и наслаждаться вместе с нами той свободой, которой мы всегда были, а цветной человек всегда должен быть чужаком в Америке. Служителям Евангелия, как белым, так и цветным, мы хотели бы сказать: приходите на эту великую жатву и распространяйте среди нас и наших невежественных соседей тот свет Евангелия, без которого сама свобода - не что иное, как рабство, а свобода - не что иное, как вечное рабство.

Примите, братья, наши наилучшие пожелания; и, молясь, чтобы Великий Распорядитель событий направил вас по тому пути, который будет способствовать вашему счастью и благу нашей расы во всем мире,

Мы подписываемся
С любовью к Вам,

ДЖЕЙКОБ ГРОСС,
УИЛЬЯМ ПОЛК,
ЧАРЛЬЗ СКОТЛЕНД,
ЭНТОНИ ВУД,
ТОМАС ДЖЕКСОН.

После того, как отчет был прочитан, Джеймс М. Томпсон поддержал его, предложив утвердить и принять отчет. Ответы "за" и "против" были представлены следующим образом:—

Да —Джереми Стюарт, Джеймс Мартин, Сэмюэл Уилер, Х. Дункан, Дэниел Бэнкс, Джошуа Стюарт, Джон Боуэн, Джеймс Стюарт, Генри Деннис, Иден Хардинг, Роберт Уайтфилд, Натан Ли, Натаниэль Эдмондсон, Чарльз Скотленд, Натаниэль Хармон, Бур. Минор, Энтони Ховард, Джеймс М. Томпсон, Энтони Вуд, Джейкоб Гросс, Ум. Полк, Томас Джексон.

Нет —Николас Томсон, Уильям Рейнольдс, Уильям Кассель.

Примечание. Те, кто проголосовал против, заявили, что заявления, содержащиеся в отчете, были правдивы как по духу, так и по букве, но они предпочли вернуться в Америку, после чего заседание было закрыто на неопределенный срок.

Подлинная копия протокола судебного заседания.

WM. ПОЛК.

Если какое-то значение имело свидетельство человека, то стало вероятным, по крайней мере, если не бесспорным, что намерения сторонников схемы заключались в том, чтобы она была максимально добра к черному человеку во всех своих прямых действиях и благодаря косвенному влиянию, предшествующему отмене рабства; и если общество допустило ошибку, то и сами колонисты впали в то же самое; поскольку в этом обращении они говорят, что схема оказалась успешной. Следовательно, он завершит эту вторую причину утверждением, что он в достаточной степени доказал, что схема принесла пользу не только цветному населению, но и делу всеобщей свободы.

Причины, которые он сейчас выдвинет, будут более общими. И, выдвигая третью главу аргументации, он заметил, что единообразным методом, который Бог избрал для того, чтобы цивилизовать и просветить человечество и распространить по миру знание искусств и законов со всеми родственными благами цивилизации, была колонизация. Одной из первых заповедей, данных Богом человеку, было наполнение и покорение земли; и в этом выражении была поразительная полнота смысла. Хотя, казалось, во всей человеческой семье существовало инстинктивное повиновение этому повелению, Бог так направил его проявление, что он верил, что может смело бросить вызов любому человеку, чтобы тот показал ему какую-нибудь нацию, которая расположила постоянную резиденцию своей империи на родной земле своих жителей. Каждая нация была завоеванной нацией; каждый народ, в свою очередь, получал просвещение от других и, в свою очередь, снова становился колонистами. Эта нация, которая считала себя самой просвещенной в мире, и он далек от того, чтобы оспаривать это мнение в их присутствии, могла бы частично объяснить свою высшую образованность тем фактом, что ее завоевывали гораздо чаще, чем любую другую, и, как следствие, большим смешением наций среди жителей. Опять же, он заметил, что Бог сохранил несколько человеческих рас особыми со времен Ноя вплоть до наших дней; и в их взаимном воздействии друг на друга проявлялся тот экстраординарный факт, что где бы потомки Сима ни колонизировали страну, населенную потомками Иафета или Хама, они истребляли тех, кто был до них. Когда потомки Иафета победили потомков Сима, они были истреблены раньше них; когда потомки Сима победили потомков Иафета, дело было то же самое; и то же самое было с потомками Хама в любом случае. Но когда Иафет победил Иафета, не было истребления, и когда Сим победил Сима, не было истребления, как и в случае с Хамом, победившим Хама. Теперь, что касается Африканского континента, то, если история учит какой-то правде, они должны были обратить вспять весь его прилив, иначе Африке было суждено подвергнуться еще большей колонизации. До сих пор эпидемия, подобно пылающему мечу перед садом Господним, держала путь огороженным, белого и желтого человека подальше от этого места, приберегая его до подходящего часа и прихода людей. Если мы примем предзнаменования Провидения, то все будет хорошо. Но если мы полагаемся на уроки прошлого, то единственное средство, которое в наших силах предотвратить окончательную колонизацию Африки какой-то чужой расой и последующее истребление ее чернокожей расы, - это заселить ее чернокожими. Если они позволят Симу

колонизировать там, черные будут истреблены; если они позволят Иафету колонизировать там, черные будут истреблены. Африка должна быть уничтожена, или она должна быть колонизирована неграми; или вся история - всего лишь одна чудовищная ложь. По-видимому, благу Провидению Британии особенно вверены судьбы Азии; и мы говорим ей с добротой и преданностью: "Входи и наслаждайся, пока не придет Мессия; входи немедленно, чтобы мы не вошли раньше тебя". Америке подобным же образом предана Африка. Чтобы выполнять там работу нашего Учителя, мы должны колонизировать ее черными, мы должны просвещать ее черными. И когда мистер Т. и его друзья приходят к нам со своим шарлатанством, которому едва исполнилось четыре года, и требуют, чтобы мы отказались ради него от наших самых ясных убеждений, наших самых заветных планов и наших самых просвещенных взглядов на истину и долг, мы можем только сказать им: "Мы вам очень обязаны, но, пожалуйста, извините нас, джентльмены; мы уже рассматривали этот вопрос раньше". Каждый доброжелательный и здравомыслящий человек должен понимать, что план колонизации Африки чернокожими людьми необходим для просвещения Африки и предотвращения истребления там чернокожих людей. В-четвертых, он хотел бы поднять вопрос о христианизации Африки отдельно от другого вопроса о простой цивилизации и ее сохранении. Как уже утверждалось, существует только три способа, с помощью которых можно было бы проводить работу миссий. В замечательном небольшом трактате на эту тему, опубликованном в этой стране, и он сожалел, что не знает автора, иначе он назвал бы его в чистом почете, эти методы были умело определены и проиллюстрированы. Один из методов состоял в том, чтобы послать миссионеров и выполнять эту работу, как многие сейчас пытаются это сделать, во многих странах. Другой способ заключался в том, чтобы привести людей к обращению к тем, кого Бог избрал, чтобы сделать средством их обращения. И когда Британия резко отзывается об Америке по поводу рабства, пусть она вспомнит и преисполнится доброты при мысли о том, что мы делаем для обращения десятков тысяч ирландских католиков, которых она ежегодно отправляет к нам. Третьим путем была колонизация; и это в прошлые века было великим и славным планом. Благодаря этому Европа стала тем, что она есть; благодаря этому Америка была обращена в христианство; и он снова отсылал их к маленькой книге, о которой он говорил, — которая, будучи написана не рабовладельцем и даже не американцем, возможно, была правдой, — чтобы убедить их, что это во всех случаях самое эффективное средство спасти мир. Но в данном специфическом случае это, казалось, было главным, если не единственным средством. Климат подходил чернокожему человеку, в то время как сотни белых стали его жертвами. Мне это кажется настолько странным, что я никогда не мог понять, как благочестивые и просвещенные свободные чернокожие Америки могли так долго или вообще сопротивляться явному призыву Божьему идти и трудиться для Него на своей отчизне. Вот она, "сидящая во тьме и пьющая кровь", обладающая полной способностью и совершенной пригодностью с их стороны просветить, утешить и спасти ее — свою мать, вдвойне нуждающуюся в их заботе, поскольку она не знает, что она слепа и нага! И все же они задерживаются на далеком берегу; и наполняют воздух пустым ропотом о времени, земле и ее жалкой суе; и христиане вокруг них ласкают и аплодируют им за их языческую жестокосердность; и христианские общины в своем странном увлечении посылают к ним миссии, чтобы помешать им стать самыми настоящими миссионерами, которых только может дать земля! Тени, которыми мы являемся, тени, которые мы преследуем! В-пятых, это был единственный эффективный и практичный способ положить конец работорговле. Действительно, был другой способ — остановить спрос. Но пока они спорили о способах прекращения спроса, был другой способ — прекращение предложения. Это долгое время было целью, дорогой нескольким нациям. Правительство Великобритании, правительство Америки и

правительства нескольких других государств послали несколько крейсеров, чтобы остановить поставки; но будут ли вывозиться рабы из Африки, если на западном побережье есть хотя бы один город с десятью тысячами жителей и в их распоряжении три военных корабля? Они положат конец торговле в тот момент, когда смогут наказать пиратов или учинить расправу над народами, к которым они принадлежали. Почему мы никогда не слышим о краже англичанина, немца или турка? Потому что вор знает, что последуют репрессии, или что он или кто-то из его соотечественников будет наказан или украден взамен. Так что все, что требовалось, - это основать город на западном побережье Африки, и это дало бы защиту населению этой страны. Нет ничего более очевидного, чем то, что в любой стране, которая предпримет репрессии, никто из жителей не будет похищен. Если бы репрессии были эффективными, работорговля была бы немедленно прекращена. Именно курс, проводимый мистером Томпсоном и его друзьями, а не курс, проводимый нами, вероятно, приведет к продолжению работорговли. На протяжении ста лет африканского побережья оно уже в значительной степени подавлено; и если бы нам оказали помощь, как того требовала важность дела, вместо того чтобы оказывать сопротивление неустанной деятельностью, этот благословенный объект мог бы быть сейчас дарован молитвам христианского мира.

Мистер ТОМПСОН искренне надеялся, что каждое слово, произнесенное мистером Брекинриджем в тот вечер относительно принципов Общества колонизации и того, что было сделано этим учреждением, будет тщательно сохранено; что в других случаях и другими лицами по обе стороны Атлантики аргументы мистера Брекинриджа могут быть проанализированы, его факты исследованы, а его чувства обнародованы. Я не стану приносить извинений (продолжал мистер Т.) за то, что затронул вопрос, обсуждавшийся вчера вечером, но не решенный справедливо. Я ни в коем случае не удовлетворен и не думаю, что просвещенный, и меньше всего христианский мир, будет удовлетворен доктриной, которую в течение двух вечеров излагал и поддерживал мистер Брекинридж, о том, что Америка, как нация, не несет ответственности перед Богом за грех рабства. Я не могу, сэр, принять это учение. Я не могу легкомысленно отмахнуться от него. Многое зависит от этого пункта, и я не соглашусь, чтобы Америка возложила на свою душу льстивое помазание, что она не является хранительницей своего брата; что любые негодяи в ее пределах могут совершить душеубийство, а она невиновна по причине своего умышленного, самовнушенного и самоподдерживающегося бессилия. Я не верю, что доктрина "безответственности Америки как нации" политически обоснована; еще меньше я верю, что это доктрина Библии.

Сэр, я бесстрашно обвиняю Америку как нацию — как Соединенные Штаты Америки — как добровольную конфедерацию свободных республик — как живущих под одной общей конституцией и одним общим правительством — в том, что она является нацией рабовладельцев, самой подлой и преступной на лице земли.

Я обвиняю Америку в том, что у нее президент-рабовладелец; в том, что она держит семь тысяч рабов в резиденции правительства; в лицензировании работорговли за четыреста долларов; в разрешении внутренней работорговли в ужасных масштабах - сто тысяч душ в год; в разрешении превращать тюрьмы, построенные на государственные деньги, в вместилища безобидных американцев, родившихся на родине, предназначенных для южного рынка; в разрешении ее законодателям и высшим должностным лицам штата попираť все заповеди

человечности и все принципы, священные для американской независимости, путем торговли "рабами и душами людей". . "

Я обвиняю Америку "как нацию" в том, что она допускает в своих границах широко распространенную систему, которую мой оппонент сам описал как систему явного грабежа, всеобщего сожительства, ужасающей жестокости и непросветленного невежества.

Я обвиняю Америку перед миром и Богом в ужасном преступлении, заключающемся в низведении более двух миллионов ее собственных детей, родившихся на ее собственной земле и имеющих право на "жизнь, свободу и стремление к счастью", до положения зверей; лишении их всех прав, привилегий и социальных или политических благословений и оставлении их добычей тех, кто законодательно запретил слово жизни и предписания религии, чтобы их жертвы никогда не увидели своими глазами, не услышали своими ушами и не поняли своими сердцами, и не должны были примите позу, имя и почести человечества.

Я обвиняю Америку "как нацию" в том, что она порочна, жестока и, в высшем смысле, преступно безразлична к счастью и возвышению свободного цветного человека; в том, что она подавляет и преследует его во всех частях страны; в том, что она считает его принадлежащим к низкой, деградировавшей и неисправимой *касте*, который не должен называть Америку своей страной или своим домом, но искать в Африке, на земле своих предков, убежища от преследований на земле, которую англичане, голландцы, французы и ирландцы, отняли *украшенных* людей, и которую они теперь гордо и самодовольно, но наиболее ложно называют страной *белых* людей.

Я возлагаю все это и многое другое на *правительство* Америки, на *церковь* Америки и на *народ* Америки.

Говорить о перекладывании вины системы на отдельного рабовладельца и отдельное государство, по меньшей мере, праздно. Это не может быть сделано справедливо, пока граждане по всей стране объединены. Это грех всей церкви. Пресвитериане по всей стране - это одно тело; баптисты - это одно тело; епископальные методисты - это одно тело; они признают друг друга; они сердечно общаются друг с другом. Они возлагают грех, если это грех, на себя, называя братьями во Христе Иисусе и служителями Того, кто был помазан проповедовать освобождение пленникам, людей, которые бесстыдно торгуют разумными, искупленными кровью душами; более того, даже обменивают на проклятое золото членов своей собственной церкви. Это в первую очередь грех церкви. Это грех народа в целом. Говорят, что законы признают рабство. Я отвечаю, вся нация несет ответственность за эти законы. Мы слышим, что "Конституция ничего не может сделать", что "Конгресс ничего не может сделать", на что я отвечаю: горе, и стыд, и вина, и отвращение должны быть уделом людей, называющих себя христианами и республиканцами, которые могут терпеть на протяжении полувека Конституцию и Конгресс, которые не могут предотвратить или вылечить покупку и продажу священной человечности; разрыв всех нитей, связывающих сердца с сердцами, дегуманизацию и резню мирных и патриотически настроенных граждан на территориях, на которые они распространяются. В каком бы аспекте я ни рассматривал этот вопрос, народ в целом, по-видимому, несет политическую и моральную ответственность перед Богом и человеком за грех рабовладения. Они несут ответственность за Конституцию, со всеми ее недостатками, поскольку у них есть право вносить в нее поправки, и, следовательно, это их обязанность. Они несут ответственность за характер и действия Конгресса, поскольку они формируют сенаторов и представителей, которые туда ходят. Одним словом, они должны образом и торжественно

несут ответственность за ту "систему", о которой мы так много слышали, и за "функционирование этой системы"; и я заявляю, что это не более чем уловка, если сказать, что народ Америки, источник власти, суверенный, всемогущий народ, не несет ответственности за существование рабства и всех родственных ему мерзостей в территориальных пределах Соединенных Штатов.

Обвинения, которые он здесь выдвинул, были важными, серьезными и ужасными. Он выдвинул их под полным и торжественным впечатлением своей ответственности перед человечеством и Богом народов. Он верил, что они верны; он был готов обосновать их. Чтобы ни одна строчка из них не была утеряна или искажена в Великобритании или Америке, он написал их собственной рукой, от всего сердца, и он был готов поддержать их в Англии, или в Шотландии, или в самой Америке: ибо он надеялся еще раз посетить эту страну и там возобновить свою защиту прав рабов.

Теперь он переходил к вопросу колонизации, в котором чувствовал себя совершенно как дома. Однако, отвечая на этот вопрос, он столкнулся с трудностью, с которой сталкивался во многих предыдущих случаях, а именно с невозможностью вместить то, что он хотел сказать, в рамки одного выступления. Ему пришлось бы не только ответить на то, что выдвинул мистер Брекинридж, но и затронуть темы, которые мистер Брекинридж упустил из виду, — принципы, влияющие на происхождение, характер и само существование этого общества, которое мистер Брекинридж взял под свою особую защиту. Он (мистер Т.) хотел показать, что улучшение положения чернокожих не было главной целью Общества колонизации; что его действия проистекали из того отвращения к цвету кожи, которое можно было бы назвать особым грехом Америки. Рабство можно было встретить во многих странах, но только в Америке существовала аристократия, основанная на цвете кожи. Раса светлокожих патрициев, основывающих свои притязания на особом ранге и привилегиях на оттенке кожи, фактуре волос, форме носа и размере икр! Если бы не это отвращение к цвету кожи, мистер Б. не удовлетворился бы средствами, предложенными Колонизационным обществом для улучшения положения с рабством; он не произнес бы ни слова о колонизации или о той Голгофе в Либерии.

Поскольку он (мистер Т.) был знаком с Америкой, он не смог прийти ни к какому другому выводу, кроме того, что предрассудок по поводу цвета кожи был тем, на чем была основана колонизация свободных негров. Было много сказано о низком интеллекте черной расы и о явном недостатке их моральных качеств; но это не были основания, на которых их пытались изгнать; несправедливость, практиковавшаяся по отношению к ним, основывалась исключительно на предубеждении, которое было возбуждено против их внешних личностных особенностей. Каждое слово, сказанное мистером Брекинриджем в защиту колонизации, прямо доказывало это. Вся схема основывалась на темном цвете кожи тех, кто подлежал эмиграции. Если бы у пострадавших была белая кожа, мистер Б. выступал бы за немедленное, полное и вечное освобождение.

Теперь он хотел бы перейти к вопросу, в отношении которого, по его мнению, мистер Брекинридж обошелся с аболиционистами Америки несправедливо - с недоброжелательностью — с чем-то, чему он не хотел даже давать названия. Мистер Б. обвинил аболиционистов в том, что они опубликовали закон в качестве закона штата Мэриленд, который никогда не был принят законодательным собранием этого штата; и когда он (мистер Т.) потребовал от мистера Б. доказательств в поддержку своих серьезных утверждений, в данном

случае это было точно так же, как в случае с мистером Гаррисоном и мистером Райтом, — доказательства были *non est inventus*. Теперь он спрашивал, было ли это справедливо; было ли это великодушно; было ли это великодушно; было ли это по-христиански?

Обвинение было выдвинуто четко, а затем от обвиняемых сторон потребовали доказать отрицательный результат. Мистер Брекинридж вряд ли надолго задержится в Глазго, и поэтому было проще и удобнее всего предпочесть обвинения, на которые нельзя было ответить, даже по показаниям замешанных сторон, до тех пор, пока мистер Брекинридж не окажется далеко, а яд не успеет полностью проявить свое действие. Он (мистер Т.), однако, выразил бы свое мнение, что его коллеги по другую сторону Атлантики с триумфом очистятся от этого и любого другого обвинения и, наконец, выйдут из испытания, какими бы жестокими, чистыми, незапятнанными и невинными.

Такое обвинение, однако, не должно быть выдвинуто против него (мистера Т.). Законы Мэриленда, на которые он ссылался, можно было найти на страницах аккредитованного органа Общества колонизации, Африканского хранилища, весь набор которых был выставлен на платформе, открытый для ознакомления.

Мистер Брекинридж приложил немало усилий, чтобы представить дело Обществу колонизации Мэриленда. В этом не было ничего удивительного. Это общество было его собственным протеже. Он покровительствовал ему и лелеял его. За это, как оказалось, он чуть не принял мученическую смерть, когда, защищая это дело в Бостоне, его приняли за аболициониста — в том же самом городе Бостоне, где джентльменская толпа из 5000 человек, модно одетых в черную, коричневую и синюю одежду, радостно атаковала и разогнала мирное собрание сорока дам.

Он еще не покончил с Обществом колонизации Мэриленда. Он был готов доказать, что в целом это была самая деспотичная и незаконная схема. Законы, принятые в поддержку этого, запрещали вольную, за исключением условий вывоза освобожденных рабов; таким образом, предоставлялся выбор между злами, оба из которых были жестокими до последней степени, — вечное рабство или изгнание с земли, на которой они родились, а также со сцен и ассоциаций младенчества и юности. Он мог бы показать, что свободные цветные люди, въезжающие в штат, подлежали аресту и продаже; а белые люди, приглашающие их и укрывающие, подлежали наложению крупных штрафов.

Эти и подобные им положения, все позорные и жестокие, были характерными чертами законов, которые были разработаны для осуществления доброжелательных и патриотических замыслов Мэрилендского колонизационного общества!

То, что предполагалось изгнание из штата, он покажет из газет, издаваемых в штате. Что сказала газета *Baltimore Chronicle*, выступающая за рабство и колонизацию, в то время, когда были приняты упомянутые законы? Пусть его слушатели услышат внимательно.

"Целью этих законов было, и их действие должно заключаться в том, чтобы ИЗГНАТЬ свободных цветных людей из этого штата. Они окажутся настолько стесненными ограничениями, что их положение не может быть иным, как некомфортным, если они решат остаться в Мэриленде. Эти законы, без сомнения, будут встречены запретительными законами в других штатах, что

значительно увеличит положение цветных людей и не оставит им другой альтернативы, кроме как эмигрировать или оставаться в очень незавидном положении ".

Что написала газета "Мэриленд Темперанс Геральд" от 3 мая 1835 года?

"Мы в долгу перед издательским комитетом за первый номер "Мэрилендского журнала колонизации", нового ежеквартального периодического издания, посвященного делу колонизации в нашем штате. Такой документ давно был необходим; мы надеемся, что он окажется полезным.

"Каждый мыслящий человек должен быть убежден, что недалек тот момент, когда безопасность страны потребует ИЗГНАНИЯ чернокожих из ее пределов. Совершенная глупость предполагать, что иностранному населению, физические особенности которого должны навсегда отличать их от хозяев земли, можно позволить безнаказанно расти и укрепляться среди нас. Пусть легкомысленные энтузиасты сколько угодно рассуждают, но никакие абстрактные соображения о естественных правах человека никогда не приведут негритянское население к равенству с белыми. До тех пор, пока они остаются на земле своего рабства, они будут поработаны морально, если не физически, и, действительно, до тех пор, пока сохраняется их особая национальность, их просвещение будет мерой сомнительной политики. При таких обстоятельствах каждый филантроп захочет, чтобы их убрали, но постепенно и с как можно меньшим насилием. Для достижения этой цели ни одна схема не вызывает столько возражений, как африканская колонизация. Было сказано, что этот план мало что дал - правда, но ни один другой ничего не дал. Мы не ожидаем, что усилия доброжелательных людей смогут избавить нас от миллионов чернокожих, которые угнетают и подвергаются угнетению нами. Все, чего они могут добиться, это убедить общественность в практической схеме — они могут провести эксперимент — они проводят его, и с успехом. Штат Мэриленд уже принял этот план, и вскоре в каждом Южном штате появится своя колония. Все африканское побережье будет усеяно городами, и тогда, если какие-то страшные потрясения приведут к необходимости для общественной безопасности НЕМЕДЛЕННО ИЗГНАТЬ ТОЛПУ, для них будет предоставлен дом-убежище на земле их отцов ".

Однако это был план, о котором Американское колонизационное общество на своем ежегодном собрании в 1833 году высказалось в следующих выражениях:

Решено, что Общество с величайшим удовлетворением рассматривает продолжающиеся усилия штата Мэриленд по реализации своей патриотической и доброжелательной системы в отношении своего цветного населения; и что последнее выделение этим штатом двухсот тысяч долларов в помощь африканской колонизации приветствуется друзьями системы как ЯРКИЙ ПРИМЕР для других штатов.

Мистер Брекинридж восхвалял Колонизационное общество как программу доброжелательности и патриотизма. Он (мистер Т.) не хотел отрицать, что среди ее основателей и последующих сторонников было много благочестивых и превосходных людей, но он был готов продемонстрировать, что она выросла из предрассудков, была основана на предрассудках, апеллировала к предрассудкам и не могла существовать, если бы предубеждение против цветного человека было побеждено. Более того, он воззвал к страхам и алчности рабовладельцев, заявив, что в ходе своих операций он удалит из южных штатов наиболее опасную часть свободного населения, а также повысит стоимость рабов, оставшихся в стране.

Доктрины, которые были обнаружены в публикациях общества, носили самый абсурдный и антихристианский характер. Он упомянул бы три, а именно: во-первых, что *Африка*, а не *Америка*, была истинным и подходящим домом цветного человека; во-вторых, что предубеждение против цвета кожи было *непобедимым*, и, следовательно, возвышение цветного человека в Америке было недоступно человечеству, законодательству и религии; и, в-третьих, что не должно быть никакой эмансипации, кроме как в целях колонизации. Какими поистине чудовищными были эти доктрины! Как рассчитано на то, чтобы парализовать физическую активность, ограничить свободу и выставить цветного человека иностранцем, которого следует изгнать из страны, как только будут предоставлены средства для его высылки. Таково действительно было влияние взглядов общества на общественное сознание в Америке. Если цветной человек должен был быть изгнан, потому что его предки были африканцами, то пусть генерал Джексон будет отправлен в Ирландию, потому что его родители были ирландцами; а мистер Ван Бюрен будет отправлен в Голландию, потому что его предки были голландцами; и пусть то же правило будет применено ко всем остальным белым жителям страны. Тогда Великобритания, и Франция, и Германия, и Швейцария вернут себе своих детей; Америка будет избавлена от своих завоевателей, и краснокожий человек выйдет из дикой местности, чтобы в полной безопасности наслаждаться землей, с которой были изгнаны его предки. Мистер Брекинридж выразил большое уважение к его (мистера Т.) самонадеянности при выдвигании резолюции в Бостоне, столь решительно осуждающей меры и принципы Общества колонизации. Ему (мистеру Т.) может быть позволено сказать, что если он действовал самонадеянно, то он также действовал смело и честно; и что слушатели должны знать, что упомянутая резолюция обсуждалась в течение всего вечера, с половины десятого до половины второго часа следующего дня, с преподобным Р. Р. Герли, секретарем и агентом Общества колонизации, который в течение восьми или девяти лет был редактором Африканского хранилища и, возможно, был более квалифицирован, чем любой другой человек в Соединенных Штатах, для обсуждения этого вопроса — всегда, конечно, конечно, за исключением его преподобного оппонента, находившегося тогда на платформе. Он признал, что резолюция была жестко сформулирована; что она отвергала общество как несправедливое, неестественное и запрещающее; и объявил усилия, прилагавшиеся в то время для придания силы и постоянства институту, были обманом невежества и оскорблением интеллекта и человечности сообщества. Но эта страна должна знать, что он отстаивал свои предложения лицом к лицу с одним из самых способных борцов за правое дело перед двумя американскими аудиториями в городе Бостон. Чтобы присутствовавшая тогда перед ним ассамблея могла судить о характере дебатов и знать их результат, он зачитал несколько коротких выдержек, взятых из респектабельной ежедневной газеты, выходящей в Бостоне и совершенно не связанной с аболиционистами. Сам редактор, Б. Ф. Халлетт, эсквайр, сообщил о ходе расследования и таким образом заметил: —

"Одна из самых интересных, виртуозных и достойных дискуссий, которые когда-либо слушали в этом сообществе, состоялась в пятницу вечером и в субботу утром. Зал был полон настолько, насколько это было возможно. * * * * * Вся эта дискуссия была образцом вежливости и христианского темперамента в подобных случаях и делала честь всем заинтересованным сторонам. Мы сомневаемся, проводились ли когда-либо общественные дебаты в этом городе в лучшем духе и с большим умением. За все время не было произнесено ни одного невежливого слова, и ни одно событие ни на мгновение не омрачило всей сердечности, с которой велся спор. Спорили не люди, а принципы, и мы осмеливаемся сказать, что ни одно публичное обсуждение никогда не проводилось на более высоких основаниях и не было более интересным

для аудитории. Резолюция была принята, всем присутствующим было предложено проголосовать. Она была принята "за" при ЧЕТЫРЕХ голосах против".

Так сказала газета Boston Daily Advocate.

Следующие выдержки из опубликованных обращений некоторых наиболее выдающихся и одаренных сторонников Общества колонизации покажут, что с самого начала предполагалось *принудительное* переселение цветного населения. Если бы ему ответили: "Вы не можете найти принуждения в Конституции", он (г-н Т.) возразил бы: "Нет"; но в этом заключается порочность и лицемерие схемы; в том, что, хотя в своей конституции она выглядит привлекательно, она действительно содержит элементы всякого угнетения. Писаная конституция Общества была всего лишь одеянием ангела, прикрывающим неумолимого и всепожирающего демона. Он также сделает еще одно замечание, прежде чем представить выдержки, которые держал в руке. Мистер Брекинридж энергично пытался возложить вину за репрессивные законы на юге на аболиционистов, заявляя, что эти законы были результатом распространения принципов борьбы с рабством. Из отрывков, которые будут процитированы ниже, и, в особенности, из слов мистера Клея, можно обнаружить, что задолго до "шарлатанства" аболиционистов существовали суровые законы, вызывавшие сожаление и порицание самих рабовладельцев. Даже если признать правдивость того, что сказал мистер Б., следует ли из этого, что правда не должна быть опубликована. Ни в коем случае. Израильяне, находясь в своем рабстве, роптали на меры того, кого Бог воздвиг для их освобождения, и жаловались, что их бремя увеличилось с тех пор, как фараону был сделан выговор. Он процитировал бы для удобства мистера Б. очень лаконичное замечание старого комментатора: "Когда кирпичи складываются вдвое, Моисей рядом".

1. Чарльз Кэрролл Харпер, сын генерала Харпера, к избирателям Балтимора, 1826. Af. Репу., том 2. стр. 188. В течение нескольких лет перед вами ставился вопрос об отмене рабства. Я решительно выступаю против рекомендованного проекта. Ни один план отмены рабства не встретит моей поддержки, в результате чего среди нас останутся эмансипированные чернокожие. Опыт доказал, что они становятся коррумпированным и деградировавшим классом, столь же обременительным для самих себя, сколь и вредным для остального общества.

Снова, стр. 189: "Разрешить черным оставаться среди нас после их освобождения означало бы усугубить зло, а не излечить его".

2. Извлечено с одобрения из Публичной бухгалтерской книги, Ричмонд, Индиана, США, том 3. страница 26. "Мы бы сказали, освободить их только при условии, что они отправятся в Африку или Хайти".

3. Выдержки из обращения, произнесенного в Спрингфилде перед Хамденским полковником. Общество, 4 июля 1828 г. Автор: У. М. Б. О. Пибоди, эсквайр. опубликовано по просьбе Общества. А.Ф. Репу., том 4. стр. 226. "Я не жалуюсь на владельцев рабов; они не могут избавиться от них; было бы так же гуманно сбросить их с палубы в среднем проходе, как освободить в нашей стране". После чего произносится следующая хвалебная речь, стр. 230. "Едва ли нужно говорить, что речь мистера Пибоди превосходна. Пусть его дух повсеместно проникает и оживляет умы наших соотечественников.

4. Выдержки из обращения к кол. Socy. Кентукки, во Франкфурте, декабря. 17-й., 1829, Достопочтенный Генри Клэй. А. Ф. Репин., том 6, стр. 5. "Если бы был поставлен вопрос о том, должна ли быть немедленная или постепенная эмансипация всех рабов в Соединенных Штатах, без их вывоза или колонизации, каким бы болезненным ни было выражение этого мнения, я не сомневаюсь, что было бы неразумно их эмансипировать. Ибо я верю, что совокупность зол, которые были бы порождены в Обществе при предположении такой всеобщей эмансипации и того, что освобожденные рабы беспорядочно останутся среди нас, была бы больше, чем все зло рабства, как бы велико оно ни было, несомненно".

Снова, стр. 12. "Я снова спрашиваю: "Неужели нет лекарства от зла, о котором я нарисовал слабую и несовершенную картину?" Неужели наше потомство обречено вечно терпеть не только все беды, проистекающие из состояния рабства, но и все то, что проистекает из несовместимых элементов населения, отделенных друг от друга непреодолимыми предрассудками и естественными причинами? Каким бы ни был характер предлагаемого средства правовой защиты, мы можем с уверенностью объявить его неадекватным, если только оно не обеспечивает эффективное полное отделение обширным пространством воды или суши, по крайней мере, белой части нашего населения, от той, которая свободна от цветных".

5. Выдержки из выступления Гео. Вашингтон Парк Кертис на 14-м ежегодном собрании американского. полковника. Соч., Af. Репу., том 6. стр. 371-2. "Некоторые благожелательные умы в порыве своей филантропии выступают за объединение двух классов, говоря: пусть цветные классы будут освобождены и останутся среди нас как жители империи; несомненно, все классы человечества одинаково произошли от первобытных родителей Эдема, тогда почему бы не объединиться в одно общее общество как друзья и братья. Нет, сэр, нет. Я надеюсь доказать, что в недалеком будущем южанин может пойти на жертвы ради колонизации за морями, но для Министерства внутренних дел в этих вопросах, я повторяю, нет, сэр; нет. Какое право, спрашиваю я, имеют дети Африки на усадьбу в стране белых людей?

"Если, как это совершенно верно, преступления белого человека лишили Африку ее сыновей, пусть будет совершенно искупление путем возвращения потомков похищенных в страну их предков, и тогда все требования искупительной справедливости будут удовлетворены. Пусть столетия будущих прав искупят столетия прошлых обид. Пусть возрожденная Африка возвысится до Империи; более того, пусть расцветет Гений, а философия прольет свои мягкие лучи, чтобы просветить и проинструктировать потомков Хама, возвращающихся "искупленными и освобожденными" из своего долгого плена в новом свете. Но, сэр, пусть всеми этими благами пользуется африканская раса под сенью своих родных пальм. Пусть атлантические волны воздвигнут высокий и вечный барьер между их страной и нашей. Пусть эта прекрасная земля, которую белый человек завоевал своим рыцарством, которую он украсил искусством и элегантностью утонченной жизни, останется священной для его потомков, незапятнанной следом того, кто когда-либо был рабом".

6. Речь мистера Генри Клея перед Обществом, 1 января 1818 г. —2-й Годовой отчет, стр. 110. "Кроме того, несколько рабовладельческих государств полностью запретили, а возможно, и все они будут полностью запрещать эмансипацию без создания какого-либо такого выхода. Чувство собственной безопасности потребовало болезненного запрета. Опыт доказал, что вышедшие на свободу люди, которые не были ни свободными, ни рабами, представляли собой огромное моральное зло, угрожающее заразить все слои общества. Пусть однажды колония будет

успешно основана, и законодательные органы, которые были огорчены необходимостью принятия этих "запрещающих законов", которые на расстоянии могут показаться "пятнающими наши кодексы", поспешат устранить препятствия для проявления доброжелательности и гуманности. Они присоединят условие, согласно которому освобожденные должны покинуть страну, и он неверно оценивает свободу, полагая, что многие откажутся от этого блага, даже в сочетании с таким условием".

Здесь имело место принуждение, как в принципе, так и по предписанию. В законах Мэриленда и в других местах было обнаружено множество свидетельств принуждения на практике, и там, где не было прямых действий, заставляющих их уехать, было создано общественное мнение, которое в своих разнообразных действиях привело цветного человека, раздавленного и потерявшего надежду, к выводу, что для него было бы лучше попрощаться с домом и страной, чем оставаться притчей во языцех и помехой среди предвзятых и преследующих людей. Нельзя было справедливо сказать, что ни один цветной человек не поедет в Либерию или куда-либо еще со своего свободного и ничем не стесненного согласия, пока законы не станут равными, обращение добрым, предрассудки, основанные на цвете лица, не будут уничтожены, и он не представится добровольным агентом и не попросит средства для транспортировки его на иностранный берег. В качестве одного из доказательств того, что принуждение открыто и беззастенчиво пропагандировалось, он процитировал бы слова мистера Броднакса в Палате делегатов Вирджинии:

"Бесполезно говорить о том, чтобы не прибегать к силе; каждый орган должен стремиться к применению силы того или иного рода - и, по правде говоря, это вопрос целесообразности, моральной справедливости, политической добросовестности — будем ли мы справедливо очерчивать всю нашу систему на первый взгляд законопроекта или оставим получение согласия путем вымогательства для других процессов. Настоящий вопрос, единственный важный вопрос, который необходимо решить, — это большой предварительный вопрос: намерены ли вы выселить свободных цветных людей из Вирджинии или нет?

"Если свободные негры захотят уйти, они уйдут — если не захотят, их придется заставить уйти. Некоторые джентльмены считают, что сейчас нецелесообразно включать эту функцию в законопроект, хотя они заявляют о своей готовности прибегнуть к ней, когда это станет необходимым; они думают, что в течение года или двух достаточно количество согласится на это, а затем остальных можно будет принудить. Со своей стороны, я считаю, что лучше подойти к этому вопросу и решить его сразу, открыто признав это.

"Я уже высказывал свое мнение о том, что немногие, очень немногие добровольно согласятся эмигрировать, если не будут приняты ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ меры.

"Я не буду в полной мере выражать идею, которую я поддерживаю, о том, что было сделано или какие чудовищные действия будут совершены, чтобы побудить этот класс людей покинуть Список. Кто не знает, что, когда свободный негр преступлением или иным образом стал неприятен соседям, как легко компании навестить его однажды ночью, оторвать от постели и семьи и применить к нему мягкое предостережение в виде СУРОВОГО БИЧЕВАНИЯ, чтобы побудить Кима согласиться уехать? Через несколько ночей дозу можно повторить, возможно, увеличить, пока, выражаясь языком врача, не будет введено количество, достаточное для проведения желаемой операции; и тогда парень ПОЛНОСТЬЮ согласится уехать.

Наконец, по этой части темы он хотел бы процитировать преподобного Р. Дж. Брекинриджа, который на ежегодном собрании Американского общества колонизации в 1834 году использовал следующие формулировки:—

"Два года назад я предупреждал управляющих этим бизнесом в Вирджинии, и все же они отправили ДВА КОРАБЛЯ С БРОДЯГАМИ, непригодными для посещения такого места, и их ВЫГНАЛИ так же верно, как если бы это было сделано с помощью КНУТА.

Его главная жалоба на Колонизационное общество заключалась в том, что вместо того, чтобы бороться с господствующими предрассудками сообщества, оно ложно предположило *нечувствительность* этих предрассудков и приняло соответствующие законодательные акты. Таким образом, они санкционировали и увековечили величайшие источники страданий и несправедливости для цветного населения. Предубеждение против цветных людей значительно усилилось с момента формирования Общества. Нынешними сторонниками Общества были те, кто глубоко ненавидел свободных цветных людей, а самыми жестокими и кровожадными противниками аболиционистов были неистовые защитники Американского общества колонизации. Например, когда толпа нападала на жителей Нью-Йорка, разгоняла их собрания, насиловала их самих и разграбляла дом мистера Льюиса Таппана, эта толпа могла в разгар своих хулиганских и преступных деяний самым единодушным и сердечным образом кричать: "Троекратное ура Обществу колонизации" и "долой ниггеров". Путешествуя на пароходах и почтовых каретах, он (мистер Т.) неизменно обнаруживал, что его самые яростные и злобные противники и самые решительные ненавистники черного человека громко заявляли о своей приверженности принципам и планам общества. Почему мудрые и доброжелательные члены общества не осудили этот предрассудок? Потому что лучшие из них сами разделяли этот предрассудок. Из всего, что сказал мистер Брекинридж, было очевидно, что он глубоко проникнут этим предубеждением. Оно придавало тон, окраску и направление всем его замечаниям. Такие люди могли заявлять, что любят черного человека; но их, скорее всего, заподозрили бы в неискренности, если бы они постоянно проявляли свою любовь, уводя объект своей любви как можно дальше. Такой способ выражения любви противоречил всем нашим представлениям о естественных проявлениях этого чувства. Если Колонизационное общество действительно было так полно благожелательности и милосердия, то почему его характер был так неправильно понят цветными людьми, для чьего особого блага оно было создано? Несомненно, они, вероятно, были лучшими судьями о его влиянии на их благосостояние и счастье. В чем заключался факт? Все свободное цветное население Соединенных Штатов было настроено против проекта эмиграции. Но его оппонент сказал бы, что это произошло из-за оскорблений, обрушившихся на общество со стороны сквернословящих аболиционистов. Он (мистер Т.) должен, однако, лишиться джентльмена этого убежища, представив собранию очень интересный факт, который сразу показал бы чувства цветных людей, когда им впервые был представлен план. Это показало бы, что на трехтысячном собрании, созванном в городе Филадельфия, чтобы решить, должно ли общество получить их поддержку или нет, они решили *против* этого без единого несогласного голоса. Он положит перед ними письмо, написанное в высшей степени респектабельным, просвещенным и богатым цветным джентльменом из Филадельфии, мистером Джеймсом Фортеном. Письмо было написано редактору New England Spectator в ответ на замечание, сделанное мистером Герли во время дебатов в Бостоне.

Филадельфия, 10 июня 1835 года.

Преподобный У. С. Портер, — Дорогой сэр, — я с радостью выполняю просьбу, содержащуюся в вашей записке о 3-м выпуске, предоставить вам краткое сообщение о встрече, проведенной в 1817 году цветными людьми в этом городе, чтобы выразить свое мнение о проекте "Либерия". Это было самое крупное собрание цветных, когда—либо созданное в Филадельфии, - я бы сказал, 3000 человек, хотя я мог бы смело добавить еще 500. Чтобы показать вам проявленный глубокий интерес, это большое собрание сохраняло почти затаенное дыхание и пристальное внимание во время чтения резолюций и других вопросов собрания; и когда вопрос был задан утвердительно, вы могли бы услышать, как упала булавка, настолько глубокой была тишина. Но когда прозвучал отрицательный ответ, одно долгое, громкое "да", потрясающее "НЕТ" из этой огромной аудитории, казалось, что от него рухнут стены здания. Никогда еще мнение не было столь единодушным. Казалось, каждое сердце чувствовало, что это вопрос жизни и смерти. Да, даже тогда, в самом начале, когда чудовище явилось в обличье, чтобы обмануть некоторых из наших самых верных друзей, которые приветствовали это как начало светлого дня для нашей угнетенной расы, — даже тогда мы проникли сквозь его плотный покров и увидели в нем будущее как бич, который в последующие годы должен был стереть нас с лица земли и серией безжалостных преследований вынудить нас к вынужденному изгнанию.

Я был немало удивлен, узнав, что мистер Герли сделал вид, что не знает об этом факте; ибо в Африканском хранилище он проанализировал мысли мистера Гаррисона об африканской колонизации; и целая глава этой работы, если я не ошибаюсь, посвящена чувствам цветных людей по поводу колонизации, начиная со встречи в Филадельфии. Возможно, мистер Герли не читал эту главу. Но если его память не очень подводит, он должен был знать это обстоятельство, поскольку я сам рассказал ему об этом в разговоре, который состоялся у меня дома однажды вечером в компании преподобного Роберта Дж. Брекинриджа и нашего любимого друга Уильяма Ллойда Гаррисона. Тема колонизации горячо обсуждалась; и я хорошо помню, что упомянул нашу встречу 1817 года как доказательство нашего раннего и решительного несогласия с этой мерой. Без сомнения, мистер Гаррисон тоже помнит это.

В 1817 году мы провели три собрания. Первые два вы найдете в "Мыслях о колонизации", часть 2d, стр. 9. Я высылаю вам точную копию протеста, принятого на третьем заседании. Это ответ на обращение к гражданам Нью-Йорка и Филадельфии, призывающее их помочь ряду цветных людей, которые, по их словам, стремились присоединиться к проектируемой колонии в Африке. Эти люди были в основном с юга, и наша встреча была проведена именно для того, чтобы развеять иллюзии общественности по этому поводу.

Я остаюсь, с большим уважением,

С уважением, Джеймс ФОРТЕН.

Он (мистер Т.) мог бы поклясться, что таковы по-прежнему чувства свободного цветного народа Америки. Где бы у них ни был проблеск света на этот счет, они питали крайнее отвращение к обществу *исогласились* быть разрезанными на куски так же быстро, как были отправлены в любую из колоний, подготовленных для их приема. Не было ли тогда слишком плохо, что христиан призвали поддерживать общество, столь сильно расходящееся с желаниями и чувствами наиболее заинтересованных сторон? Поскольку оставалось еще несколько минут, он хотел занять их цитированием мнений двух джентльменов, священнослужителей, занимающих высокое положение в своей стране, которые представили прискорбные доказательства того, до какой степени предрассудки могут овладеть в противном случае сильными и широкими умами.

Первая цитата взята из отчета комитета теологической семинарии в Андовере, штат Массачусетс, представленного Обществу колонизации этого учебного заведения в 1823 году. Оно вышло из-под пера преподобного Леонарда Бэкона, ныне пастора конгрегационалистской церкви в Нью-Хейвене, штат Коннектикут.

"Судра не дальше отделен от брамина всеми его привилегиями, гражданскими, интеллектуальными и моральными, чем негр от белого человека, предрассудками, которые являются результатом различия, проведенного между ними Богом природы. Барьер, который преодолеть труднее, чем институт касты, отрезает, и пока сохраняется нынешнее состояние общества, всегда должен отрезать негра от всего, что ценно в гражданстве".

Другим был его оппонент на этой платформе, который в письме в New York Evangelist сказал, что эмансипация, за которой должно последовать объединение, по выбору сторон, была бы безрассудным злом. Но чтобы не представлять этого джентльмена в ложном свете, он обратится к газете и процитирует приведенный отрывок.

"Я знаю, что любая отмена рабства без согласия штатов, удерживающих рабов, невозможна; что получить это согласие на любых условиях очень трудно; — что получить его без перспективы обширного переселения путем колонизации невозможно; что получить его немедленно на любых условиях - мечта невежества; что ожидать этого немедленно с последующим равенством - безумная бессмыслица; и что требовать этого как немедленного права, независимо от последствий, за которым последует объединение по выбору сторон, - БЕЗРАССУДНОЕ ЗЛОДЕЙСТВО!"

Вся тревога, поднятая по поводу объединения, была совершенно необоснованной. Взгляды аболиционистов были простыми и основывались на Писании. Они считали, что не должно быть никаких различий по признаку цвета кожи. Что относиться к человеку холодно, недоброжелательно или презрительно из-за его цвета лица - значит ссориться с Создателем всех нас. Они считали, что от этого предрассудка следует отказаться и относиться к цветному человеку как к белому в соответствии с его интеллектом, моралью и пригодностью к обязанностям гражданской жизни. Они не мешали тем вкусам, которыми руководствовались люди при вступлении в самые близкие и постоянные жизненные отношения. Они ограничились изложением евангельской истины по этому вопросу и предоставили всемогущему и бдительному Провидению охранять и контролировать последствия, проистекающие из верного и бесстрашного исполнения долга. В заключение мистер Томпсон заметил, что, по его мнению, самый простой способ заставить людей проклинать свое существование и своего Бога - это угнетать и поработать их из-за того цвета лица и тех особенностей, которые наложил на них Создатель мира.

Мистер БРЕКИНРИДЖ сказал, что он хотел бы начать с небольшого намека на два упоминания, которые были сделаны в его адрес мистером Томпсоном. А что касается некоторых отрывков, которые были зачитаны из его речей, он только сказал бы, что никогда не писал и не произносил ни единого слова на эту тему, которое он не был бы рад увидеть перед британской общественностью. Но он имел право жаловаться на то, каким образом были процитированы эти отрывки. Он утверждал, что было бы несправедливо разбивать отрывок на части и читать только половину предложения, пропуская другую половину, потому что это не отвечало бы целям

читателя; фактически, потому что это полностью изменило бы смысл отрывка. Он обвинил мистера Т. в том, что тот был виновен в этом в последней цитате, которую он привел, и, чтобы показать истинное значение искаженного отрывка, он прочтет его как есть: [Смотрите отрывок в том виде, в каком он содержится в речи мистера Т.] Он прочитал это более подробно, чтобы показать соответствие своих нынешних взглядов тем, которых он придерживался и высказывал два года назад. Теперь они поймут, сказал он, что, когда приговор будет оглашен полностью, он сказал, что освобождение рабов без ссылки на последствия составляло существенную и опущенную часть этой процедуры, которую он охарактеризовал как безрассудное злодеяние, тогда как, разбив ее посередине, его заставили сказать, что разрешить добровольное объединение после немедленной отмены само по себе должно было рассматриваться именно так. Теперь он был готов защищать это заявление в том виде, в каком он сделал его вначале.

Следующее, на что он ссылаясь, был отчет о речи, которую он [мистер Б.] произнес на ежегодном собрании Американского общества колонизации. И что касается этого, если бы он был в Америке, он бы решительно сказал, что это был несправедливый репортаж: что это был несправедливый репортаж, составленный мистером Ливиттом, редактором "Нью-Йорк Евангелист", для достижения особой цели. Он не стал бы отрицать, что сказал что-то такое, что могло бы послужить поводом для доклада. Он обвинил родительское общество в том, что оно было виновно в грубом неисполнении долга перед колонией и общим делом, в отправке негров с двух судов в Либерию, которые не подходили для этого места, и он считал, что эти две экспедиции нанесли большой ущерб самой колонии, а также подорвали доверие общественности к твердости и рассудительности родительского совета. Это были эмигранты, непригодные для отправки — отбросы из округов вокруг Саут-Хэмптона в Виргинии; они были вынуждены покинуть страну из-за бурного состояния общественных настроений в этом регионе после тамошнего восстания и резни. Как человек, сознающий свою правоту, он обратился к самым заинтересованным сторонам и изложил основания для жалобы; линию поведения, которую он не слишком часто мог рекомендовать мистеру Томпсону, и никакое доказательство не могло быть более убедительным, чем этот анекдот, свидетельствующий о том, что активные сторонники колонизации в Америке, как бы они ни расходились во мнениях по поводу деталей, доброжелательно относились к неграм и Африке. Г-н Б. вновь выразил свое удивление по поводу того, что г-ну Томпсону приходится занимать время заседания повторением своих собственных речей. Он сказал, что обращался к этому вопросу раньше, и поскольку у него было плохое состояние здоровья, и у него была работа в другом месте, и поскольку еще многое предстояло проработать, а мистер Т. объявил, что его материалы самые обильные, он подумал, что от этих повторений можно было бы отказаться. Те, кто взял на себя труд прочитать опубликованные речи этого джентльмена, обнаружили бы, что какими бы неистощимыми ни были хваленые запасы его фактов, доказательств и иллюстраций о том, что он называл "американским рабством", он чрезвычайно экономно расходовал их. Прочитав шесть или семь из них, он обнаружил, что они настолько похожи друг на друга, что часто можно ожидать одних и тех же рассказов, в том же порядке, с теми же иллюстрациями, в той же последовательности, с теми же необоснованными обвинениями, с той же безмерной горечью, и никогда напрасно. Действительно, запас его остроумия был настолько скуден, что в нем тоже было очень мало изменений. Весь этот случай представляет собой наиболее поразительную иллюстрацию истины, высказанной в личном смысле одним из их собственных государственных деятелей и ученых, и теперь доказанной для общего применения, а именно, что когда человек прибегает к своей памяти для своих шуток, весьма вероятно, что он обратится к своему воображению для

своих фактов. Поскольку его [мистера Б.] так часто просили предъявить определенные плакаты с целью обоснования некоторых из его заявлений, не могло быть лучшей связи, в которой можно было бы призвать мистера Томпсона представить доказательства тех обвинений, которые он выдвинул против определенных лиц и категорий лиц, если только он не хотел, чтобы мир поверил, что он выдвинул эти обвинения, не имея ни капли доказательств, на которых они основывались. Он призвал бы мистера Томпсона представить свои доказательства в поддержку всех этих обвинений, тех безрассудных и экстравагантных обвинений, которые он выдвинул против служителей религии в Америке. Мистер Томпсон несколько раз выступал перед лондонскими аудиториями вместе с беглым рабом из Америки, который обвинял определенных людей в беспрецедентной жестокости! Среди прочего, со сожжением раба заживо; вопрос, к которому напрасно привлекалось внимание мистера Т. и требовались его доказательства. Он не стал больше обращать внимания на грубые высказывания, которые тот произнес о президенте Соединенных Штатов, кроме как сказать, что если бы он (мистер Б.) мог снизить до подражания его поведению, и произносить непристойные вещи о короле Великобритании, он вполне заслужил бы, чтобы его с презрением выгнали из этого священного места. Затем он продолжит свои замечания о плане колонизации Мэриленда. Мистер Т. сказал им, что целью мэрилендского общества является принудительная экспатриация как условие, предшествующее свободе. Когда потребовались доказательства этого, он не смог их привести; и когда он (мистер Б.) показал, что это не так, но что его целью было безусловное благо для черных, цель, достигнутая, как и для многих, по их показаниям, в представленных доказательствах, мистер Томпсон обернулся и сказал, что это полностью противоречит его предвзятым представлениям и повторяющимся заявлениям и должно быть ложным! Но факты были лучше, чем понятия и утверждения. И каковы были факты в данном случае? Да ведь, с одной стороны, мистер Томпсон утверждает, что ни один раб не может быть освобожден в Мэриленде, если только он немедленно не покинет страну, тогда как г-н Дж. Харпер, Ховард и Хоффман утверждают в официальном отчете от 31 декабря прошлого года, что в течение года им было официально сообщено о 299 освобождениях на территории этого штата, а в течение четырех лет - о 1101. В тот же момент я представил отчет о самих именах и периодах эмиграции, обо всех 140 связанных и свободных, которые в течение тех же четырех лет, под действием тех самых законов, о которых идет речь, покинули государство; допуская, что половина из них принадлежат к этим конкретным вольнонаемным рабам, их осталось бы еще 1021, чтобы доказать, что г-н Т. либо полностью неправильно понял, либо неверно изложил то, что он утверждает — в любом случае, доказывається, что его утверждения не соответствуют действительности. Что касается законов Мэриленда, о которых упоминалось, то он не видел их со времени своего визита в Бостон два года назад, и, обращаясь к ним, он в общих чертах изложил, как он их понимает. Говорили, что главной целью этих законов было изгнание свободных чернокожих из штата Мэриленд. Теперь, когда средства, принятые для достижения этой цели, не носили того изматывающего и незаконного характера, как их представлял мистер Томпсон, было бы достаточно очевидно для собрания, если бы было сочтено, что в этом штате свободных цветных людей в три раза больше, чем в большинстве свободных штатов, и значительно больше, чем в любом другом штате Союза. Если законы были признаны более репрессивными в Мэриленде, то как получилось, что свободные чернокожие съехали туда со всех других частей Америки? Или, если они были освобождены людьми, так сильно выступавшими против их увеличения, почему они скорее не отправились в Пенсильванию, которая была отделена от Мэриленда только воображаемой линией, и где свободные чернокожие пользовались почти теми же правами, что и белые мужчины? Но, опять же, было

сказано, что эта схема колонизации была ужасно порочной схемой, потому что она была направлена на предотвращение увеличения числа свободных цветных людей в Мэриленде. Но если это было тяжким грехом, разве народ Великобритании не был в равной степени виновен в отправке из страны кораблей с пауперами, свободными белыми, в другие части земного шара, чтобы предотвратить рост пауперизма в этой стране? Почему мистер Томпсон не затронул эту тему? Почему он в припадке своего неистового красноречия, ругая американских колонизаторов, не упомянул короля и парламент Великобритании за то, что они допустили существование законов, или, если такого закона не существует, за широко распространенную в Англии практику эмиграции тысяч бедняков не только за счет пожертвований, но и за государственный счет? Ему скажут, что нищих отправляют в отдаленные уголки земного шара, где им будет во всех отношениях комфортнее, чем сейчас. И испытывал ли мистер Т. сострадание только к черному человеку? Законно ли вывозить белого человека против его воли, по обвинению общества, в то время как незаконно вывозить чернокожего человека, с его свободного согласия, по частной благотворительности? Неужели Америка настолько отвратительное место, что Англия может на законных основаниях сделать ее вместилищем отбросов бедных домов королевства; в то время как Африка настолько священное место, что никому, кто может даже принести ей пользу, не разрешается уезжать туда из Америки, если у него темная кожа? Может ли Британия сказать, что у нее больше пауперов, чем она может прокормить, и поэтому сделать государственной политикой принудительную эмиграцию из Ирландии с помощью системы, которая заставляет четверть населения там выпрашивать хлеб восемь месяцев из двенадцати и вызывает невыразимые страдания; и все же следует ли каким-либо образом или на каких-либо условиях препятствовать Мэриленду добиваться сокращения или, скорее, предотвращения непропорционального увеличения населения, аномального и трудно поддающегося надлежащему регулированию? Он должен быть очень рад получить объяснение этих странных противоречий! В законах штата Мэриленд была еще одна особенность, о которой он мог бы упомянуть, которая запрещала эмиграцию рабов в Мэриленд, даже вместе с их владельцами. Мистер Томпсон благоразумно умолчал об этом постановлении, хотя много говорил о регистрации свободных цветных людей, как будто это было самым невыносимым испытанием. Он (г-н Б.) не смог понять, в чем состояли большие трудности. Разве не каждый фригольдер в этой стране был зарегистрирован? Но, как говорили, "свободным черным" не разрешалось покидать штат Мэриленд без предварительного уведомления. Во всем этом не было ничего особо угнетающего. Это не было худшим вмешательством со стороны правительства, чем со стороны короля Великобритании сказать своим подданным: "Вы должны вернуться домой при определенных обстоятельствах; вы не должны ни жить в определенных местах, ни сражаться за определенные нации". Разве правительства Америки, поскольку они были республиканцами, не обладали бы властью, которой обладали другие нации, контролировать действия той части своего населения, к передвижениям которой должны относиться все, кто заботится о мире в обществе или общественном благе? Он признал, что некоторые законы в нескольких штатах были жесткими по отношению к свободному цветному населению, но, хотя он так сказал, было бы справедливо добавить, что, по его мнению, поведение аболиционистов, распространяющих свои новомодные идеи, во многом изменило эти законы к худшему. Во многих случаях плохие законы становились хуже, а хорошие законы становились плохими исключительно из-за неосторожного поведения партнеров мистера Томпсона. И этот конкретный закон о регистрации и потеря права на проживание в результате выдворения на какой-либо значительный срок за пределы штата, очевидно, были направлены на то, чтобы помешать свободным цветным людям выходить на улицу и проникаться ложными и

кровавыми теориями, а затем возвращаться, чтобы нарушать общественный покой. Закон говорит им: оставайтесь дома или, если вы так предпочитаете, уезжайте и найдите себе дом по душе; но если вы уйдете, благоразумие требует от нас запретить вам возвращаться. Жалобы мистера Т. на этот закон показали, насколько необходимо было его принять.

В заключение он хотел бы порекомендовать мистеру Томпсону, если он когда-нибудь вернется в Америку, ему не нужно быть таким чрезвычайно осмотнительным в отношении своей личной безопасности, если он просто не будет таким чрезвычайно неосмотнительным в принципах и действиях, которые он отстаивал, и в заявлениях, которые он делал относительно поведения американского народа. Теперь он ознакомился с утверждениями мистера Томпсона относительно плана колонизации Мэриленда и выразил уверенность, что тот показал необоснованность этих утверждений. Все, что было сказано мистером Т. относительно принципов и целей сторонников колонизации, а также масштабов и влияния их курса, не имело иного доказательства, кроме трудов тех людей, которые в течение нескольких лет составляли очень небольшую часть сторонников этого великого интереса; и которые, без исключения, принадлежали к тем классам, которые сначала, как уже было признано, поддерживали его по причинам, некоторые из которых были полностью политическими, другие, возможно, суровыми по отношению к рабам, а третьи несправедливыми или невнимательными по отношению к свободным чернокожим. Но то, что прямо противоположные взгляды, утверждения и аргументы можно было бы более полно получить от еще большей и все пропорционально увеличивающейся партии, которая поддерживает это дело как великую доброжелательную и религиозную операцию, должно быть прекрасно известно самому человеку. Если он признает это, сказал мистер Б., это покажет, что его нынешний курс такой же неискренний, как и все остальное его поведение по отношению к Америке, в выборе того, что отвечало его целям; это всегда было худшим, что он мог найти, и представляло это как справедливый образец из всех. Это сделает больше, это покажет, что то, что он называет доказательством, вообще не является доказательством. Но если он отрицает мои неоднократные заявления относительно различных классов первоначальных сторонников материнского общества и их нынешнего состояния, я в равной степени доволен; поскольку в этом случае у всей Америки был бы справедливый критерий для проверки его утверждений. Что касается мэрилендского плана и того, который преследуют объединенные общества Филадельфии и Нью-Йорка, то, если у них и есть какие-либо сторонники, кроме таких, как любовь к делу чернокожих, воздержания и мира, миру еще предстоит узнать об этом.

Время истекло, и мистер Б. сел.

ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ —ЧЕТВЕРГ, 16 июня.

Мистер ТОМПСОН сказал, что, прежде чем перейти к теме, выбранной для обсуждения этим вечером, он должен, отдавая должное самому себе и своему делу, высказать одно-два замечания. Накануне вечером он был поражен чрезвычайной несправедливостью обвинения его (мистера Т.) в необоснованном цитировании письма мистера Брекинриджа в "Нью-Йорк Евангелист". Должно быть, всем было очевидно, что в первом случае он цитировал по памяти, но все помнили, что с явным желанием избежать искажения он подошел к своему столу, достал

письмо и прочитал отрывок полностью, без пропусков или вставок букв или запятых. Поэтому он решительно отверг обвинение в искажении. Мистер Брекинридж сам, сразу же после этого, прочитал этот отрывок, и прочитал его точно так, как он (мистер Томпсон) его прочитал. Следовательно, обвинение было в равной степени необоснованным и несправедливым. Он (г-н Т.) был благодарен, что его аргумент не нуждался в такой помощи. С его стороны было бы столь же абсурдно, сколь и безнравственно пытаться поддержать свое дело каким-либо искаженным заявлением.

Он также просил дать ему понять, что он никоим образом не исчерпал имеющиеся в его распоряжении доказательства по вопросу колонизации. Он мог бы привести в тысячу раз больше того, что уже было выдвинуто. Ему было что сказать о колонии в Либерии; средства, использованные для ее основания, природа климата, характер эмигрантов, смертность среди поселенцев, как много она сделала для подавления работорговли и т.д. Фактически, он был подготовлен с неопровержимыми доказательствами по каждой ветви предмета и был готов вернуться к ним в любой момент, уверенный, что аргументы, которые он мог бы привести, и факты, которыми он мог бы их подкрепить, по мнению общественности, навсегда разрушат притязания Общества колонизации считаться чистым, мирным или доброжелательным учреждением. Теперь я (сказал мистер Т.) перехожу к теме, непосредственно стоящей перед нами.

Сегодня вечером я считаю своим торжественным и ответственным долгом представить вам *principles and measures*, принятые в Соединенных Штатах большой, респектабельной и влиятельной организацией, известной под названием "Немедленные аболиционисты". Группа людей, объединяющая не менее полутора тысяч служителей Евангелия и людей самого высокого положения и самых больших достижений. Группа людей, которых обвиняли на этой платформе в том, что они были горсткой, "настолько малочисленной, что они не могли достичь своей цели, и настолько ошибочной (*презренной* было, я полагаю, использовано это слово), что не заслуживали успеха", — обвинялись в том, что они были врагами рабовладельца, хватали его за горло и говорили: "Ты великий воришка, негодяй, похищающий людей, если ты немедленно не дашь своим рабам свободу, я выброшу тебя из окна третьего этажа", - обвинялись в том, что они несли по своему следу чуму, подобную огненному шторму, и уничтожали рабов. сера из ада; вынуждает служителей религии искать мирные деревни, которые еще не были разрушены ею; обвиняется в том, что они говорили, что они были посланы от Бога, когда они обладали яростью демонов; наконец, обвиняется в том, что они "отбросили дело" освобождения "на *сто лет* назад, чем это было пять лет назад". Это страшные обвинения, и сегодня вечером на мистере Брекинридже лежит тяжкий долг, поскольку он обязан их поддержать. Они были выдвинуты им самим, христианским священником, называющим себя другом раба; и поэтому он должен подкрепить их неопровержимыми доказательствами, иначе мир заклеймит его как злейшего врага человеческой свободы — грязного клеветника на друзей и защитников угнетенных, страждущих и немых.

Он изложит собравшимся принципы американских аболиционистов словами из их торжественных и официальных документов. Он возвращался к началу пятилетнего периода, упомянутого его оппонентом, и зачитывал "Конституцию Общества борьбы с рабством Новой Англии", ясное изложение принципов и задач первого Общества борьбы с рабством (технически так называемого) в Соединенных Штатах.

"Мы, нижеподписавшиеся, считаем, что каждый человек, достигший совершеннолетия и находящийся в здравом уме, имеет право на немедленную свободу от личного рабства любого рода, если только это не предусмотрено приговором закона за совершение какого-либо преступления.

Мы считаем, что человек не может, в соответствии с разумом, религией и вечными и неизменными принципами справедливости, быть собственностью человека.

Мы считаем, что тот, кто держит своих собратьев в рабстве, виновен в тяжком преступлении.

Мы считаем, что простое различие в цвете лица не является причиной, по которой какой-либо человек должен быть лишен каких-либо своих естественных прав или подвергнут какой-либо политической инвалидности.

Продвигая эти мнения в качестве принципов, на которых мы намерены действовать, мы заявляем, что не будем влиять на существующие общественные отношения иными, чем мирными и законными средствами, и что мы не будем поощрять насилие или восстание.

Придерживаясь этих взглядов, мы соглашаемся сформировать общество и руководствоваться правилами, указанными в следующей конституции, а именно:

Статья 1. Это Общество будет называться Новоанглийским обществом борьбы с рабством.

Статья 2. Целью общества будет стремиться всеми средствами, разрешенными законом, гуманностью и религией, добиться отмены рабства в Соединенных Штатах, улучшить характер и положение свободных цветных людей, информировать и корректировать общественное мнение относительно их положения и прав и добиться для них равных гражданских и политических прав и привилегий с белыми".

Теперь он перейдет к формированию Национального общества борьбы с рабством в декабре 1833 года и представит все, что было изложено в "Конституции Американского общества борьбы с рабством".

Статья 2. Целью этого Общества является полная отмена рабства в Соединенных Штатах. Хотя он признает, что каждый штат, в котором существует рабство, имеет, согласно Конституции Соединенных Штатов, исключительное право издавать законы о его отмене в этом штате, он должен быть направлен на то, чтобы убедить всех наших сограждан аргументами, обращенными к их пониманию и совести, что рабовладение является ужасным преступлением в глазах Бога; и что долг, безопасность и наилучшие интересы всех заинтересованных сторон требуют его немедленного отказа без экспатриации. Общество также попытается конституционным путем повлиять на Конгресс, чтобы положить конец внутренней работорговле; и отменить рабство во всех тех частях нашей общей страны, которые находятся под его контролем, особенно в округе Колумбия, а также предотвратить распространение его на любой штат, который впоследствии может быть принят в Союз.

Статья 3. Это Общество должно стремиться улучшить характер и положение цветных людей, поощряя их интеллектуальное, моральное и религиозное совершенствование и устраняя общественные предрассудки; чтобы таким образом они могли, в соответствии со своей

интеллектуальной и моральной ценностью, иметь равные с белыми гражданские и религиозные привилегии; но Общество никогда и ни в коем случае не будет поддерживать угнетенных в отстаивании своих прав, прибегая к физической силе.

Статья 4. Любое лицо, согласное с принципами настоящей Конституции, вносящее вклад в фонды этого Общества и не являющееся рабовладельцем, может быть членом этого Общества и имеет право голоса на его собраниях".

Затем он зачитывал "Преамбулу" к Уставу Общества по борьбе с рабством штата Нью-Гэмпшир:

"Всевышний Бог от одной крови произвел весь семьям человека, живущего по лицу всей земли, и ныне наделены все так же неотъемлемых прав, которые принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью; но теперь в этой земле, более двух миллионов людей, принадлежащих той же бессмертных духов, и наследники той же бессмертной надежды и судьбы самих себя, которые, тем не менее лишен этих священных прав, и хранятся в самых жестоких и крайняя связывание; неволя, при которых люди разводят и откармливают на рынке, а затем Купить, продать, заложить, сдать в аренду, обменять, скованная, поставлена задача, бичевали, били, убивали, травили, даже как veriestбыл скоты,—нет, чаще не желает жертв безбожной похоти; и в то же время, их разум, закон, обычай, вообще отгородиться от всех доступ к письмам, и разными другими способами всех их вверх тенденции подавлены и раздавлены, так как делать их "нравственное и религиозное состояние такое, что они могут по праву считаться язычниками этой страны;" и так как мы рассматриваем такие угнетению в качестве одного из величайших ошибок, которые человек может совершить по отношению к своим ближним; и существующий, как это происходит, и терпеть, как он, под этой бесплатной и христианского правительства, подрывая его основание, в результате его учреждения в презрение у других народов, тем самым замедляя Марша свободы и религии, и укрепление деспотизма и безбожия по всей земле; и поскольку мы считаем, что это долг самим себе, к нашей власти, к миру, к угнетенным, и к Богу, сделать все возможное, чтобы положить конец этому угнетению, и для обеспечениянемедленного и всю освобождение угнетенных; и верю, что мы сможем действовать наиболее эффективно в том случае, в сочетании и организованных действий:— следовательно, мы, нижеподписавшиеся, формируют себя в обществе, для своих целей."

Если и было что-то, чем аболиционисты как единое целое особенно отличались, так это совершенным единством мнений по всем важным вопросам, связанным с общим вопросом о рабстве. Это объяснялось ясностью и полнотой, с которой были провозглашены принципы Общества. Не так обстояло дело с Обществом колонизации. Вы процитировали высказывания самых выдающихся его сторонников, но вам сразу же сказали, что Общество не несет ответственности за взгляды или замыслы своих защитников. Насколько сильно отличался курс, который сторонники колонизации проводили по отношению к Обществу борьбы с рабством. Это Общество было привлечено к ответственности не только за все, что аболиционисты действительно говорили и действительно замыслили, но и за вещи, которые они никогда не говорили и не замыслили. Ни одно общество не отличалось большей простотой своих принципов или гармонией взглядов, существующих среди его членов. Все считали рабовладение греховным. Все считали немедленную эмансипацию долгом хозяина и правом раба. Все осуждали мысль о восстании рабов, которое привело бы к уничтожению рабства. Все питали отвращение к доктрине о том, что "цель освящает средства". Но все считали своим священным долгом энергично и смело добиваться свержения рабства; все были едины в вере и

учении, что принимаемые средства должны быть честными, святыми, мирными и нравственными. Было сказано, что единственным оружием должно быть "убеждение". Он (мистер Т.) считал, что если не прибегать ни к какому другому оружию, кроме "убеждения", рабство будет вечным. Он верил, что собранное, концентрированное, испепеляющее презрение всего мира, языческого и христианского, должно быть обрушено на рабовладельческую Америку, прежде чем удастся добиться большого эффекта. Если бы этого было недостаточно, долгом Британии было бы хорошенько обдумать, правильно ли держать судьбы рабов Америки в своих руках и не действовать соответствующим образом. Долгом друзей раба было бы указывать на продукты, выращенные рабами, и кричать: "Не прикасайся, не пробуй, не трогай" эту проклятую вещь! Великобритания обладала властью, приняв систему запретительных пошлин или вознаграждений, очень существенно повлиять на рассматриваемый вопрос, и он (г-н Т.) не сомневался, что, если бы был принят какой-либо подобный курс, некоторые из рабовладельческих штатов немедленно отменили бы рабство, чтобы они могли найти более удобный рынок и более высокую цену на свою продукцию.

Однако, несмотря на точность, с которой аболиционисты изложили свои принципы, и широкую огласку, которую они им придали, им были предъявлены обвинения в самых черных замыслах и в самых чудовищных и порочных мерах. Их представляли как "зачинщиков", "поджигателей", "дезорганизаторов", "объединителей" — как пропагандирующих "разобщенность", "восстание" и "смешение рас". Снова и снова они торжественно отвергали вменяемые им взгляды и указывали на опубликованные ими "конституции" и "декларации"; но так же часто их враги возвращались к своей работе по клевете и искажению фактов. Насколько совершенно абсурдно было обвинять аболиционистов в намерении способствовать слиянию, в то время как при системе рабства нечестивое слияние достигало самых ужасных масштабов; это демонстрировалось бесконечными оттенками кожи на юге; и когда не было ничего более очевидного, чем то, что, когда женщина была спасена из своего нынешнего состояния — проникнута самоуважением и стала защитницей своей собственной добродетели, — и когда отцы, братья и мужья были свободны защищать честь своих жен и дочерей, великие причины, стимулы и возможности были бы достигнуты. прекратите, и прекратите навсегда, и чтобы доказать миру, насколько серьезно аболиционисты отрицали обвинения, выдвинутые против них их врагами, он зачитал два документа, опубликованных во время великого волнения, охватившего Соединенные Штаты в августе прошлого года. Американское общество борьбы с рабством в "*Обращении к общественности*", таким образом, заново провозгласило свои принципы и цели.

"Мы считаем, что Конгресс имеет не больше прав отменять рабство в южных Штатах, чем на французских островах Вест-Индии. Конечно, мы не желаем принятия национального законодательства по этому вопросу".

"Мы считаем, что рабство может быть законно отменено только законодательными органами нескольких штатов, в которых оно преобладает, и что осуществление любого иного влияния, кроме морального, с целью добиться такой отмены, является неконституционным".

"Мы считаем, что Конгресс имеет такое же право отменить рабство в округе Колумбия, как и правительства штатов в пределах их соответствующей юрисдикции, и что их долг — стереть столь грязное пятно с национального герба".

"Мы считаем, что американские граждане имеют право выражать и публиковать свое мнение о конституциях, законах и институтах любого штата и нации под Небесами; и мы намерены никогда не отказываться от свободы слова, прессы или совести — благословений, которые мы унаследовали от наших отцов и которые мы намерены, насколько сможем, передать без ущерба нашим детям".

"Нас обвиняют в отправке зажигательных публикаций на юг. Если под термином *подстрекательский* подразумеваются публикации, содержащие аргументы и факты, доказывающие, что рабство является моральным и политическим злом, и что долг и политика требуют его немедленной отмены, обвинение справедливо. Но если этот термин используется для обозначения публикаций, *поощряющих восстание* и призванных побудить рабов разорвать свои оковы, обвинение совершенно и недвусмысленно ложно. Мы просим наших сограждан обратить внимание, что это обвинение выдвинуто бездоказательно, и многими, кто признается, что они никогда не читали наших публикаций, и что те, кто это делает, не представляют общественности никаких доказательств из наших трудов в поддержку этого".

"Нас обвинили в намерении поощрять смешанные браки между белыми и черными. Обвинение неоднократно отвергалось и сейчас снова отвергается, хотя мы повторяем, что тенденция наших чувств заключается в том, чтобы *положить конец* преступному объединению, которое преобладает везде, где существует рабство".

Это были лишь выдержки из обращения, которое было довольно длинным и, таким образом, заканчивалось:

Таковы, сограждане, наши принципы. Разве они недостойны республиканцев и христиан? Или они на самом деле настолько ужасны, что ради предотвращения их распространения вы сами готовы отказаться, под диктовку других, от бесценной привилегии свободного обсуждения, самого права американцев по рождению? Согласны ли вы, чтобы мерзость рабства была скрыта от глаз общественности и чтобы столица вашей республики могла оставаться, как и сейчас, с санкции Конгресса, крупнейшим рынком рабов Американского континента, согласитесь ли вы, что правительство штата, в явное нарушение конституции и законов, назначит по всей длине и ширине вашей страны десять тысяч цензоров прессы, каждый из которых будет иметь право проверять каждый документ, который вы можете передать на почту, и запрещать каждую брошюру и газету, будь то религиозные или политические, который, по своему суверенному желанию, он может признать содержащим зажигательный предмет? Конечно, нам нет нужды напоминать вам, что если вы подчинитесь такому посягательству на ваши свободы, дни нашей Республики сочтены, и что, хотя аболиционисты могут быть первыми, они не будут последними жертвами, принесенными в жертву храму произвола власти.

АРТУР ТАППАН, *президент.*

ДЖОН РЭНКИН, *казначей.*

УИЛЬЯМ ДЖЕЙ, *заместитель. Кор.*

ЭЛИЗУР РАЙТ-младший, *второй дом. Кор.*

АБРАХАМ Л. КОКС, доктор медицины, *вице-президент*

ЛЬЮИС ТАППАН, *член Исполнительного комитета.*

ДЖОШУА ЛИВИТТ, *член Исполнительного комитета.*

СЭМЮЭЛ Э. КОРНИШ, *член Исполнительного комитета.*

СИМЕОН С. ДЖОСЛИН, *член Исполнительного комитета.*

ТЕОДОР С. РАЙТ, член Исполнительного комитета.

Нью-Йорк, 3 сентября 1835 года".

Другим документом, на который он ссылался, было "Обращение", принятое на "Собрании Массачусетского общества борьбы с рабством, должным образом состоявшемся в Бостоне в понедельник, 17 августа 1835 г. н.э.", подписанное У. Л. Гаррисоном и двадцатью семью весьма респектабельными гражданами Бостона от имени Массачусетского общества и других лиц, в целом разделяющих его принципы. Он (мистер Т.) процитировал бы лишь несколько кратких отрывков.

"Мы обвиняемся в нарушении или желании нарушить Конституцию Соединенных Штатов. Что мы сделали, что сказали, чтобы оправдать это обвинение? Мы проводили общественные собрания и использовали другие обычные средства убеждения наших соотечественников в том, что рабовладение - это грех, и, как всякий грех, от него следует и можно немедленно отказаться. Мы сказали словами Декларации независимости, что "ВСЕ ЛЮДИ созданы равными" и что свобода является неотъемлемым даром Бога каждому человеку. Мы не знаем ни одного пункта в Конституции, который запрещал бы нам говорить это. Мы вызываем к спокойному суждению сообщества, чтобы решить, в свете недавних событий, следует ли более справедливо обвинять меры друзей или противников отмены смертной казни в нарушении Конституции и законов".

"Глупая сказка о том, что мы поощряем слияние путем смешанных браков между белыми и черными, хотя и часто опровергается, так же часто появляется вновь. Мы удовлетворимся простым опровержением этого обвинения. Мы призываем наших оппонентов указать на одну из наших публикаций, в которой рекомендуются такие смешанные браки. Одна из наших целей - предотвратить происходящее сейчас объединение, насколько это возможно, поставив миллион женщин этой страны под защиту закона".

"Нас обвиняют во вмешательстве во внутренние дела южных штатов. Мы хотели бы попросить тех, кто предъявляет это обвинение, точно объяснить, что они подразумевают под "вмешательством". Если под вмешательством понимать любую попытку издать законы для южных штатов или заставить их силой или запугиванием освободить своих рабов, мы сразу же отрицаем любые подобные притязания. Мы категорически против любой силы в этом вопросе, кроме силы совести и разума, которые "могущественны через Бога для разрушения твердынь". Мы полностью признаем, что никакие изменения в законах о рабстве южных штатов не могут быть внесены иначе, как законодательными органами южных штатов. Ни Конгресс, ни Законодательные органы свободных Штатов не имеют полномочий изменять условия жизни ни одного раба в рабовладельческих штатах. Но, если под "вмешательством" подразумевается осуществление права на свободное обсуждение этого вопроса и посредством устной речи и прессы создание общественного настроения, которое достигнет сознания и смешается с убеждениями рабовладельца и, таким образом, в конечном итоге приведет к полному уничтожению рабства, то это тот вид вмешательства, от которого мы никогда не можем согласиться отказаться".

"Мы почтительно спрашиваем наших сограждан, должны ли мы быть лишены этих священных привилегий, и, если да, то не повлечет ли за собой принесение в жертву наших прав последствий, опасных для всей умственной и даже личной свободы. Мы не нарушали, не намерены нарушать закон. Мы действовали и будем продолжать действовать в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов. Ничто из того, что мы предлагаем сделать, не может быть предотвращено нашими оппонентами без нарушения Хартии наших прав. Мы взываем к Закону и Конституции".

Таковы были настроения аболиционистов Соединенных Штатов Америки.

Он (г-н Т.) воспользовался бы представившейся возможностью сказать несколько слов о своей собственной миссии в Соединенных Штатах. Это было широко осуждено как дерзкое иностранное вмешательство; но он считал, что обвинение не имело ни изыщества, ни честности, когда исходило от тех, кто был вовлечен, и, как он полагал, наиболее добросовестно и достойно похвалы, в стремление своих миссионеров и агентов ниспровергнуть социальные, политические и религиозные институты во всех остальных частях земного шара. Мистер Брекинридж сказал, что с его стороны было бы так же справедливо выступить против Англии из-за римского католицизма на западе Ирландии или идолопоклонства в Индии, как с его стороны (мистера Т.) осудить Америку за существующее в этой стране рабство. Эти случаи были не совсем параллельными. Прежде чем их можно будет сравнить, мистер Б. должен доказать, что население Ирландии было *вынуждено* поклоняться Деве Марии — что в Индии мужчины были *вынуждены* по британским законам поклоняться идолам. Ни один британский подданный не был принужден каким-либо законом этой страны или любой другой страны, на которую распространялось британское влияние, быть ни *папистом*, ни *идолопоклонником*. Но в Америке люди были превращены в *зверей* "согласно закону", а их души и тела раздавлены и деградировали системой, наиболее энергично поддерживаемой сильной рукой *государства*. Однако его оппонент сказал, что рабство не является национальным грехом. Он (мистер Т.) должен был поблагодарить друга за то, что тот предложил иллюстрацию сложной проблемы. Предположим, что несколько *Земледельцев, торговцев и Разбойников с большой дороги* собрались вместе, чтобы сформировать Союз, и Разбойники с большой дороги сказали: давайте объединимся ради общей безопасности и общего процветания: мы будем защищать друг друга и торговать друг с другом, но мы не будем "вмешиваться" во *внутренние* дела друг друга. Вы, джентльмены, земледельцы и Торговцы, должны пообещать, что не обратите внимания на мои преступные и беспощадные действия, а я, со своей стороны, клянусь честью не вмешиваться в дела ваших ферм или контор: и предположим, что они пожмут друг другу руки, завершат сделку и утвердят нерасторжимый союз земледельцев, Торговцев и Грабителей с большой дороги! будет ли мир считать фермера или торговца невиновными? Мистер Б. много говорил о принципах чистоты и эмансипации Массачусетса, Нью-Гэмпшира и Мэна. Как же тогда получилось, что они поддерживали такие тесные и сердечные дружеские отношения с Южной Каролиной, Джорджией и Луизианой и были так готовы окружить толпой, побить камнями и объявить вне закона тех, кто считал своим долгом громко взывать от имени угнетенных? Вернуться к своей собственной миссии. Он никогда не снизошел бы до извинений за то, что сказал правду. У Него было поручение прямо с небес обличать грех и сострадать страдающим, где бы на лице земли они ни существовали. Этот мир принадлежал Богу, и все люди были Его подданными и его (мистера Томпсона) братьями. Люди могли быть естественным образом разделены реками, океанами и горами; они могли быть политически разделены различными формами правления и определенными линиями разграничения; но он (мистер Т.)

взял в руки Библию и счел себя вправе обратиться к каждому человеческому существу на лице земли в связи с теми вечными принципами справедливости и истины, которые одинаковы во всех странах и во все века и которые субъекты Божьего нравственного правления повсюду обязаны уважать. Он сказал бы Америке и Англии: "Заставьте замолчать свой крик об иностранном вмешательстве или позовите домой своих миссионеров из Индии, Китая и Константинополя". Чтобы показать, что цель его миссии соответствовала духу Евангелия, он зачитывал выдержку из статьи в первом номере "*Аболициониста*", органа "Британского и иностранного общества за всеобщую отмену рабства и работорговли" — Общества, с которым он был связан, когда приехал в Америку, и агентом которого он до сих пор являлся. Цели его миссии были сформулированы таким образом:

"1. Прочитать лекции в главных городах свободных Штатов о характере, виновности и тенденциях рабства, а также о долге, необходимости и преимуществах немедленной и полной отмены. Эти обращения будут основаны на тех великих принципах человечности и религии, которые были так полно провозглашены в этой стране, и, следовательно, будут совершенно не связаны с конкретной местной политикой. Эта работа будет проводиться по рекомендации и в сотрудничестве с Обществами по борьбе с рабством, существующими в настоящее время в Соединенных Штатах.

2. Стремиться всеми христианскими средствами к ниспровержению того предубеждения против цветных классов, которое сейчас столь прискорбно преобладает во всех штатах Америки; и рассматривать в качестве главного средства достижения этой желанной цели их возвышение в интеллекте и моральной ценности.

3. Предложить друзьям свободы негров в Соединенных Штатах принять и осуществлять в судебном порядке такие меры, которые были признаны способствующими отмене смертной казни в этой стране и могут быть признаны применимыми к существующим обстоятельствам в этой стране.

4. Добиваться доступа к влиятельным лицам различных религиозных конфессий, и особенно к служителям Евангелия, с целью разъяснительной беседы на темы рабства и предрассудков.

5. Стремиться к объединению аболиционистов Соединенных Штатов Америки и Великобритании с целью отмены рабства и работорговли во всем мире".

Принципы американского общества, его собственные принципы и цели, предложенные его миссией в Америку, теперь были перед его оппонентом. Он призвал его отбросить свои придирки к юридическим тонкостям и указать, если он сможет, на что-либо в документах, которые он прочитал, или на высказанные им чувства, несовместимые с духом христианства или гением рациональной свободы. Было сказано, что аболиционизм — это "шарлатанство", которому всего четыре года. Он расскажет им немного о шарлатанстве Бенджамина Франклина в 1790 году. Он держал в руках петицию, составленную этим знаменитым человеком и принятую "*Пенсильванским обществом борьбы за отмену рабства*", в преамбуле которой признаются доктрины, которых придерживаются американские аболиционисты в наши дни, и выражается (теперь уже зажигательное) желание распространить их "*езде, где существует зло рабства*". Президентом этого Общества был избран доктор Франклин, а секретарем — доктор Раш. В 1790 году это Общество представило первому Конгрессу петицию, выдержкой из которой является следующее:—

"Исходя из убеждения, что равная свобода изначально была уделом и до сих пор является правом по рождению всех людей, и под влиянием прочных уз человечества и принципов их институтов, ваши мемориалисты считают себя обязанными использовать все оправданные усилия, чтобы ослабить пути рабства и способствовать всеобщему пользованию благами свободы. Под этим впечатлением они убедительно умоляют вас обратить серьезное внимание на тему рабства; чтобы вы были рады одобрить восстановление свободы тех несчастных людей, которые одни в стране свободы, обречены на вечное рабство и которые, среди всеобщей радости окружающих свободных людей, стонут в рабском подчинении; чтобы вы изобрели средства для устранения этого несоответствия в характере американского народа; чтобы вы способствовали милосердию и справедливости по отношению к этой угнетенной расе, и что вы подойдете к самому краю власти, данной вам, для пресечения всех видов рабства. торговля личностями наших собратьев".

(Подпись) Бенджамин Франклин,

Президент.

Филадельфия, 2 февраля 1790 года."

Помимо почтенного Франклина в 1790 году, он мог бы сослаться на поистине искусную речь преподобного Дэвида Райса на съезде, состоявшемся в Дэнвилле, Кентукки, до или вскоре после только что зачитанной петиции — на проповедь Джонатана Эдвардса-младшего в 1791 году - и на превосходнейшую проповедь Александра Маклеода, главным образом благодаря чьему усердию и трудам реформированные пресвитериане пришли к решимости избавить свою церковь от рабства, чего они достигли в 1802 году. Печальным фактом было то, что американское сообщество отступило в своих чувствах к теме рабства. Антирабовладельческие настроения 1820 года не были ни столь чистыми, ни столь сильными, как в 1800 или 1790 году; а в 1830 году это чувство стало еще слабее, а взгляды общества еще более искаженными. Это произошло благодаря формированию общества колонизации, которое, подобно огромной губке, впитало антирабовладельческие настроения страны и, предлагая переселение цветного населения и постоянно проповедуя такие доктрины, которые были рассчитаны на достижение этой цели, отвлекло внимание общественности от обязанности немедленного освобождения на земле и заставило христианскую общину придерживаться схемы, основанной на целесообразности и полностью согласующейся с их предубеждением против цвета кожи. Для тех, кто сравнивал различные настроения, содержащиеся в трудах и речах сторонников колонизации, с чистыми и бескомпромиссными принципами, отстаивавшимися в конце прошлого и начале нынешнего столетия, не было ничего более очевидного, чем факт, который он только что констатировал, а именно, что происходил постепенный отказ от здравых взглядов и принципов, поскольку другие приспособлялись к предрассудкам, интересам и страхам различных частей общества. Например, в отчетах Колонизационного общества не было ничего более распространенного, чем признание права собственности за человеком; защитники Общества, говоря о рабовладельце и его рабах, говорили: "Мы считаем их *рабов*, как мы считаем их *другую собственностью, священной*". Мистер Брекинридж мог сказать: "Это не мое мнение", — но он должен был знать, что это были опубликованные мнения менеджеров и главных защитников Общества, и именно он должен был объяснить, как он может предоставить Обществу свою поддержку. покровительство и помощь, которые провозглашали и поддерживали столь нечестивую доктрину, как право собственности на разумные, подотчетные

и бессмертные божьи создания. Однако он (мистер Т.) знал, что Общество может принять любой цвет и проповедовать любые доктрины. В одно время это способствовало освобождению, а в другое - повышало ценность рабов и закрепляло за хозяином право владения ими. У него было одно лицо для севера и другое для юга — настоящий Протей, разыгрывающий всевозможные характеры; не имеющий фиксированных принципов — никогда не согласующийся сам с собой ни в чем, кроме своей решимости во что бы то ни стало избавиться, если возможно, от цветного человека. Если и была какая-то вещь, которая в большей степени, чем что-либо другое, была рассчитана на демонстрацию истинного характера и тенденций Общества, то это были распространенные мнения о нем среди цветного населения. Это был факт, что они ненавидели Общество. Ни один человек, защищающий его, не мог быть популярен среди них. Даже мистер Брекинридж, со всеми его добродетелями и доброжелательностью, считался цветными людьми практически своим врагом, помогая поддерживать Общество, которое они считали самым эффективным механизмом угнетения, когда-либо изобретенным. Несомненно, они были квалифицированы, чтобы составить суждение по этому вопросу. Они изучили его работу — они внимательно наблюдали за его движениями и убедились, что оно полно всякой неправды. Если, с другой стороны, аболиционисты своими мерами наносили огромный вред делу свободных цветных людей, то как получилось, что они пользовались любовью и доверием всего этого класса населения? Как получилось, что даже главный поборник отмены рабства Джордж Томпсон был ими обласкан и любим, и что они часами не могли оторвать взгляда от его губ — и что слезы благодарности выступали у них на глазах, где бы он их ни встретил? Вскоре секрет был раскрыт. Он (мистер Т.) говорил с ними и о них, как с *мужчинами*. Он не ущемлял ни одно из их прав — он не проявлял предубеждения против их цвета лица. Он не рекомендовал изгнание как единственный способ убежать от их нынешних и страшных бед. Он проповедовал справедливость, доброту и покаяние их преследователям и отстаивал право истекающего кровью пленника на полную и безоговорочную свободу со всеми привилегиями и почестями человечества. Поэтому они любили его — поэтому они отдали бы за него свои жизни. Он зачитывал список мест, во всех которых цветные проводили собрания, и осуждал планы Общества колонизации, а именно:

Филадельфия, Нью-Йорк, Бостон, Балтимор, Вашингтон; Бруклин и Рочестер в штате Нью-Йорк; Хартфорд, Миддлтаун, Нью-Хейвен и Лайм в штате Коннектикут; Колумбия, Питсбург, Льюистаун и Гаррисбург в штате Пенсильвания; Провиденс в штате Род-Айленд; Трентон в штате Нью-Джерси; Уилмингтон в штате Делавэр; Нью-Бедфорд в штате Массачусетс; Нантакет; на Национальном съезде свободных цветных людей, состоявшемся в Филадельфия, в 1831 году — на том же Съезде в 1832 году и, как он полагал, на очень последующих съездах.

Вернуться к антирабовладельческим обществам Соединенных Штатов. Он (мистер Т.) знал, что они состоят из самых прекрасных и чистых элементов в стране. Они были многочисленны и могущественны. Вскоре будет доказано, что с благословения Божьего они были всемогущи. Зная благочестие, ум, богатство и энергию аболиционистов Америки, потребовалось некоторое усилие, чтобы сохранять спокойствие, когда мистер Брекинридж стоял перед британской аудиторией и сравнивал их с оборванным полком Фальстафа. Общество Кентукки могло быть небольшим по численности. Однако он считал, что они были в высшей степени респектабельными. По этому поводу он сослался на мистера Дж. Дж. Бирни. Мистер Брекинридж мог бы представить в данном случае, если бы ему было угодно, аболиционистов своей страны (мистера Б.) как нищих, одиозных и презренных: но если бы он дожил до того, чтобы вновь посетить Англию (а он надеялся, что это возможно), он полагал, что тогда ему

пришлось бы найти какую-то другую иллюстрацию их характера, численности и внешности, чем оборванный полк из "Фальстафа" Шекспира.

Изложив принципы антирабовладельческих обществ в Америке, он продемонстрировал бы, выражаясь словами филаделфийской декларации чувств, способ их действия. Национальное общество, созданное во время съезда, таким образом, сообщило миру о своем предполагаемом плане действий: —

Мы организуем Общества борьбы с рабством, если это возможно, в каждом городе и деревушке на нашей земле.

Мы вышлем Агентов, которые возвысят голос протеста, предупреждения, мольбы и порицания.

Мы будем беспощадно и широко распространять антирабовладельческие трактаты и периодические издания.

Мы привлечем "Кафедру" и "Прессу" к делу страждущих и немых.

Мы будем стремиться к очищению церкви от всякого участия в вине рабства.

Мы будем поощрять труд свободных людей, а не рабов, отдавая предпочтение их продукции: и

Мы не пожалеем ни сил, ни средств, чтобы привести всю нацию к скорейшему покаянию.

Наша победа зависит исключительно от БОГА. Мы можем потерпеть личное поражение, но наши принципы - никогда. Истина, Справедливость, Разум, человечность должны и будут торжествовать. Войско уже идет на помощь Господу против сильных мира сего, и открывающаяся перед нами перспектива полна ободрения.

Представляя эту декларацию на откровенное рассмотрение народа этой страны и друзей свободы во всем мире, мы настоящим ставим под ней свои подписи; обещаем себе, что под руководством и с помощью Всемоущего Бога мы сделаем все, что в наших силах, в соответствии с этой Декларацией наших принципов, чтобы свергнуть самую отвратительную систему рабства, которую когда—либо видели на земле; избавить нашу страну от ее самого смертоносного проклятия; стереть самое грязное пятно, лежащее на нашем национальном гербе; и обеспечить цветному населению Соединенных Штатов безопасность. Заявляет все права и привилегии, которые принадлежат им как мужчинам и как американцам, — что бы ни случилось с нашей личностью, нашими интересами или нашей репутацией, - доживем ли мы до триумфа Свободы, Справедливости и человечности или безвременно погибнем как мученики за это великое, великодушное и святое дело.

*Подписано в Адельфи-холле, в городе Филадельфия,
6 декабря 1833 года нашей эры.*

Верные обещаниям, данным в этой декларации, аболиционисты непрестанно печатали, проповедовали и молились. В качестве доказательства того, что они делали в одном из отделов своей работы, он демонстрировал ряд газет, трактатов, брошюр и других периодических изданий, которые были в обращении по всей стране. Затем мистер Томпсон предъявил экземпляры "Друга рабов", "Записей о борьбе с рабством", "Анекдотов о борьбе с рабством", "Прав человека", "Эмансипатора", "Освободителя", "Нью-Йоркского евангелиста", "Вестника

Сиона", "Стража Сиона", "Филадельфийской независимой еженедельной прессы", "Вестника Свобода", "Линн Рекорд", "Нью-Ингленд Зритель" и др., а также "Антирабовладельческий ежеквартальный журнал", редактируемый профессором Райтом, секретарем Национального общества, и отличающийся значительным литературным талантом. Это были одни из средств, к которым прибегали аболиционисты. Это были мирные и благородные средства, и, клянусь Богом, они оказались бы эффективными, чтобы разрушить скрепленную кровью структуру рабства. Аболиционисты стремились не использовать другие моральные и конституционные средства. Их слава не была бы пожата на багровом поле среди резни и шума войны. Их победа не была бы победой, достигнутой применением плотского оружия, лишением свободы одного человека за счет уничтожения другого. Их победа была бы победой, одержанной благодаря силе принципов, почерпнутых из Евангелия Князя Мира, — их слава была бы славой тех, кто добился бескровной победы над совестью и сердцами людей. В полном убеждении, что принципы, которых он (мистер Томпсон) придерживался в тот вечер, были принципами слова Божьего, он по-прежнему будет продолжать работу, которой посвятил себя в течение нескольких лет. Он призвал окружающих быть верными этим принципам и продолжать ревностно отстаивать их, а последствия оставить в руках Бога. Пусть друзья прав человека снова сплотятся под знаменем, которое некогда вело их на битву, под которым они вместе сражались и вместе одержали победу, и вспомнят, что девиз, начертанный на его широких складках, — девиз, которым, хотя им часто злоупотребляли, он часто поддерживал их в час конфликта, — гласил: *Fiat Justicia ruat Cœlum*.

Мистер Брекинридж поднялся. Сделав множество замечаний из того, что мистер Томпсон сказал в произнесенной сейчас речи, он был готов ответить, если представится возможность, после того, как он закончит говорить то, что казалось ему более подходящим к рассматриваемому предмету. Тем временем он изложит то, что хотел сказать сейчас, прочитав другую версию событий, которые были представлены как один из триумфов мистера Томпсона в Бостоне.

Мистер Мэй внес резолюцию, осуждающую Колонизационное общество как недостойное покровительства, поскольку оно распространяет мнения, неблагоприятные для интересов цветного населения.

Ответил мистер Герли. Он закончил рассмотрение возражений мистера Мэя, перешел к изложению преимуществ Общества колонизации и сравнил его требования с требованиями Общества борьбы с рабством. При этом он продемонстрировал рекламный плакат, на котором была большая фотография негра в цепях с несколькими подстрекательскими предложениями под ним. Здесь его прервало шипение, на которое ответили хлопками. Мистер Джордж Томпсон встал и попытался обратиться к собранию. Это усилило замешательство, со всех концов зала раздались крики: "Сядьте — позор! — замолчите! — пусть мистер Мэй ответит, если сможет! — никакого иностранного вмешательства" и т. д. Мистер Томпсон проявил такую настойчивость, на которую мало кто бы решился, но в конце концов уступил очевидной решимости аудитории и занял свое место. Затем в зале воцарилась тишина, и мистер Герли продолжил.

Мы не знаем, убедили ли эти дискуссии кого-либо из противников колонизации; за исключением людей, настроенных против Общества, мы полагаем, что самое общее мнение таково, что их поражение на поле боя было настолько полным, насколько кто-либо мог пожелать. Очевидно, что дело Общества колонизации завоевывает влияние на убеждения и

привязанности жителей Новой Англии сильнее, чем когда-либо прежде. Мы говорим это с учетом фактов, которые становятся нам известны из различных источников. Шквал оскорблений и искажений, которым она подверглась, уже начинает усиливать ее силу.

Теперь он соблаговолил заметить, что газета, из которой он прочитал вышеприведенную выдержку, "Нью-Йорк Обсервер", вместе с той, из которой она была первоначально взята, "Бостон рекордер", еженедельно печатали больше материалов, чем все признанные газеты об отмене смертной казни в Америке, вместе взятые, за полгода. Далее, в связи с большой демонстрацией публикаций об отмене смертной казни, устроенной мистером Томпсоном на трибуне, он заметил бы, что одна из газет, лежавших там на столе, защищала его принципы и дело, когда он был в Бостоне, и, вероятно, подверглась нападению толпы по наущению, как он полагал, мистера Гаррисона. Некоторые из оставшихся изданий были, по его мнению, давным-давно мертвы; о некоторых едва ли можно было сказать, что они когда-либо существовали; некоторые были чисто случайными; большая часть их была столь же ограничена в обращении, сколь и достойна презрения с точки зрения достоинств. Не более двух или трех из дюжины или пятнадцати, которые были выпущены до них — и названия которых он (мистер Б.) потребовал записать, — на самом деле были достойны называться респектабельными и признанными газетами об отмене смертной казни. Но сразу перейдем к сути дела. В данном случае он попытался бы показать, что отмена смертной казни недостойна того, чтобы вытеснить схему колонизации в сердцах американцев, британцев или любого другого мыслящего народа. Он признал, что в рядах аболиционистов было много уважаемых людей; но все они, почти без исключения, когда-то были сторонниками колонизации; и, будь у него время, он мог бы показать, что многие из них покинули колонизационное общество по каким-то особым или личным мотивам, не связанным с принципами дела. Однако он был готов показать, что, кто бы ни поддерживал принципы аболиционистов, они были по сути неправильными и что их практика была еще хуже. У него не было доступа к объемистым документам, представленным мистером Томпсоном. Действительно, в тот вечер мистер Томпсон публично предложил ему ознакомиться с ними на этой трибуне. Если бы это предложение было сделано в начале обсуждения, а не в конце его, или в течение четырех-пяти дней, которые мы провели в Глазго до его начала, его можно было бы использовать с определенной выгодой. Но как бы то ни было, аудитория будет знать, как это оценить; и он должен полагаться исключительно на память, когда излагал принципы, провозглашенные аболиционистами; хотя в то же время он поклялся себе, что его заявления не только были задуманы, но и были по существу правильными и полностью искренними. Аболиционисты, таким образом, в первую очередь считали фундаментальной истиной то, что каждый человек имеет немедленное право быть свободным, независимо от последствий для себя и других; следовательно, долг хозяев — немедленно освободить своих рабов и независимо от всех последствий; и, конечно, греховно использовать полномочия хозяина на один момент или для какой-либо цели. Это был, по сути, великий принцип, по которому действовали аболиционисты, — принцип, который он теперь был готов подвергнуть сомнению. В предыдущем случае он показал, что существуют только две стороны, ответственные за существование рабства, а именно, отдельные рабовладельцы и рабовладельческие общины. Теперь он попытается доказать, что применительно к любому из них этот принцип был не только ложным, но и что он был всего лишь вымыслом, рассчитанным на то, чтобы причинить огромное зло. Пусть они сначала прислушаются к тому, что аболиционисты говорят отдельному рабовладельцу. Возможно, человек, к которому обращались, был жителем Луизианы; где, если это прямо не противоречит закону, освобождать

раба на свободу — закон отказывается признавать это деяние.Следовало ли ему тогда сказать, что он должен прогнать своих рабов, молодых и беспомощных, а также старых и немощных, с твердым знанием того, что, как только они покинут его плантацию, их ждет карьера, полная неприятностей и горя, которая, скорее всего, закончится тем, что их схватят, посадят в тюрьму, оштрафуют и снова обратят в рабство. Мистер Томпсон упоминал почти во всех своих печатных выступлениях случай с неким цветным мужчиной, который был брошен в тюрьму в Вашингтоне и продан в вечное рабство, чтобы выплатить гонорары, накопившиеся из-за его притеснений. Теперь он (мистер Б.) взял отпуск, чтобы сказать, что эта история была полностью ложной. В некоторых частях Америки было принято продавать бродяг, чтобы возместить им тюремное заключение; но они были связаны не дольше, чем это было необходимо для этого. Система была такова — их забирали как бродяг. Если они были способны и желали показать, что у них были какие-то регулярные и честные средства к существованию, их, конечно, оправдывали и увольняли; но когда они не могли этого сделать, их продавали за столько, сколько хватало на содержание под стражей, суд и т. Д. То, что какой-либо человек, черный или белый, однажды признанный законом свободным, когда-либо был продан в вечное рабство, он категорически отрицал и требовал доказательств. Однако в Луизиане, поскольку освобождение рабов незаконно, те, кого аболиционисты освободили бы, не считались бы свободными в глазах закона. Их могут преследовать, сажать в тюрьму как бродяг, продавать для оплаты расходов, как бродяг, и сразу же после освобождения снова сажать в тюрьму. Он признал, что подобные действия были бы непростительными; но что мог сделать доброжелательный человек, который действительно заботился о благополучии своего раба, чтобы позаботиться о них? Действовать в соответствии с принципом аболиционистов означало бы обречь рабов на неисчислимы страдания, ибо им нужно было преподать только один урок — отпустить рабов и оставить последствия на усмотрение Бога! Однако у сторонников колонизации есть лучшее средство. Если Луизиана не согласится на вольную или не допустит, чтобы освобожденные рабы оставались в ее пределах с обычными привилегиями свободных людей, пусть их перевезут в какой-нибудь другой штат, где таких законов не существует; или, если это в целом нежелательно, пусть их перевезут в Либерию. Нет, повторяет мистер Томпсон, немедленно освободите своих рабов и предоставьте решать последствия Богу. Если по злым законам Луизианы их оставят умирать с голоду, или доведут до отчаяния, или снова продадут в рабство, ответственность лежит на них; исполните свой долг, немедленно освободив их. Однако потребовалось бы, чтобы гуманный индивид был очень сильно впечатлен истинностью этого принципа, прежде чем он смог бы убедить себя совершить то, что, очевидно, было столь жестоким по своим непосредственным последствиям и с такой вероятностью могло быть разрушительным в тех, которые более отдаленны. Однако этот принцип был, мягко говоря, крайне сомнительным, и его не следовало при любой опасности запихивать в глотки целой нации. Если законы общества плохи, а он признавал, что это так, он полагал, что долг просвещенных граждан - добиваться изменения этого закона надлежащими средствами, но не делать в то же время того, что было бы полностью неподчинительным государству - и наносило ущерб всем сторонам. Более того, не могло быть и речи о том, было ли справедливым или откровенным обвинять, как это было сделано, свободные штаты в причастности к рабству, потому что, хотя сами они не владели собственностью на рабов, они не решались глотать такие лекарства, даже не разжевывая. Если было так сомнительно, делает ли долг перед самими рабами немедленный разрыв всех отношений между ними и их хозяевами правильным или даже дозволенным действием, то еще более сомнительно, не могут ли наши обязанности перед государством властно запрещать то, от чего наши обязанности перед рабом уже

предостерегали нас. Я опустил все соображения личного или эгоистичного характера — все правила поведения, вытекающие из того, что связано с человеком, его семьей, его состоянием или обязательствами. Общая доброжелательность запрещает, как мы видели, и общая лояльность запрещает, как мы увидим, то, что человек должен делать, иначе он окажется под проклятием аболиционизма. Ибо, хотя наш долг - добиваться изменения плохих законов, потому что они плохие, в равной степени наш долг - повиноваться законам, потому что они есть законы, если только не ясно, что из послушания последует большее зло, чем из неповиновения. Сейчас все наши рабовладельческие государства совершенно согласны с тем, чтобы их граждане освобождали своих рабов; только многие из них настаивают на том, чтобы они делали это в другом месте, а не в пределах своих границ. До тех пор, пока существуют другие земли, готовые принять освобожденного раба и уверенные в том, что они получают выгоду от его приема, проповедовать измену, а также жестокость и безрассудство, а также и то, и другое, утверждать непреложный долг отдельного рабовладельца, несмотря ни на что, пытаться сделать невозможное в данный момент, вместо того, чтобы добиться лучшего результата путем предусмотрительности, подготовки и подходящей отсрочки. Поэтому можно смело сказать, что мгновенная передача власти хозяину, независимо от всех других соображений, во многих случаях должна быть большим преступлением для отдельного рабовладельца. Теперь он хотел бы поговорить об этом принципе отмены рабства, на который он ссылался как на правило поведения для рабовладельческих общин. В этом отношении он также считал, что это в лучшем случае крайне сомнительно. Давайте проиллюстрируем этот принцип на часто повторяющемся примере округа Колумбия. Аболиционизм утверждает, что четкой обязанностью Конгресса является немедленная отмена рабства в этом округе, независимо от того, что может произойти впоследствии в результате этого акта. Давайте признаем, что распад Федерального союза является следствием, не заслуживающим внимания, даже если его отчетливо предвидеть; и что все зло, сопутствующее такому результату, человеческому обществу и всем великим интересам человека на всей земле, ничто по сравнению с установлением сомнительного определения, имеющего древность не менее четырех лет, и оспариванием отцовства между мистером Гаррисоном и мистером Томпсоном. Как принцип, не касающийся ни одного другого существа, кроме рабов Округа, и никаких интересов, кроме их собственных, можно доказать, что он ложен. Если бы Конгресс немедленно отменил там рабство с приемлемой уверенностью, что каждый раб в Округе будет вывезен и продолжит свое потомство в вечном рабстве; когда по договоренности с владельцами они могли бы в перспективе отменить его настолько, чтобы обеспечить свободу каждому рабу через пять или десять лет и их потомству по мере того, как они последовательно достигают двадцати или двадцати пяти летнего возраста; если бы Конгресс мог сделать последнее и предпочел бы сделать первое, они заслужили бы проклятия всего мира. Первое обращение - к мистеру Томпсону и аболиционизму; второе выражает мои принципы и принципы презираемых постепеновцев. Во всяком случае, истинность принципа, заключенного в первом предположении, не была настолько очевидна, чтобы оправдать мистера Томпсона в осуждении, как он это сделал, тех, кто не считал нужным следовать ему. Мудрый человек колебался бы — он бы хорошо взвесил возникающие обстоятельства как одну из лучших проверок истинности и полезности своих принципов, прежде чем распространять их как бесспорно и исключительно истинные, и что, несмотря на все результаты, такие принципы, с той силой, которая была проявлена — принципы, которым, повторил он, было всего четыре года, и в которых он все еще был убежден, были всего лишь отъявленным шарлатанством. Существует еще один аспект этой темы. Упоминалось представительство чернокожего населения в национальном правительстве. Он бы заметил по этому поводу, что долг каждого

государства - следить за тем, чтобы власть была передана только в руки тех, кто способен осуществлять ее должным образом, мудро и с пользой. Что сказали бы в нашей стране, если бы мистер Томпсон предложил сделать выборное право всеобщим и установить возраст, с которого им можно было бы пользоваться, на уровне пятнадцати лет? Он рискнул бы сказать, что министерство, которое внесло бы такую схему в парламент, не просуществовало бы и трех дней. Предложение, как, несомненно, знал мистер Т., было бы сочтено совершенно революционным и шокирующим. И все же следует признать, что в среднем пятнадцатилетние мальчики Британии обладают такой же квалификацией для осуществления избранных прав, как и среднее число рабов в различных частях Соединенных Штатов в возрасте двадцати одного года. Но у нас, как и у вас, двадцать один год - это возраст, в котором избиратели голосуют. Как я показал, в большинстве наших Штатов избирательное право распространяется на каждого белого мужчину, достигшего этого возраста; в то время как требования к собственности, предъявляемые везде, настолько чрезвычайно умеренны, что во всех наших общинах по крайней мере девять десятых взрослых белых мужчин имеют право голоса. Теперь давайте иметь в виду, что аболиционизм требует не только немедленной свободы для раба, но и немедленного обращения с ним во всех гражданских и политических, а также социальных и религиозных аспектах, как если бы он был белым, то есть, проще говоря — если бы мы следовали догмам, которым вы послали мистера Т. научить нас, и в которых мы подвергались презрению всех добропорядочных людей за то, что отказались принять, революция, гораздо более ужасная и отвратительная, немедленно последовала бы во всех наших рабовладельческих штатах, чем последовала бы в Британии за счет предоставления избирательных прав за один день, каждому мальчику в нем по пятнадцать лет — даже если бы вашу палату лордов заменил выборный сенат, а ваши парламенты стали ежегодными! И именно в свете таких результатов Америка с ужасом восприняла провозглашение принципов, которые ведут непосредственно к ним, в то время как их сторонники заявляют, что "все последствия" безразличны к их поведению! И может ли быть обязанностью любого государства "немедленно" — или вообще — создать для себя такое состояние, как это? Сами аболиционисты, очевидно, считали свой план абсурдным, поскольку они никогда не осмеливались предложить его рабовладельческому государству. Их статьи были опубликованы, и все их усилия были приложены, и их организованная агитация продолжалась, и огромный шум поднялся в штатах, где не существовало никакой власти, способной положить конец рабству; но вряд ли был произнесен хоть один слог, где, если вообще где-либо, мог быть достигнут какой-то эффект, благоприятный для рабов, если бы принципы отмены рабства были где-либо осуществимы. Поведение аболиционистов соответствовало тому, что произошло бы в этой стране, если бы была поднята агитация за прямое упразднение идолопоклонства в Китае или папства в Испании. Их принципы еще никогда не пропагандировались на Юге, кроме как с помощью почты, последствия которой, выражающиеся в разрывании почтовых мешков и т. Д., мистер Томпсон хорошо знал и заявлял об этом. Но факт заключался в том, что такие метафизические положения, как те, которые выдвигали аболиционисты, — даже признавая их истинность, — были совершенно неуместны. Тысячи рабов были освобождены еще до того, как стали известны принципы отмены рабства, и все, что было нужно, - это чтобы тех, кто был занят этим благим делом, оставили в покое или помогли им в соответствии с их собственными принципами. Какой смысл было провозглашать доктрину, которая, по всей вероятности, была ложной и разрушительной, но которая, будь она истинной, не могла принести никакой пользы? Ибо, если бы вы могли убедить человека, что его долг требует, чтобы он дал свободу своим рабам, и на него произвело соответствующее впечатление это чувство — он сделал бы это так же

определенно и эффективно, как если бы вы начали с сказав ему: "Теперь, как только я убедлю тебя, ты должен немедленно освободить их!" Он действительно не мог охарактеризовать такой способ действий никаким другим термином, кроме как беспричинная глупость.

Опять же, он мог бы сказать, что этот принцип аболиционизма противоречит всему опыту, который Америка приобрела как нация в этом вопросе. Принципы, благоприятствующие освобождению, впервые укоренились там, где рабов было мало и когда продукты их труда представляли небольшую ценность. Они постепенно распространялись на Юг, причем пограничные штаты всегда прививались первыми, пока не менее восьми штатов, которые терпимо относились к рабству, не приняли этот принцип и последовательно не отменили его. К этим восьми штатам должны были быть добавлены еще четыре, созданные с момента принятия Федеральной конституции, которая никогда не допускала рабства, таким образом, образовалось двенадцать штатов, в которых рабство было запрещено. Только благодаря влиянию постепенности дело свободы неуклонно продвигалось к этому пункту и с каждым днем делало его окончательный триумф по всей империи все более и более вероятным. В это время она могла быть отнесена к югу по меньшей мере на 5 градусов широты; и Вирджиния, Кентукки, Мэриленд, Делавэр и Миссури присоединились к свободным Штатам; и кандалы с 1 000 000 рабов постепенно таяли. Если за пятьдесят лет возникло 12 свободных штатов, не слишком ли много было надеяться, что в следующие пятьдесят лет избирательные права получат еще двенадцать? За все разрушения, принесенные этому славному делу за последние четыре года принципами и практикой друзей мистера Томпсона, что они могут возместить страдающему человечеству? Освободили ли они из его пут хоть одного раба? План отмены смертной казни на самом деле был сигналом к полному провалу. Сам мистер Томпсон не претендовал на то, чтобы утверждать, что двадцатая часть населения Америки разделяла его взгляды. Вся теория была столь же ложна, сколь и вся практика фатальна; и справедливые и благочестивые люди впоследствии колебались, прежде чем посылать новые миссии в их защиту или придавать своим справедливым авторитетом обвинения, направленные против всех, кто не считал их достойными их аплодисментов. *Второй великий принцип* аболиционистов, на который он хотел привлечь внимание, заключался в следующем: неотъемлемым и нерушимым правом каждого человека было жить в условиях полной свободы в любом месте, где он родился; и что, хотя отказывать ему во всех правах человека, гражданина и христианина является преступлением, не менее преступным было убеждать, завоевывать или принуждать его к тому, что они называли изгнанием — этот принцип был применен к Обществу колонизации; и хотя немедленное упразднение составляло первое, и осуждение того, что они называют изгнанием, было преступлением. предубеждение против цвета кожи сформировалось последним; ненависть к колонизации сформировала средний и активный принцип группы. Об этом можно было бы сказать, во-первых, что это имело то преимущество, что противоречило всей мудрости и практике человечества. Предназначалось ли это для охвата женщин и несовершеннолетних - или в каком возрасте начинать реализацию столь экстраординарных и беспрецедентных прав, будь то в двадцать один год, как здесь, или в двадцать пять, как в некоторых странах, или в двадцать восемь, как в других, - еще не было определено. По крайней мере, можно было бы сказать, что если эти права принадлежали чернокожим людям, то они не принадлежали никому другому, независимо от цвета кожи или расы; и философы, обнаружившие их существование, нашли нечто, что могло бы компенсировать этим несчастным людям их беспримерные страдания. Конечно, не должно вызывать удивления, что мы должны с подозрением относиться к таким догмам, которым учит англичанин, когда мы помним, что с незапамятных времен все

институты его собственной страны были построены на догмах прямо противоположных; и вся ее практика противоположна проповеди представителя полунациональности. Г-н Томпсон говорит, что человек является гражданином по неотъемлемому праву, где бы он ни родился; британская монархия, которую, по словам г-на Томпсона, он предпочитает всему остальному, говорит наоборот, что пусть человек родился, где бы он ни был, он британец, если родился от британских родителей; и это одновременно требует его верности и распространит на него все права подданного, родившегося на родине! Тогда почему мужчина не является африканцем, если родился от африканских родителей в Америке, а также британцем, если родился там от британских родителей? Или почему по этому щекотливому вопросу нас должны атаковать сначала из пушек с одной стороны, а затем из Биллингсгейта с другой? Наши собственные представления, какими бы противоположными они ни были по отношению к британским, не менее противоречили мистеру Т. и аболиционизму по другой части принципа. Все наши представления позволяют мужчинам самим эмигрировать, многие наши конституции гарантируют это как естественное право, и Америка фактически вступила в войну с Великобританией, защищая это право своих неестественных граждан. Британия настаивала на обыске американских судов в поисках британских моряков — Америка отказалась подчиниться обыску; потому что, помимо всего прочего, разыскиваемый человек по натурализации был американцем. Америка не возражала против того, чтобы кто-либо из ее граждан становился британцами, если они считали это нужным, и была полна решимости сохранить право тех, кто решил стать американскими гражданами, из какой бы страны они ни эмигрировали, и поэтому могла лишь с презрением выслушать это изречение аболиционизма. И снова он сказал бы, что этот принцип противоречит здравому смыслу. Права гражданства не должны были рассматриваться как естественные права. Они были даны сообществом — в них могло быть отказано сообществу; и, следовательно, говорить об их неразрушимости было сущей бессмыслицей. Ни один человек не имел естественного права сказать: "я буду гражданином того или иного государства"; и на самом деле подавляющая часть человечества вообще не была гражданами, а просто подданными. Существовали законы, устанавливающие нынешнюю форму правления, дающие определенную власть королю и парламенту и регулирующие порядок избрания парламента. Эти законы были совершенно условными, и человек с таким же успехом мог претендовать на естественное право быть королем или судьей, как и на то, чтобы быть гражданином. С таким же успехом можно было бы сказать, что человек по своей сути является акулой, потому что родился в море, или лошадью, потому что ему посчастливилось родиться в конюшне. Теория упразднения так далека от истины; и так далека их ненависть к колонизации от того, чтобы основываться на справедливости или разуме, что могут сложиться обстоятельства, при которых эмиграция для людей станет настоящим долгом. Америка являла собой яркий пример истинности этого. В этой стране было принято говорить об Америке как о дочери Англии. Он слышал, как люди говорили, будто Америка примерно такая же большая, как одно английское графство, и заселены они в основном из своих собственных деревень. Но факт оставался фактом: Америка была воплощением всего мира, заселенного колониями почти со всех его уголков. Это была эклектичная нация; и говорить американцам о неотъемлемом праве человека оставаться там, где он родился, и подвергаться угнетению — или о чувстве вины за то, что они соблазнили его эмигрировать, - значит только подвергать себя жалости или презрению. Чтобы понять это, достаточно взять карту нашей обширной империи, омываемой обоими океанами и охватывающей все климатические зоны земли, и попросить какого-нибудь американского мальчика рассказать вам о переселениях своих предков. Не будем упоминать о краснокожих из Азии и бедных чернокожих из Африки; там, скажет он, в

Новой Англии живут дети пилигримов, которые были отцами ваших собственных Круглоголовых, изгнанных подлой и досадной тиранией Якова I. и там, в нижней Вирджинии, в трехстах лигах отсюда, живут потомки Кавалеров и Злодеев. Там, на задворках того же древнего содружества и во всей западной Пенсильвании, живут крепкие шотландцы, чьи отцы были повешены на улицах ваших городов этим лжесвидетелем Карлом II, который таким образом вознаградил верность, вернувшую ему корону. В том же ключевом штате Союза находится нация трудолюбивых немцев; в то время как в имперском штате Нью-Йорк живут дети тех славных Соединенных Провинций, которые веками спорили сами с собой за морскую империю; и между ними обоими в Нью-Джерси живут потомки тех древних датчан, которые часто опустошали ваши собственные побережья. Потомки гугонавтов, чьи предки принадлежали Людовику XIV. изгнан из Франции и выставил кордоны на своих границах, чтобы убивать их на выезде, просто потому, что они были протестантами, населявшими некоторые районы юга; в других частях которого находятся колонии швейцарцев, испанцев и французов-католиков. Ирландцы есть везде; и везде к ним относятся лучше, чем дома. Среди такого народа обязательно должно быть инстинктивное чувство, что тот, кто любит родину больше, чем свободу, недостойн обладать ни тем, ни другим; что тот, кто прививает или воздействует на любовь к месту выше обладания драгоценными привилегиями, должен иметь зловещую цель. Но он мог бы пойти гораздо дальше; и, показав, что эмиграция может быть долгом людей при различных обстоятельствах, доказать, что такой долг никогда не был более настоящим, чем для свободного цветного населения Америки. У них было мало мотивов остаться в Америке, которые не были бы низменными или незначительными по сравнению с теми, которые должны были побудить их вернуться, но каждая попытка объяснить и защитить их поведение обнаруживала эгоизм с их стороны, в тысячу раз больший, чем тот, в котором они обвиняют белых; и жестокость со стороны их советников по отношению к умирающим миллионам язычников в Африке, более жестокую, чем та, в которой даже они обвиняют хозяина по отношению к своему рабу. Любовь к родине, к родственникам, к свободе, к душам людей и к самому Богу побуждает их уходить и выполнять работу, которую никто, кроме них, не может выполнить; и от которой они отказываются из-за любви к легкости, недостатка энергии, тщеславия, удовлетворяемого ласками аболиционистов, и равнодушия к великим мотивам, подробно описанным выше. Но была и другая, наиболее очевидная истина, которая показывает полную тщетность оспариваемого ныне принципа отмены смертной казни. Факт был настолько далек от истины, что любой человек, черный или белый, обладал неотъемлемым правом гражданства по месту своего рождения; что совершенно очевидно, ни один человек не имел даже простого права на проживание, которого государство не могло бы справедливо и должным образом лишить его — по достаточной причине. Государство имеет неоспоримое право принуждать к эмиграции всякий раз, когда этого требует общественное благо; и когда это общественное благо совпадает с интересами эмигрирующей стороны — а также с интересами страны, в которую они отправились, — принуждение к такой эмиграции может стать самым священным долгом. Это действительно было правдой, что сторонники колонизации не рассматривали и не предлагали ничего иного, кроме чисто добровольной эмиграции; ибо даже очерняемый штат Мэриленд не только признал факт переезда добровольным, но, идя на шаг дальше, чем любой другой, предоставил выбор места эмигранту. Я рекомендую Африку, говорит она, но я помогу вам отправиться туда, куда вы предпочитаете. Однако следует иметь в виду, что эта власть присуща всем сообществам и использовалась во все времена. И защитникам принципов отмены рабства не мешало бы помнить, что окончательное и, при необходимости, насильственное разделение сторон, безусловно, предпочтительнее уничтожения или вечного рабства одной из них; в то же время

это бесконечно более вероятно, чем мгновенная эмансипация — всеобщее уравнивание — или всеобщее смешение, за которое они борются. У него все еще оставался *третий принцип* выдвинутые аболиционистов, по которому давать комментарии, но как только две или три минуты отпущенное ему время остался, он бы не ввести на эту тему, но хотел прочитать, по информационной аудитории с речью выступил г-н Томпсон в Андовере, Массачусетс, на сиденье одного из крупнейших духовных семинариях, как сообщил студент, который присутствовал. Он пожелал, чтобы эта речь была занесена в протокол для сведения британской общественности.

Студенты — Сначала я расскажу о естественных и неотъемлемых правах обсуждать рабство. Это не вопрос; вы должны это сделать; вы грешите против Бога и совести и предаете человеческую природу и истину, если пренебрегаете ими. Тот, кто попытается помешать вам воспользоваться этим правом, выхватит трезубец у Всемогущего, и тот, кто осмелится наложить оковы на разум, должен ответить за это перед судом Божьим. Это принадлежит Богу, и исключительно Богу. Вы не вольны уважать какие-либо просьбы или предложения или принимать во внимание чувства любого человека или группы людей по этому вопросу. Злой дух целесообразности - это дух ада, печально известные доктрины демонов ада; и тот, кто пытается проповедовать это подрастающей молодежи страны, проповедует доктрину проклятых духов. Это дух пламени и хвороста, проявляющий себя, когда осмеливается, и портящий атмосферу, препятствуя свободному дыханию свободной души. Где студенты семинарии Лейн? Там, где им и положено быть: от Джорджии до Мэна и от Атлантики до Скалистых гор - вдали от тюрьмы, где куют и клепают кандалы. Они не могли оставаться в месте, где был подвешен термометр, чтобы оценить состояние их чувств. Только после того, как доктор Бичер проконсультировался с преподавателями в Нью-Хейвене и Андовере, чтобы узнать, поддержат ли они его, он отважился закрутить гайки. Но, возможно, вы скажете, что нам придется распрощаться с повышением, если мы поступим так, как вы хотите. Профессорско-преподавательский состав в определенной степени имеет право определять наши будущие поселения с помощью рекомендации, и, следовательно, мы должны воздержаться. Что, если вам действительно придется покинуть семинарию? Гораздо лучше быть вдали от дома, чем дышать отравленным воздухом тирании. Я заявляю здесь, что единственная причина, по которой отмену смертной казни не одобряют в Андовере, заключается в том, что она непопулярна; когда она станет популярной, ее примут. В 1823 году Колонизационное общество было любимым детищем церквей, семинарий и колледжей страны; но теперь, по правде говоря, из-за того, что оно непопулярно, оно отвергнуто. Да, когда-то красноречивые языки восхваляли его, а золото и серебро были его притоками — где оно сейчас? Отвергнуто, потому что не пользуется популярностью. Это довольно тяжело; и в старости тоже. Но я воздержусь, это трогательная тема. Я возвращаюсь в семинарию Лейн. Никогда более благородные духи и утонченные умы не собирались вместе; никогда во все времена и в любом месте не было более героической и великодушной группы. Сам доктор Бичер произнес надгробную речь. В каком состоянии сейчас семинария? Лежащий в руинах, безвозвратно ушедший! Затем доктор Бичер пожертвовал честью и репутацией.

Мистер Томпсон зачитал выдержки из статьи в "Освободителе", из которой следовало, что преподаватели Эндовера советовали студентам не касаться разделяющей темы рабства. Да, добавил мистер Томпсон, выходите без обязательств; подождите, пока вы не сядете за кафедру, не обнесете ее подушками и не поставите там диван, и тогда вы сможете посвятить себя этому

делу. Выступающий отметил, что к очень пагубным последствиям привела неспособность студентов Эндовера сформироваться в Общество борьбы с рабством — дурной пример распространился на Академию Филипа, колледж Амхерст и другие. Где бы он ни был, над ним подшучивали по этому поводу, но вы можете прийти в себя, снисходительно добавил он; для вас есть некоторые извинения, только позвольте Обществу сформироваться немедленно. Те, кто пытался показать на основании Библии, что рабство оправданно, прокладывали рабовладельцам пути в ад текстами Священного Писания. Мистер Томпсон подробно остановился на достоинствах непокорных студентов Лейнской семинарии, снабдив их самым обильным запасом прилагательных; а подлые студенты Эндовера, хотя и не были прямо обозначены как таковые, были поняты по манере выражения как противопоставленные. Мистер Томпсон отметил, что такого поведения не потерпели бы студенты ни одного колледжа в Англии, Шотландии или Ирландии. Это оскорбление профессорско-преподавательского состава в Эндовере было более личным и резким, чем я описал; одного из преподавателей называли по имени, но суровые выражения я забыл. Он, вероятно, опередил бы самого себя и исчерпал бы словарный запас оскорбительных эпитетов, если бы его не прервали. В конце лекции со странной непоследовательностью, свойственной этому человеку, он заметил, что очень уважает профессорско-преподавательский состав и что он охотно сел бы у их ног в качестве ученика.

У него было только одно замечание, прежде чем он сел. Было публично заявлено студентом этой семинарии, что мистер Томпсон в разговоре с ним сказал, что *каждый рабовладелец заслуживает того, чтобы ему перерезали горло*, и что его рабы должны это сделать. Он, конечно, не мог поручиться за правдивость этого, но мистер Томпсон был там, чтобы объяснить. Одну вещь, однако, он мог заявить как неоспоримый факт, а именно, что профессора семинарий подписали документ, в котором утверждалось, что молодой человек проучился в колледже три года и что его правдивость была безупречной. Если эта история была правдой — хорошо, что она была своевременно обнародована. Если молодой человек неправильно понял мистера Томпсона, он (мистер Б.) полагал, что принадлежит к очень большому классу людей в Америке, которые совершали подобные ошибки и делали аналогичные выводы из общего направления своих действий и высказываний в этой стране.

Мистер ТОМПСОН, встав, заметил, что никто не может быть более готов, чем он сам, похвалить джентльмена, только что занявшего свое место, за мужество, которое он проявил, так откровенно и добросовестно обойдясь с ним (мистером Т.) в присутствии тех, с кем он (мистер Б.) был сравнительно незнаком и чье благоприятное мнение у него (мистера Т.) было много возможностей примирить. Он был рад, что его оппонент ближе к концу своей речи попытался изложить факты и конкретизировать обвинения и, таким образом, предоставил ему возможность показать, насколько полно и триумфально он может опровергнуть обвинения, выдвинутые против него лично, и поддержать заявления, которые он сделал в отношении Америки. Он начинал с истории Эндовера о перерезании горла. Правда заключалась в следующем. Студент Теологической семинарии по имени А. Ф. Кауфман-младший обвинил его, Джорджа Томпсона, в том, что он сказал в частной беседе, что каждому рабовладельцу следует перерезать горло, и что если аболиционисты проповедуют то, что они должны проповедовать, они прикажут каждому рабу перерезать горло своему хозяину. Мистер Кауфман был родом из Виргинии, сыном рабовладельца и наследником собственности рабовладельцев. Впервые эта

история была распространена в Андовере, а затем опубликована в New-York Commercial Advertiser в сообщении, датированном Саратога-Спрингс. В ответ на печатную версию я (сказал мистер Т.) напечатал письмо, опровергающее обвинение в самой торжественной форме и ссылающееся на мои многочисленные публичные выступления и бесчисленные частные беседы в доказательство совершенно мирного характера моих взглядов. Затем последовало длинное заявление мистера Кауфмана с подтверждением его правдивости и общего хорошего характера, подписанное профессорами Вудсом, Стюартом и Эмерсоном из Андовера. На этом бы дело и остановилось — обвинение мистера Кауфмана, с одной стороны, и мое отрицание, с другой, — если бы разговор был строго частным; но, к счастью для меня, были свидетели каждого слова; и это заставляет меня обратить внимание на другие обстоятельства, связанные с делом, составляющие самое полное противоречие обвинению. В то время я жил под крышей преподобного Шипли У. Уилсона, священника методистской епископальной церкви в Андовере, и когда у меня состоялся разговор с мистером Кауфманом, в ходе которого, как утверждает, были произнесены вменяемые мне выражения, там присутствовали, помимо нас, мой хозяин преподобный С. В. Уилсон; преподобный Амос А. Фелпс, конгрегационалистский священник и один из агентов Американского общества борьбы с рабством; преподобный Ла Рой Сандерленд методистский епископальный священник, и в конце концов представляют редактора журнала "Страж Сиона", Нью-Йорк; и преподобного Джарвиса Грегга, ныне профессора Западного резервного колледжа, Огайо. Вследствие использования заявления, сделанного мистером Кауфманом, я написал профессору Греггу и мистеру Фелпсу, прося их изложить свою версию беседы в письменном виде; и их ответные письма, которые вместе с одним, написанным без просьбы мистера Сандерленда, были опубликованы. Они не только категорически противоречат рассказу, данному мистером Кауфманом, но и доказывают, что я самым решительным образом отстаивал доктрину непротивления со стороны рабов. Эти письма, однако, никогда не появлялись в колонках газет, которые выдвигали обвинение и требовали от меня доказательств моей невинности.

Возможно, было бы неплохо дать некоторое представление о разговоре, из которого выросло обвинение. Мистер Кауфман пожаловался на грубый язык аболиционистов и попросил меня процитировать отрывок из Священного Писания, оправдывающий наше поведение в этом отношении. Я процитировал отрывок "Кто украдет человека и продаст его, или если он будет найден у него в руках, тот непременно будет предан смерти"; и заметил, что в этом тексте у нас есть доказательство ужасного проступка рабовладельца; что он считался достойным смерти; и что современный рабовладелец, согласно христианскому устройению, был не менее виновен, чем рабовладелец по еврейскому закону. Затем я напомнил ему о политических принципах американцев и процитировал слова декларации независимости: "СОПРОТИВЛЕНИЕ *тиранам* - это послушание Богу". Затем я сравнил травмы, нанесенные рабу, с обидами, о которых говорится в Декларации независимости, и доказал, что, если американцы считают себя оправданными в том, что до крови сопротивлялись уплате трехпенсового налога на чай и гербового сбора, насколько больше, исходя из тех же принципов, раб был бы оправдан в том, чтобы перерезать горло своим хозяевам, чтобы получить освобождение от личного рабства. Более того, что каждый американец, верный принципам революции, должен учить рабов перерезать горло своему хозяину — но, хотя это были справедливые выводы из их собственных революционных принципов, я придерживался доктрины, что творить зло всегда неправильно, чтобы могло прийти добро, и что я не осмеливался покупать свободу рабов, соглашаясь на смерть одного хозяина.

Таким образом, он (мистер Т.) устранил одну из наиболее заметных частей речи своего оппонента. Он сожалел, что в часовой речи, которую они только что прослушали, не было больше констатации факта; речь, которая, какой бы похвальной ни была интеллект его оппонента из-за своей изобретательности, ни в коей мере не была похвальной для его сердца. Вместо того, чтобы беспристрастно отнестись к документам, которые он (мистер Т.) представил и которые содержали правдивое и исчерпывающее изложение взглядов, чувств, принципов, целей и планов аболиционистов, мистер Брекинридж изобрел серию искусных софизмов, рассчитанных на то, чтобы упустить из виду реальные достоинства вопроса. Не было ли странным, что, поскольку эта платформа была покрыта документами аболиционистов, его оппонент не процитировал ни слова из их трудов, но основал все, что он сказал, на изложении их принципов, составленном им самим; и затем дал этому заявлению свое собственное толкование, полностью расходящееся со всеми взглядами и доктринами, которых придерживались аболиционисты. Джентльмен очень умело сыграл роль Мальчика-с-пальчика, создавшего великанов, которых он так доблестно уничтожал. Он не стал бы пытаться бороться с тем, что полностью основывалось на грубом искажении принципов и взглядов аболиционистов. Он имел право ожидать, что г-н Б. обратится к многочисленным источникам официальной информации, касающейся принципов, которые, по его словам, он осуждал; но вместо этого он выдвинул кредо, такое как кредо аболиционистов Америки, которого нигде нет в их трудах, и поэтому он (г-н Т.) должен был подождать, пока не будет выдвинуто возражение против того, что они (аболиционисты) действительно сказали или сделали.

Мистер Брекинридж позабавил их еще одной историей из Эндовера. Он зачитал отрывок из речи, которая, как утверждается, была произнесена им (г-ном Т.) во время затянувшегося совещания, которое он там проводил. Он просто взял бы на себя смелость заверить аудиторию, что он никогда не произносил речь, которая в тот вечер была вложена в его уста. Было сказано, что речь была передана студентом. Назвал ли мистер Б. имя студента? — Нет. Он (мистер Б.) знал, что это было анонимное сообщение, написанное подлым врагом правого дела, который слишком стыдился своих собственных постановок, чтобы подписываться своим именем, но ставил букву "С" в конце своих клеветнических постановок, которые жадно копировались в газетах Соединенных Штатов, выступающих за рабство. Отчеты, представленные этим писакой, были известны в Эндовере как ложные, и студенты смеялись над ними как над чудовищным и нелепым искажением истины. И по этому поводу у него (г-на Т.) было достаточно документальных подтверждений. Он не удивлялся, что мистер Брекинридж так часто подшучивал над ним по поводу множества документов, которые он (мистер Т.) имел привычку представлять. Должно быть, особенно неприятно обнаружить, что у него (мистера Т.) всегда был под рукой документ, необходимый для уничтожения мнимых доказательств его оппонента. Сейчас он прочтет отчет о разбирательстве в Эндовере — но совсем другой отчет по сравнению с тем, который они только что услышали, — не анонимный, а подписанный уважаемым и набожным студентом Духовной семинарии Р. Ридом, секретарем-корреспондентом Эндоверского общества борьбы с рабством. Поскольку в отрывке, который он собирался зачитать, упоминалось о предыдущем визите, он просто укажет, что примерно через три месяца после своего прибытия в Соединенные Штаты он посетил Эндовер и прочитал три лекции, помимо длительного изучения своих принципов в часовне колледжа; и что по возвращении в Бостон, где он тогда проживал, он получил от Учебного заведения серию резолюций, подписанных более чем пятьюдесятью студентами, выражающих их полное согласие с высказанными им чувствами и их высокое одобрение настроения, с которым он отстаивал эти

чувства, и рекомендующих ему действовать в соответствии со своими принципами. благословение и защита Небес. Ему (мистеру Т.) нет нужды говорить, что такое свидетельство студентов-богословов, непрощенное и неожиданное, было особенно отрядным.

Отчет о его втором визите в июле 1835 года был, таким образом, дан в письме, адресованном редактору "Либерейтора".

"Ранее было объявлено, что мистер Томпсон выступит перед нами во вторник вечером. Пробил час, и большая и респектабельная аудитория была созвана в ожидании снова послушать— (Мистер Томпсон здесь опустил некоторые комплиментарные выражения). После вступительной молитвы мистер Фелпс встал и сказал, что, к сожалению, вынужден сообщить, что мистер Томпсон еще не прибыл в город, но он считает вероятным, что он скоро будет с нами. Затем он вернулся к теме американского рабства. Однако он успел произнести всего несколько фраз, прежде чем вошел мистер Т. О его прибытии немедленно объявили из-за стола, и выражение удовлетворения, проявленное собравшимися, красноречивее всяких слов говорило о том, как высоко они ценили этого любимого брата, и о том удовольствии, которое они испытали, снова получив возможность выслушать его призывы. Мистер Томпсон занял свое место за письменным столом, и затем мистер Фелпс довольно пространно продолжил. Когда он закончил свое выступление, мистер Томпсон встал и после нескольких вступительных замечаний ответил в сильной и красноречивой манере на вопрос: "Почему бы вам не уехать на Юг".

Первая часть трех последующих вечеров была занята мистером Фелпсом разоблачением монстра с лицом януса, Американского колониационного общества, что он проделал настолько виртуозно, что мы совершенно уверены, что никто из его слушателей, за исключением тех, кого умышленно ослепили, впоследствии не усомнится в том, что это "обман невежества и оскорбление интеллекта общества".

"В четверг вечером мистер Томпсон выступил в защиту от клеветы, которой его осыпали за донос на доктора Кокса. Я хотел бы, чтобы присутствовали все друзья мистера Томпсона, а также его враги, поскольку я уверен, что, если бы они не были прикрыты щитом предубеждений, более непробиваемых, чем сталь, они были бы вынуждены признать, что его донос на доктора Кокса был справедливым, а не таким примером тигриной злобы, как это некоторые представляют". "В пятницу вечером (вечер, к которому относится отрывок, зачитанный мистером Брекинриджем) он говорил о "вооруженном нейтралитете" семинарии и курсе, который был пройден в академических учреждениях Андовера. Он обвиняется в бессмысленном оскорблении наших профессоров и преподавательниц — в личных нападках на них. Однако никаких личных нападок сделано не было; мотивы ни одного человека не были подвергнуты импичменту. Он нападал на ПРИНЦИПЫ, а не на ЛЮДЕЙ, ибо, хотя он оказывал попечителям семинарий и академий все то уважение, которого требует их положение, ученость и благочестие, он в то же время осуждал проводимый курс как имеющий тенденцию тормозить прогресс эмансипации. Пусть публика сама судит о уместности его высказываний.

Следует вспомнить, что здесь, в Глазго, ему был задан тот же вопрос, на который он ответил в Андовере. "Почему бы тебе не уехать на Юг?" В данном случае он сказал бы своему оппоненту, что даже он не мог бы чисто и открыто отстаивать настроения по поводу отмены рабства на Юге, не подвергая опасности свою жизнь. Причина, по которой он смог выразить свои взгляды на рабство и остаться невредимым, заключалась в том, что было известно, что он осуждал

аболиционистов и выступал за колонизацию. Опыт мистера Бирни был здесь ни при чем. Этот джентльмен ненавидел рабство до того, как присоединился к аболиционистам, и имел привычку выступать против него в связи с делом колонизации, и ему разрешалось делать это беспрепятственно; но когда он освободил своих рабов и призвал других поступать так же, руководствуясь истинными принципами борьбы с рабством, он был вынужден бежать из своего дома и семьи и теперь находился в городе Цинциннати.

Было сказано с насмешкой: "Покажите нам плоды ваших принципов". "Где рабы, которых вы освободили?" Он отвечал, что в Кентукки совсем недавно девятнадцать рабов были освобождены на основе принципов борьбы с рабством: этого достаточно, чтобы ответить на требование мистера Б.: "Укажите нам на одного раба, средством освобождения которого было ваше Общество". Но этот вопрос не подлежал такой проверке. К аболиционистам Британии часто обращались с такими же призывами; и их ответом было: "наши принципы расширяются, и когда они окажут достаточное влияние на общественное сознание, произойдет всеобщее освобождение рабов". 31 июля 1834 года они не смогли указать ни на кого по-настоящему свободного в результате своих усилий; но ночь наступила и прошла, и наступил рассвет для 800 000 человек, поднятых силой принципов борьбы с рабством из правового положения движимого имущества в положение свободных британских подданных. Так и в Соединенных Штатах. Принципы отмены смертной казни обязательно продлятся какое-то время, но в конечном итоге они приведут к изменению общественного мнения и соответствующему изменению отношения к чернокожим.

Мистер Брекинридж оспаривал истинность того факта, который он (мистер Т.) заявил относительно заключения в тюрьму и продажи в пожизненное рабство в городе Вашингтон чернокожего мужчины, по праву имевшего право на свободу. Он (г-н Т.) надеялся, что и в этом вопросе он сможет наиболее удовлетворительно подтвердить свою собственную правдивость. Доказательством, которое он должен был представить в поддержку сделанного им заявления, был "Мемориал жителей округа Колумбия, США, подписанный тысячей самых уважаемых граждан Округа и представленный Конгрессу 24 марта 1828 года, затем переданный в Комитет по округу и по ходатайству мистера Хаббарда из Нью-Гэмпшира, 9 февраля 1835 года, предписанный к печати". Он (мистер Т.) держал в руке подлинный документ, напечатанный Конгрессом: "22-й Конгресс, 2-я сессия, Палата представителей, документ № 140". Ниже была часть, содержащая факт, о котором он упомянул.

"Цветной мужчина, заявивший, что он имеет право на свободу, был схвачен как беглый раб и помещен в тюрьму города Вашингтон. О нем было объявлено, но никто не явился за ним, он был, согласно закону, выставлен на публичный аукцион для уплаты тюремного заключения и ПРОДАН в РАБСТВО ПОЖИЗНЕННО. Он был куплен работником, от которого не требовалось обеспечивать его пребывание в Округе, и вскоре он был отправлен в Александрию в один из южных штатов. Некий доброжелательный человек предпринял попытку отложить продажу до тех пор, пока не будут расследованы его претензии на свободу; но их усилия оказались тщетными; и, таким образом, человек был ПРОДАН в ВЕЧНОЕ РАБСТВО в столице самого свободного правительства на земле, даже без намека на суд или обвинения в преступлении".

Он должен быть рад узнать, что у мистера Б. было удовлетворительное объяснение этого самого отвратительного случая. Таких вещей было достаточно, чтобы заставить любого человека с трудом говорить об Америке. Если он (мистер Т.) говорил суровые вещи об этой стране, то, видит

Бог, это было не потому, что он не любил эту страну, ибо желанием и молитвой его сердца было, чтобы она поскорее освободилась от всех препятствий, мешающих ее процветанию и полезности. Он рассказал все это, потому что они должны были быть известны и заклеены так, как они того заслуживали, чтобы нация, виновная в них, могла раскаяться и отказаться от них. Он не был врагом Америки, который добросовестно указывал на ее безумства и преступления. Нет. Он был человеком, который любил Америку, который, видя, как она, подобно некоему высокому дереву, раскидывает свои ветви и одновременно дает кров и пищу всем, кто ищет убежища в ее тени, с печалью и тревогой наблюдал за червем-язвой у корня, угрожающим поглотить ее красоту и силу, и не мог успокоиться ни днем, ни ночью в своих усилиях привести столь великую и славную нацию к осознанию ее опасности и осознанию ее долга. Пусть другие выполняют приятную работу лести и панегириков, и пусть это будет его более нелюбезная, но не менее благотворная работа - провозглашать ее ошибки и обличать ее грехи, пока она не научится творить справедливость и любить милосердие.

(Он (мистер Т.) подумал, что может с некоторой долей справедливости пожаловаться на то, как с ним обошелся его оппонент. Он (мистер Т.) пошел на все уступки, которые истина и справедливость могли бы гарантировать мистеру Б.; уважал его мотивы и старательно отделял его от тех, на кого обрушивались его самые суровые порицания, — любителей и подстрекателей рабовладельческой системы. Но подобный курс по отношению к нему не применялся. Во многих отношениях его мотивы были подвергнуты импичменту, а его заявления опровергнуты настолько, что дискредитировали его намерения при их высказывании. Одним словом, всему поведению мистера Б. недоставало той вежливости, которую, как он имел право ожидать, один спорщик проявит по отношению к другому. В то же время он искренне желал, чтобы мистер Б. открыто высказал все, что он думает о его мотивах и поведении.

Еще несколько оставшихся минут, и он скажет пару слов о замыслах, приписываемых аболиционистам, в отношении привилегий, на которые имели право цветные люди. Он отрицал, что аболиционисты когда-либо требовали от чернокожих чего-либо неразумного ни в отношении политических прав, ни в отношении социальных привилегий. Они просили о своем немедленном освобождении от личного рабства и последующем наделении гражданскими правами в соответствии с тем объемом, в котором они обладали качествами, требуемыми от других. Где в документах аболиционистов была доктрина мгновенного и всеобщего предоставления избирательных прав, о которой так много было слышно? Он не знал аболициониста, который боролся бы за такое. Он ничего не просил для него сверх того, что было бы даровано ему добровольно, будь он белым. О! иметь черную кожу было ужасным преступлением! Вот и вся дисквалификация.

Большой недостаток, который мистер Б., по-видимому, находил в принципах аболиционистов, заключался в том, что они были слишком возвышенными; слишком величественными; слишком мало соответствовали духу эпохи; что при принятии своих взглядов и принципов они не учитывали нравы, привычки и предрассудки своей страны; и вся его (мистера Брекинриджа) аргументация была в пользу целесообразности. Он ненавидел это слово "целесообразность" в его обычном употреблении. Оно содержало, как он часто говорил, доктрину дьяволов. Это было так похоже на нашу порочную натуру — сделать себя немного мудрее Бога - поверить, что мы лучше, чем Божьи слуги древности, понимали наилучший способ реформирования человечества. О, если бы люди поверили Всевышнему на слово и просто выполняли свой долг, предоставив ему самому заботиться о последствиях. Несомненно, бесстрашный еврей Даниэль

в свое время считался опрометчивым человеком. Он мог бы очень легко избежать расставленной для него ловушки. Почему он не пошел в заднюю часть дома? Почему не закрыл окно? Почему он не мог молча помолиться искателю сердец? Дэниел презирал компромиссы. Он молился так, как молился всегда — вслух, — открыв окно и обратив лицо к Иерусалиму. Он смело встретил последствия. Он подошел к логову льва — он вошел, он остался; но вот! на третий день он вышел невредимым, чтобы сказать человечеству до конца времен, что, если они будут выполнять свой долг и доверять Богу Даниила, никакое оружие, созданное против них, не сработает, но Они с Его силой заткнут пасти львам и обратят в бегство армии пришельцев.

Мистер БРЕКИНРИДЖ сказал, что, насколько это касается нынешней почтенной публики, он сделает только одно замечание. Они с мистером Томпсоном уже злоупотребили их терпением, но, вероятно, сделают это не дольше завтрашнего вечера; по крайней мере, что касается его самого, он считает это ненужным, если не неприличным. Главной причиной его (мистера Б.) приезда сюда была защита церковей, служителей и христиан Америки от ложных и ужасных обвинений, которые были выдвинуты против них по всей Британии мистером Томпсоном и которые он бросил вызов всему миру, чтобы дать ему возможность доказать. На эту тему этот джентльмен до сих пор стеснялся. Он больше не мог прислуживать ему. Следовательно, они могли ожидать, что на следующий вечер он поднимет эту тему, независимо от того, последует за ним мистер Томпсон или нет. Если аудитория сочтет, что общая тема уже достаточно обсуждена — как он был склонен предполагать по некоторым признакам, — он немедленно удалится. (Легкое шипение.) Должен ли он рассматривать это как утвердительный ответ? (Возобновляется шипение.) Почему же тогда он допустил ошибку, возложив часть вины за то, что испытывал их терпение, на мистера Томпсона, и его долгом было взять все это на себя; и, когда он вернется домой, сказать своим соотечественникам, что нет обвинений слишком грубых или клеветнических, чтобы выдвигать их против них, и что сколько бы времени ни потребовалось, слушать их утомительно, но что слушание защиты и доказательства невиновности — это невыносимая усталость. (Усиливается шипение, сопровождаемое криками "нет".) Единственное оставшееся предположение состояло в том, что партизаны мистера Т. убедились, что он нуждается в помощи, и поэтому самым естественным образом оказали ее в форме организованного насилия. (Снова была предпринята попытка шипения, но была подавлена общим голосом собрания.) Г-н Т., по его словам, в конце концов выдвинул против него обвинения и пожаловался, что, хотя он (г-н Т.) неоднократно и сердечно выражал добрые чувства по отношению к нему, (г-н Б.) он ни разу не ответил на эту доброту или справедливость; и не сказал ни слова в его адрес на протяжении дебатов. Он хотел бы обратиться к Председателю с просьбой четко определить, имеет ли мистер Томпсон какое-либо право требовать или он (мистер Б.) обязан высказать свое мнение об этом человеке. Поскольку, продолжал мистер Б., поскольку я в начале сказал, что мистер Т. как личность ничего не может значить ни для меня, ни для моих соотечественников, я предпочел умолчать о нем лично. Однако, если он прав, выдвигая такие обвинения против меня, и продолжает требовать моего мнения, я бесстрашно выскажу его. Но пусть он остерегается, ибо я не назову другом ни одного человека, который зарабатывает себе на хлеб клеветой на мою страну. И тот, кто порочит моих братьев, мою родню, мой дом — все, что я больше всего почитаю, — не может почтить меня настолько, чтобы порочить меня. Им сказали, что мистер Дж. Дж. Бирни бежал из Кентукки, оставив свою жену и детей в большой опасности, и был вынужден спасти свою жизнь. Он считал правдой, что мистер Бирни, каким бы замечательным и любимым человеком он ни был,

счел за лучшее эмигрировать из этого Штата. Но то, что онсбежал, основывалось, как он полагал, на голом утверждении мистера Т. То, что он бросил свою жену и детей, полагая, что они находятся в личной опасности, требовало поразительно четких доказательств против данного джентльмена. Но он хотел показать собранию, что был один человек, который мог совершить такой поступок. (Затем мистер Б. зачитал следующий отрывок из речи, произнесенной на собрании в Эдинбурге 28 января 1836 года:)

"Он стоял там не для того, чтобы опорочить Америку. Это правда, что они преследовали его; но это было мелочью. Это правда, что они охотились на него в горах, как на куропатку; что ему приходилось читать лекции, когда нож убийцы мелькал у него перед глазами; А ЕГО ЖЕНЕ И МАЛЫШАМ ГРОЗИЛА ОПАСНОСТЬ ПАСТЬ От БЕЗЖАЛОСТНЫХ РУК УБИЙЦ".

И снова, в предисловии к той же брошюре, в которой содержится процитированная выше речь, брошюре, предназначенной, возможно, для Америки и называющейся "Голос к ней из метрополии Шотландии", встречается следующий абзац:

"Мистер Томпсон проследовал через Сент-Джонс, штат Нью-Брансуик, сел на борт британского судна, направлявшегося в Ливерпуль, куда он прибыл 4 января, а 12 января к нему счастливо присоединилась его семья, которая покинула Нью-Йорк 16 декабря.

Таким образом, из этих заявлений следует, что мистер Томпсон, полагая, что американцы намеревались лишить жизни его жену и детей, бросил их на произвол судьбы, в то время как он благоразумно позаботился о собственной безопасности, совершив побег. Что касается предполагаемого случая продажи свободного цветного человека в Вашингтоне, доказательство было таким: мистер Т. бродди снова и снова утверждал, что свободный человек был продан без суда в вечное рабство. Он (мистер Б.), не зная конкретных фактов, на которые ссылаются, но зная Америку и зная аболиционизм, категорически и решительно отрицал, что подобное когда-либо происходило или могло произойти в округе Колумбия. Мистер Томпсон вновь утверждает и триумфально доказывает это, как он говорит. Его первым шагом в доказательстве является распечатанный фрагмент, который, по его словам, является идентичным памяtnому знаку, лежащему на столе Сената Соединенных Штатов, который, как он намекает, получил и распечатал его, тем самым подтвердив его истинность. Исходя из этого принципа, я также отвергаю все обвинения мистера Т., в том виде, в каком я их услышал, и даю согласие на их публикацию. Но, добавляет он, когда-то под этим документом стояла тысяча подписей, и все они свидетельствовали об истинности его содержания. На что я отвечаю — сейчас я вообще не вижу названия для этого; и, во-вторых, если бы их было миллион, газета не утверждает и тем более не доказывает, для чего мистер Т. ее выпускает. Это просто заявляет, *что человек сказал, что он свободен*; даже не выражая мнения автора или любого подписавшего документ лица. Теперь, на основании этого случая и этих доказательств, можно почти с уверенностью сказать, что этот человек не был свободен, и чрезвычайно вероятно, что все дело вымышлено. За славный судебный приказ habeas corpus, один из главных столпов вашей свободы — привилегированный судебный приказ, в котором ни один английский судья, как его правая рука, не посмеет незаконно отказать; этот судебный приказ - одна из величайших семейных реликвий, полученных нами благодаря нашей англосаксонской крови, и он нам дороже, чем сама эта кровь. Здесь, по решению парламента, вы иногда приостанавливаете действие этого приказа; у нас не найдется тирана, который осмелился бы прошептать пожелание о его приостановлении. Итак, если этот человек был свободен или считал себя свободным, что

мешало ему с момента ареста и до продажи требовать справедливого судебного разбирательства и добиться его вынесения? Скажут ли, что он не знал своих прав? Но будут ли делать вид, что тысяча подписантов мемориала, множество аболиционистов в Вашингтоне, которыми хвастается мистер Т., не знали своих прав — в стране, где каждый человек знает свои права и готов их защищать? Если они этого не делали, то были трижды промокшими ослими, годными только на то, чтобы быть орудиями в том, чтобы заставить человечество поверить в сказку, которая не имела достаточной правдоподобности, чтобы одурачить ребенка. На основании своих собственных доказательств мистер Томпсон показал, что у него нет ни малейшего авторитета для утверждений, которые он так часто приводил при обсуждении этого дела; всеми этими утверждениями он намеревался заставить людей поверить, что в Америке не было ничего необычного в продаже свободных людей в рабство! Затем мистер Брекинридж возобновил рассмотрение принципов отмены рабства; *третьим из которых* было то, что любое предубеждение против цвета кожи греховно, и что все, что побуждает нас отказывать чернокожему в каких-либо социальных, личных, религиозных, гражданских или политических правах, которые предоставляются белому, не превосходит для него с точки зрения моральных или интеллектуальных качеств это является предрассудком и, следовательно, греховно. Он считал, что это справедливое изложение их принципов на этот счет. И он, во-первых, заметил бы по поводу них, что даже если бы они были правдой, которую он отрицал, обсуждение их было хуже, чем бесполезно. Это не могло ни продвинуть дело эмансипации, ни улучшить положение свободных чернокожих. И что бы ни говорили аболиционисты, рабы, когда их освободят, будут следовать своим собственным курсом и склонностям; и провозглашение абстрактного принципа не сможет ни в какой существенной степени изменить ни их поведение, ни поведение белых. Если, как утверждал мистер Томпсон, предубеждение против цвета кожи было национальным грехом Америки, чумой нации, то другие столь же часто утверждали, что само предубеждение изначально возникло из отношения к рабству. Последнее было болезнью, первое - простым симптомом. Если бы на земле не было черных рабов, то больше не было бы никакого отвращения к этому цвету кожи, который выходил за рамки неизменных и взаимных ограничений природы или допускался надлежащей христианской свободой. Они мало что знают о человеческих предрассудках, которые не знают, что для большей части человечества они более непобедимы, чем веления разума или импульсы самой добродетели. Поэтому дело аболиционистов должно быть признано глупым на основании их собственных показаний. Ибо они взялись разрушить сильнейший из всех предрассудков, как они сами говорят, в качестве условия, предшествующего совершению поступков, которые вообще требовали больших денежных жертв и высокого уровня моральных чувств. Но если, как я попытаюсь показать, их доктрины противоречат всему ходу природы и всем учениям Провидения, то их поведение следует рассматривать не иначе, как чистое безумие. Опять же: даже если это не наносило ущерба делу раба — чего никто не может отрицать, — возбуждать этот вопрос о цвете кожи и неразрывно смешивать его с вопросом о свободе, какая от этого была польза для него? Если белые относятся к нему с презрением, дайте ему свободу — и он может пожалеть, простить или ответить презрением в ответ. Какую выгоду он, как раб, мог получить от обсуждения, даже если от этого не было никакого вреда? Какую выгоду он мог получить как свободный человек, даже если это возбуждение не навсегда помешало ему быть свободным? Это, во всех своих аспектах, самая замечательная иллюстрация слабого, опрометчивого и невежественного фанатизма, который породил этот век, и который был из всех наиболее плодотворным проявлением зла. Правда заключалась в том, что многие права и привилегии свободных цветных людей были лучше обеспечены им в Америке, чем соответствующие права и привилегии белому

крестьянству любой другой страны земного шара. Что касается религиозных прав цветных людей, он мог только сказать, что он сидел с ними в пресвитериях, что он раздавал им Причастие вместе с белыми людьми; и что он и множество других людей сидели с ними в одном классе в наших теологических семинариях. Что касается всех историй, которые мистер Т. имел обыкновение рассказывать о том, что доктор Спрэгью закрыл часть своей церкви занавеской для цветных, то лично он ничего не знал и обратил на это внимание только потому, что это было рассказано как *образцовая* история. Он просто знал, что доктор Спрэгью считался доброжелательным человеком, и обычное милосердие требовало, чтобы он не верил ничему плохому о нем, что могло быть оправдано хорошим. Но если в этих знаках превосходства или неполноценности церкви было что-то настолько исключительное и отвратительное, пусть они не смотрят только на Америку и не ограничивают свои симпатии исключительно черными. Почти в каждой церкви Англии, в которой он бывал, от собора Святого Павла в Лондоне до деревенской церкви викария, он видел сиденья, отгороженные перилами, или занавешенные, или с подушками, или приподнятые, и некоторые из них сильно отличались от остальных. И когда он спросил, почему это так и для чьего согласия, ответ был готов. "О, это для милорда этого; или сэра Гарри того; или мистера Пребенда такого-то; или лорда епископа чего только нет". И очень часто, даже в часовнях раскольников, он видел часть скамеек более низкого качества в определенных частях дома, которые, как ему часто говорили, были бесплатными скамьями для бедных; расположение, которое произвело на него такое же благоприятное впечатление, как аналогичное в церкви доктора Спрэга, произвело на мистера Т. обратное. Это приготовление бесплатных и отдельных мест для бедных, если его правильно проинформировать, является почти повсеместным явлением как в шотландских, так и в английских заведениях, когда у бедных есть места в их церквях. Итак, если мистер Томпсон хотел начать систему выравнивания, если он намеревался проповедовать всеобщее равенство, почему он не начал здесь? Почему он не попытался обратить в свою веру Эрла Грея и лорда Мельбурна, вместо того чтобы отправиться через Атлантику, чтобы опробовать свои эксперименты на презируемых американцах? Что касается гражданских прав свободных чернокожих в Америке, то в обеих странах, но особенно здесь, придерживались самых ошибочных представлений. Правда заключалась в том, что они пользовались большими *гражданскими* правами, чем само крестьянство Британии; и эти права были полностью защищены при их осуществлении. Их право приобретать собственность любого рода, где угодно, не будучи огороженными исключительными привилегиями и древними корпорациями; их право пользоваться этой собственностью, не обремененной налогами для бедных и церковными сборами, десятиной и податями, а также неисчислимыми налогами и поборами; их право заниматься ремеслами, профессиями или бизнесом, невзирая на монополии и бесчисленные досадные и тревожные предварительные процедуры; их право быть свободными лично — не подвергаться ни принудительному наложению ареста, ни службе бесчисленной полиции: их право на заботу в болезни и нужде, без предварительно урегулированных вопросов о месте жительства; их право на быстрое и дешевое отправление правосудия без "продажи, отказа или задержки" — и без разорительных расходов; этим, с тем, что действительно можно считать гражданскими правами, пользуются свободные цветные люди почти в каждой части Америки, в степени, совершенно неизвестной миллионам британских подданных, не только в Ост- и Вест-Индии, но и в Ирландии и даже в самой Англии. Если бы им было отказано в каких-либо правах, например, приверженцам определенных профессий, например, служителям Евангелия, как это недавно сделала Вирджиния, он мог бы обратить их внимание на время, когда были приняты эти законы, и показать, что это было только

после эры отмены рабства; и этого никогда бы не было, если бы не ее ярость. Это было только после того, как они научились с помощью колокольной книги и свечи проклинать белого человека и учить рабов подстрекательству к мятежу и убийству. Природа *политических* прав, заявленных мистером Томпсоном для чернокожих в его огульном требовании поставить их на уровень полного равенства с белыми, по-видимому, была ему совершенно неизвестна, как в отношении их происхождения, так и характера. В то время как он выступал за схему в Америке, которая требовала самых масштабных политических изменений, и утверждал, что политические права являются неотъемлемым правом определенных партий, он все еще настаивал на том, чтобы заверить британскую нацию, что он никогда не касался этого вопроса в политическом аспекте! Итак, какие политические права он отстаивает для свободных чернокожих — и осуждает всю Америку за отказ из-за этого предубеждения против цвета кожи? Это избирательное право? это служебное право? является ли это совершенным, личным и политическим равенством? Если нет, то что он имеет в виду? Но если он имеет в виду, что это уже существует во всех свободных Штатах и в нескольких рабовладельческих штатах в интересах свободных чернокожих в гораздо большей степени, чем то же самое существует в Англии, в отношениях между привилегированными классами и основной массой нации, хотя все они белые, — я смело утверждаю, что большая часть свободных цветных людей в Америке пользовалась совершенными политическими привилегиями при подъеме аболиционизма, чем белых людей Британии в наши дни. Свободных чернокожих избирателей в Северной Америке было больше, пропорционально свободной черной расе, чем белых избирателей во всей Британии, пропорционально белым жителям Британской империи. И это при том, что мы даже не учитываем миллионы краснокожих на Востоке и тысячи чернокожих в Вест-Индии; и делаем Законопроект о реформе основной расчетов! Если кто-то был лишен этих привилегий, пусть аболиционисты пеняют на себя. Если в большинстве мест эти привилегии бездействовали, это только доказывает, что их использование было весьма второстепенным преимуществом — что нынешний протест является лишь более злобным и абсурдным. Что касается социальных прав, которые требовались как для рабов, так и для свободных чернокожих, то, по-видимому, в умах аболиционистов царил полная путаница идей. Хотели ли они сказать, что все различия и градации ранга несправедливы, или они имели в виду, что люди должны пользоваться правами, потому что они черные, в которых справедливо отказано белым? Кто когда-нибудь слышал о том, чтобы дворянин женился на цыганке? или о том, чтобы король Англии женился на дочери рабочего? Но факт был в том, что все указывало на то, что, проповедуя против предполагаемого предубеждения против цвета кожи, аболиционисты на самом деле выступали за всеобщее объединение. По этому вопросу было три мнения: 1. Что в штате, расположенном подобно большинству штатов Америки, государственная политика требовала запрета смешения рас; так что почти во всех штатах смешанные браки были запрещены, и во многих штатах они карались как уголовное преступление штрафом или тюремным заключением. 2. Что эта практика была нецелесообразной, но настолько невинной, что оставалась на усмотрение сторон, что, по его мнению, было мнением трезвомыслящих людей в целом в этой стране. 3. Что, поскольку главным практическим возражением против этого является греховное предубеждение против цвета кожи, это предубеждение должно быть разрушено, а противоположное право поддержано, как не являющееся ни ненадлежащим, ни нецелесообразным, при добровольном осуществлении. Этой последней или даже гораздо более сильной пропагандой объединения является доктрина аболиционизма; факты, вытекающие из их декларации независимости и встречающиеся во всех их трудах и речах. Затем мистер Брекинридж продолжил показывать крайнюю глупость и, как он считал, порочность пропаганды объединения; или так действовать

или говорить, чтобы создать всеобщее впечатление, что именно это и имелось в виду. Во-первых, результат, к которому, казалось, стремились аболиционисты, был невозможен; в самом строгом смысле этого слова, естественно или физически невозможен. Он ни в коем случае не хотел спорить с некоторыми вольнодумцами, которые, чтобы опровергнуть космогонию Моисея, утверждали, что различные человеческие расы не были плодовитыми, если смешивались за пределами заданной и очень близкой точки. Но он имел в виду вот что: все, кто верит Моисееву рассказу о происхождении человеческой расы, должны, конечно, верить, что когда-то все они были одного цвета кожи. Теперь, если бы все они могли быть объединены и снова иметь единый вид, те причины, каковы бы они ни были, которые вызвали столь большое разнообразие, через некоторое время воспроизвели бы их. И, удовлетворив мистера Томпсона и его друзей всеобщим выравниванием и перемешиванием мира, они вскоре обнаружили бы, что совершили работу, которой природа не позволила продолжать; и снова увидели бы в одном поясе на поверхности земли черного, в другом - красного, а в третьем - белого человека. И в какой бы степени они ни применяли свои принципы на практике, они находили бы пропорционально большие противодействующие причины, постоянно борясь с ними и постоянно требуя воспроизводства своей смешанной породы из первоначальных запасов. Таким образом, это фатальное возражение против их плана; ход природы против этого. Но опять же, он сказал бы в качестве второго фундаментального возражения против всех подобных схем, что везде, где в прошлой истории мира различным расам людей разрешалось свободно объединяться, один из двух сопутствующих факторов повсеместно сопровождал этот процесс, а именно полигамия или проституция. Если допустить любой из них, как невинный, объединение может легко пройти свою первую стадию; без по крайней мере одного из этих двух двигателей никогда еще не было достигнуто никакого прогресса в этой работе по борьбе с непреодолимым ходом событий. Он сожалел, что у него не было времени обсудить эти аспекты спора с той болью, которую он мог бы пожелать. Если бы он это сделал, он полагал, что, несмотря на все, что мистер Томпсон сказал или мог бы сказать о софистике, каждое из них можно было бы продемонстрировать так же ясно, как этот джентльмен мог продемонстрировать любое положение в геометрии. Опять же, в-третьих, исходя из того, что содержалось в Библии, он верил, что, сохраняя отличными друг от друга три семьи человечества, произошедшие от трех сыновей Ноя, Бог преследовал великие, но еще неразвитые цели. Насколько далеко вся история его провидения привела к одному и тому же выводу, он должен предоставить определять своим собственным размышлениям. Но при допущении того, что такая истина вообще возможна, было, конечно, естественно искать в структуре природы что—то такое, что эффективно предотвратило бы уничтожение любой расы. Один может найти это в тех общих соображениях, которые, по его мнению, делают смешанные браки нецелесообразными; или другой - во врожденных и абсолютных инстинктах этого существа. Но и те, и другие воспримут с подозрением, как несомненное и фундаментальное правило христианской морали, догму, которая требует от нас бороться против четкого руководства провидения и добрых и милосердных намерений нашего Создателя. Мы лишь слегка ослабляем свою веру, когда верим, что, как только эти цели милосердия и славы будут достигнуты и Всемогуший потребует знаменательной революции в социальном положении человека, за которую сейчас борются, мы можем искать канал связи между Ним и миром, более соответствующий Духу Его Сына, чем любой другой, который до сих пор приносил нам послания на эту тему. *Четвертое* возражение, которое поразило его против всей этой процедуры, заключалось в том, что на самом деле мир нуждается в каждой расе, которая сейчас существует на его поверхности. Потребовалось сорок столетий, чтобы привести в порядок прекрасно сбалансированные и адаптированные

отношения и пропорции огромной и сложной структуры, которую перст всепроникающей мудрости сам направлял на всех этапах ее развития. И теперь одним росчерком пера все это ниспровергается, и одно изречение неизвестно кого свершает самую грандиозную революцию, свидетелями которой были все эти сорок веков. Предположим, что цель достигнута. Если бы какая-либо из ныне существующих рас была уничтожена или очень существенно изменено ее физическое состояние, то какая большая часть поверхности мира быстро обезлюдела бы и оставалась такой до тех пор, пока не было бы восстановлено нынешнее положение вещей! Если бы это могло случиться со всеми *расами*, кроме одной, какое крушение было бы на земле! Тот, кто посмотрит глазами христианина за границей на человеческие семьи, должен почувствовать, что для осуществления великих надежд, которые его сердце возлагает на этот разрушенный мир, ему нужна каждая раса, которая сейчас населяет его; и должен увидеть руку Божью в столь быстром и столь явном пресечении этой пагубной ереси. В-пятых, он выдвинул аргумент против объединения, который сразу показал несправедливость протестов против Америки и полная невнимательность мистера Томпсона и его партии. Дело в том, что это предубеждение против цвета кожи, как его называли, было во всех отношениях взаимным; и оно было далеко не особым грехом Америки, а общим инстинктом человеческой расы, и существовало на стороне цветного населения так же реально, если не так сильно, как на стороне белых. В доказательство этого мистер Брекинридж привел случай с Хейти, где ни одному человеку не предоставляются права гражданства, если в его жилах не течет определенная доля негритянской крови; и случай с Ричардом Ландером, который во время путешествия по внутренней части Африки в качестве слуги Парка пользовался сравнительной благосклонностью туземцев из-за своего смуглого цвета лица, в то время как его хозяин, обладавший очень светлым цветом лица, был гораздо менее любим из-за этого. Североамериканские индейцы и чернокожие смешивались легче, чем индейцы и белые, в то время как последняя связь, что на самом деле не редкость, образуется в результате брака белого мужчины с женщиной; никогда или крайне редко - между индейцем и белой женщиной, незначительное и наиболее преувеличенное число мулатов почти без исключения являются потомками белых мужчин и цветных женщин. Эти факты, казалось, демонстрировали реальность и природу взаимного отвращения, о котором я говорил; отвращение, которое никогда не преодолеть, кроме как в грубых умах. И весь поток замечаний доказывает, что те, кто пытался способствовать объединению, в равной степени борются против целей провидения, убеждений разума и лучших побуждений природы. Ему было что сказать, но время не дало ему этого сделать, о духе, в котором пропагандировалась отмена смертной казни в Америке. Поэтому он просто заметил, можно ли это воспринимать как комплимент или наоборот, что дух всех речей мистера Томсона, которые он слышал или читал, может дать им сносное представление о духе аболиционизма повсюду: духе, который многие, казалось, считали ниспосланным свыше, но про себя он молился, чтобы его уберегли от любого подобного духа. Ему также было что сказать о злобном чувстве и духе неповиновения, которые возникли в результате обсуждения этих вопросов в сердцах множества свободных цветных людей. Беспорядки, о которых так много говорилось в этой стране, столь же часто вызывались неосторожностью и наглостью этих введенных в заблуждение людей, как и беспричинным насилием и предрассудками низших классов белых. Вследствие влияния якобинских принципов аболиционистов многие свободные цветные слуги оставили работу, которую они занимали в течение многих лет; потому что впервые выдвинутое тогда требование о полном домашнем равенстве со своими хозяевами было отклонено; в то время как многочисленные случаи оскорбления женщин на улицах наших городов свидетельствовали о том же времени

года и духе. Ему также было что сказать о широко распространенном чувстве, ожидающем немедленного освобождения на расстоянии и силой, которое внезапно и, если аболиционисты невиновны, как они притворяются, чудесным образом овладело умами рабов по всей южной стране; и которое привело к таким суровым и, при необходимости, еще более печальным последствиям. В оправдание своего поведения мистер Томпсон сказал, что убеждение еще никого не побудило ослабить свою власть над рабами - и что что касается Америки, в частности, то ее никогда не заставят чувствовать себя обязанной по этому вопросу, пока не пробудятся ее гордость и страхи. На это он ответил бы, что, что касается гордости, возможно, Америка получила свою долю этого; но если не следует ожидать отмены смертной казни до тех пор, пока ее опасения не оправдаются, он опасается, что у них еще останется достаточно времени, чтобы отправить мистера Томпсона в несколько новых путешествий, прежде чем вся страна испугается его условий.

ПЯТЫЙ ВЕЧЕР — ПЯТНИЦА, 17 июня.

Мистер БРЕКИНРИДЖ сказал, что порядок упражнений этого вечера, без чьей-либо вины, поставил его в не самое естественное положение. Учитывая, что его обязанностью было поддержать отрицательный ответ по данному вопросу в ходе сегодняшней вечерней дискуссии, было бы наиболее естественно, если бы это утверждение было озвучено первым. Он сказал, что в таком расположении нет ничьей вины, потому что не было известно, что этот вопрос будет обсуждаться именно сегодня вечером; ибо, если бы это произошло вчера вечером или завтра вечером, порядок был бы таким, каким он должен быть. Его положение, однако, несколько улучшалось тем фактом, что ничто из того, что мистер Томпсон мог сказать сегодня вечером, через час или два, не могло изменить утверждений, которые он уже неоднократно делал и публиковал в Великобритании. С тех пор как было опубликовано сообщение об этой дискуссии, он, по провидению Божьему, получил в свое распоряжение шесть или семь статей и брошюр, содержащих суть того, что было сказано мистером Томпсоном по всей стране и повторено ассоциированными организациями его друзей под его присмотром. Внимательно прочитав их, он обнаружил, что почти полностью владеет обвинениями и показаниями этого человека против служителей, частных христиан и церквей Америки; поэтому он примет их такими, какими нашел в этих публикациях, в то время как присутствие мистера Томпсона позволит ему объяснить, исправить или опровергнуть все, что может быть ошибочно заявлено. Первое, что он должен был попытаться сделать, это поставить под сомнение компетентность мистера Томпсона как свидетеля по этому или любому подобному делу. Мистер Томпсон показал, что он был совершенно некомпетентен, мудро собирая и добросовестно передавая свидетельства по любому вопросу, затрагивающему великие и сложные принципы. Он не хотел говорить ничего лично оскорбительного мистеру Томпсону; но он должен быть откровенен, и сначала он представит доказательства своих слов, которые заключались в том, что он относился ко всей этой нации совершенно *ad hominem*. Он покажет собравшимся, что мистер Томпсон сказал о них, и тогда они лучше рассудят, насколько он компетентен выступать свидетелем против

американцев. На встрече в Hopeton Rooms в Эдинбурге после своего возвращения из Соединенных Штатов мистер Томпсон сказал:

На самом деле мы были в худшем рабстве, чем рабы Соединенных Штатов. Мы целовали свои цепи и сжимали в объятиях кандалы. Нами управлял наш пьяный аппетит.

Лектор в заключительной части своего выступления в тоне высокого морального чувства изобразил деградирующее состояние Великобритании как нации вследствие ее крайнего пьянства. Он показал, что привычки к невоздержанности, или чувства и предрассудки, порожденные невоздержанностью, пронизывают каждый класс, от высшего до низшего, от самого богатого до самого бедного. Государственные деятели преклонялись перед алтарем целесообразности; и, кроме всего прочего, святилище не было чистым. Как христианская нация, мы были парализованы в наших усилиях по евангелизации мира — частично из—за миллионов и миллионов, фактически потраченных на пылких алкоголиков, частично из-за эгоистичных и деморализующих чувств, которые, как было известно, вызывало это потворство своим чувствам. Как могли мы, как нация, упрекать Америку в ее системе рабства, когда мы сами всего лишь наслаждались добровольным рабством в тысячу раз более оскверняющего и отвратительного вида? В нашей собственной стране, можно сказать, существовал, так сказать, заговор против тел и душ ее народа.

Теперь в любом суде он отстаивал бы свою позицию на том факте, что человек, произнесший эту речь, должен быть *мономаньяком*, и он верил, что ни один компетентный суд, выслушав это, не примет его показания относительно характера или поведения какой-либо нации на лице земли. Или, если оставались сомнения по этому поводу, он должен был показать, исходя из тяжести своих обвинений против Америки, что он говорил в том же общем духе и почти в тех же выражениях о ней, что и о Великобритании, хотя вина, найденная в каждой стране, была совершенно разной. Он говорил о каждой из них как о самой худшей нации на земле из-за особого обвинения в совершении преступления. Любой человек, который мог позволить себе сказать, что две самые просвещенные нации на земле были, по сути, двумя самыми деградировавшими нациями на земле; кто мог позволить себе последовательно выдвигать такие *язвительные обвинения* против двух великих людей из-за грехов небольшой части каждого, на которую он смотрел до тех пор, пока не мог видеть ничего другого, и с упорством колотушки по золотым листьям проявлял свою изобретательность в распространении до крайних пределов на каждое сообщество; человек, который не только мало что видит, чтобы любить все, что не унаследовано от него самого, и который в тот момент, когда он обнаруживает пятно на своих братьях или своей стране, вместо того, чтобы отступить назад и скрыть это с сыновней почтительностью старших сыновей Ноя, насмехается над этим с грубой и бесчувственной горечью Ханаана; такой человек заслуживает импичмента как некомпетентный свидетельствовать. Нет, я ставлю вопрос так, как поставил его мистер Томпсон. Если эта нация такова, какой он ее описал, я требую ответа с неопровержимым акцентом, как она может осмеливаться требовать от нас или любого другого народа отчета по какому бы то ни было вопросу? Если, с другой стороны, то, что он сказал об этой нации, ложь, я в равной степени требую, как можно верить ему в том, что он говорит о нас - о любой другой нации под солнцем? После этого предостережения против всего, что мог бы сказать такой свидетель, он, прежде всего, отметил бы, что все обвинения, выдвинутые мистером Томпсоном против американцев,

были пропитаны такой горечью и невозддержанностью, которые должны были бы пробудить подозрение в умах всех, кто их слышит. Была заметна не только сильная национальная антипатия ко всей этой стране, но и сильное предубеждение местных партий в пользу одной стороны и против другой, что в любом беспристрастном суде должно было бы значительно ослабить доверие, которое в противном случае могло бы быть приписано его показаниям. Помимо открытой враждебности к нации как таковой и самой завидной ненависти к определенным людям, партиям и принципам в Америке, свидетель продемонстрировал такое уязвленное чувство тщеславия из-за отсутствия успеха в Америке; такое превозношение своих друзей, и это как раз пропорционально их раболепию перед ним, и такое презрительное и незаслуженное обесценивание своих оппонентов, что должно насторожить каждого человека, который читает или слышит его корректуры. Что касается мнений и заключений такого человека, даже исходя из признанных фактов, то они, конечно, ничего не стоят; а его выводы, сделанные понаслышке и досужим сообщениям, хуже мусора. Но я хочу сказать, что такой свидетель, рассматриваемый строго как свидетельствующий о том, что он утверждает из своих собственных знаний, должен быть заслушан справедливым человеком с очень большой осторожностью. Со своей стороны, рискуя быть снова названным этим информатором мелочным мошенником, я вынужден сказать, что его поведение полностью подрывает доверие к нему, поскольку ранее было показано, что оно влияет на его компетентность; и хотя я обладаю специфическим знанием фактов, достаточным для утверждения, что его основные обвинения ложны, я полностью верю, что дело, которое он сам выдвинул, само по себе оправдывало всех хороших людей, делающих тот же вывод, просто исходя из общих принципов. Я рискну пойти еще дальше и выразить мнение, что те, кто знаком с мистером Томпсоном в том виде, в каком он предстает перед публикой, и кто осведомлен о прошлом успехе, который действительно сопровождал его усилия по освобождению Вест-Индии, или в который он позволяет себе верить (успех, однако, которого я не понимаю, поскольку дело было улажено против него и его партии по двум главным пунктам, на которые они поставили себя, а именно, *немедленная отмена смертной казни* и *отсутствие компенсации*), те, кто может вспомнить подготовку и претенциозность, с которой он отправился в Америку, гигантская работа, которую он там для себя проделал, сокрушительное поражение, с которым он столкнулся, и ужас, в котором он бежал из страны, - всего этого может оказаться достаточно, чтобы оправдать опасения, что судьба Джорджа Томпсона занимает такое же большое место в его воспоминаниях об Америке, как и судьба бедного раба. Во-вторых, я обвиняю мистера Томпсона в том, что те части его заявлений, которые, возможно, отчасти правдивы, изложены таким образом, что создают ложное впечатление и оказывают почти такой же эффект, как если бы они были полностью ложными, на умы тех, кто их читает или слышит. Это является результатом постоянной манеры заявлять то, что, возможно, является правдой; и это не только рассчитано на то, чтобы произвести ложное впечатление и заставить случайного читателя поверить в результат, отличный от того, который был бы представлен, если бы мистера Томпсона под присягой заставили рассказать всю правду, но и единообразие и ловкость, с которыми это делается, оставляют нас удивленными, как это могло быть случайным. Он (мистер Б.) предположил, что все они прочитали или будут читать обвинения мистера Томпсона. Сделав это, они лучше поймут, что сейчас имеется в виду; но тем временем он проиллюстрирует это одним-двумя примерами. Таким образом, когда мистер Т. говорил о министрах в Соединенных Штатах как о рабовладельцах, он делал это таким образом, чтобы заставить читателя поверить, что это было обычным делом; что большинство из них, если не все, были рабовладельцами. Он не сказал им, что ни один из министров в целых двенадцати штатах не был или легко мог быть

рабовладельцем, поскольку они не были жителями рабовладельческого штата; он не сказал им, что случаи, когда министры владели рабами, были редкостью даже в некоторых рабовладельческих штатах; и не является образцом большинства ни в одном штате Союза; он оставил обвинение неопределенным и не снизошел до того, чтобы сообщить, составляло ли число министров, обвиняемых таким образом, половину, или одну треть, или одну четвертую, или одну сотую часть от общего числа в Соединенных Штатах. Он оставил это совершенно неопределенным, сославшись на широкое обвинение в том, что американские министры были министрами-рабовладельцами; зная, возможно, намереваясь, что создаваемое впечатление должно быть о совокупной массе американских министров; когда он сам все это время знал, что подавляющая масса американских министров никогда не владела рабами; и что те, кто имели, были скорее исключениями из общего правила, чем образцами целого. Вполне уместно спросить, насколько менее греховно было лишать людей их доброго имени, чем их свободы? Не довольствуясь даже этой несправедливостью, мистер Томпсон зашел так далеко, что обвинил министров Америки в торговле рабами; *министры-работоторговцы и министры-работоторговцы* были среди его распространенных обвинений. Теперь, сказал мистер Б., он наложит на себя строгие ограничения и ответит на эти заявления так, как если бы они не были одновременно чудовищными и невыносимыми. Термины, использованные мистером Томпсоном, были повсеместно поняты в Соединенных Штатах как означающие регулярную торговлю рабами в качестве бизнеса. Смысл здесь был тот же, и каждый, кто слышал или читал одну из его печатных речей, был *ex vi termini* обязан понимать это обвинение так же, как и предыдущее, как выражающее его свидетельство относительно поведения американских министров в целом, если не универсально.

Теперь я признаю, что в Америке может быть один министр на тысячу, а может быть, и на пятьсот, который в какой-то период своего служения, когда у него не было достаточного освещения по этому вопросу, покупал или продавал рабов один раз, или, возможно, дважды, или, возможно, трижды. Но я торжественно заявляю, что никогда не знал, не слышал и не верю, что во всей Америке существует хоть один такой священник, как описанный выше; и ни одна секта, которая поддерживала бы с ним общение. Он выдвинул бы против *третьего генерального директора* обвинения иного рода, чем предыдущие. М-р Томпсон, когда обобщения терпят неудачу, берет какой-нибудь крайний случай, который, вероятно, мог бы быть основан на правде, и приводит его как образец общей практики; таким образом, создавая ложными примерами, а также неопределенными обвинениями впечатление, которое, как он знает, совершенно не соответствует истине. Если бы он (мистер Б.) рассказал в Америке, что по пути на это собрание сегодня вечером он увидел двух слепых мужчин, которые просили милостыню на улицах, скрестив руки, чтобы не упасть, в то время как толпа лениво проходила мимо них; и если бы он привел это как пример того, как обращались с несчастными бедняками в Шотландии, он не произвел бы худшего впечатления и не сделал бы более несправедливого изложения факта, чем мистер Томпсон, почти без исключения, в своих заявлениях об Америке. Подобный дух и практика, подобные этой, пронизывали все выступления мистера Томпсона. Он выбирал несколько примеров, чтобы усилить свой смысл. В Нэшвилле, штат Теннесси, была единственная пресвитерианская церковь. Теперь ему (мистеру Б.) случилось, по провидению Божьему, быть немного знакомым с прошлой историей этой церкви; и он был счастлив назвать ее нынешнего доброжелательного служителя своим другом. Следовательно, он мог говорить об этом, исходя из своих собственных знаний. Мистер Томпсон сказал, что в Нэшвилл приехал молодой человек, который либо по собственной неосторожности, либо из-за жестокости того

смутного времени был арестован, предстал перед народным комитетом, признан виновным в распространении крамольных газет и приговорен к порке; что он получил двадцать ударов плетью, а затем был освобожден. Он считал это по существу правдой и хорошо помнил, что слышал об этом происшествии; и, приняв рассказ молодого человека об этом за правду, он был сильно потрясен этим и теперь не имел ни малейшего представления о том, чтобы защищать его. Но в изложении дела мистером Томпсоном было незначительное искажение, которое свидетельствовало о странном безразличии к фактам. Мистер Т. сказал, что молодой человек поехал в Теннесси продавать библии для хижин, в чем он преуспел, по той причине, добавляет рассказчик, что Библий на Юге было мало; хотя он не мог не знать, что до рассматриваемого периода каждая семья во всех этих Штатах, которая хотела получить Библию, была снабжена ею различными библейскими обществами. Это, однако, не было главной причиной для упоминания данного случая; но было упомянуто случайно, чтобы показать природу чувств и обвинений, которым предавался этот джентльмен. Далее в его отчете говорилось, что в этой пресвитерианской церкви было иногда семь, иногда одиннадцать пресвитерианских старейшин. Это не было сделано для того, чтобы как-то подчеркнуть несоответствие, поскольку в этом мог быть виноват репортер. Но семь или одиннадцать человек снова и снова обвинялись в том, что все они, каждый до единого, присутствовали, пытались наказать несчастного молодого человека и соглашались с ним, "вспахивая ему спину" и смешиваясь, возможно, с толпой, проклиная его, даже за его молитвы. Чтобы сделать этот случай невыразимо ужасным, добавляется, что эти семь или одиннадцать старейшин, как часть из них, раздали элементы сакраментации стороннику отмены смертной казни за ту самую субботу до этого, в день, когда семь старейшин участвовали в этом безобразии. Теперь, во-первых, я скажу, что если бы эта история была буквально правдой, никто не знает лучше, чем мистер Томпсон, что никакая ложь не могла бы быть более вопиющей, чем сказать или намекнуть, что этот случай был бы довольно средним образцом того, чего обычно можно ожидать от ведущих людей американских церквей в подобных обстоятельствах. И все же для этой цели он неоднократно использовал его! Ни один человек не мог знать лучше, чем он, что если бы этот случай был правдой во всех его частях, то его повсюду сочли бы жестоким и беспрецедентным событием, которое вообще могло произойти только при самых экстраординарных обстоятельствах. Тем не менее, он так заявлял об этом снова и снова, что создавалось впечатление, что это прекрасный образец американского христианства. Но, сказал мистер Б., я ставлю под сомнение все части истории, которые затрагивают любого христианина. Я не верю этим заявлениям. Позвольте мне представить доказательства. Я не верю, что в рассматриваемой церкви было семь или одиннадцать старейшин. Запишите их имена. Если их было так много, то практически невозможно, чтобы каждый из них входил в сравнительно небольшой комитет, судивший аболициониста. Предъявите доказательства; и я верю, что окажется, что если кто-то из них и присутствовал, то только для того, чтобы смягчить народное насилие; и что его влияние, возможно, спасло жизнь тому, кого он обвиняет в угнетении. Он не хотел ставить свое утверждение под сомнение доказательствами; но, исходя из своего опыта и общего знания сторон, он без колебаний высказал свое мнение о том, что факты, когда они будут известны, не оправдают утверждения мистера Томпсона даже в отношении конкретного дела; и, полагая это, я снова оспариваю его авторитет. Но, если это верно во всех своих частях, я повторяю, то это совсем не правда - сказать, что в нем представлен достойный образец старейшин пресвитерианских церквей Америки. Другой случай, сходный с предыдущим по своему принципу, обнаруживается в том, что мистер Томпсон сказал о баптистах Южных Штатов. По его словам, в этих Штатах насчитывается более 157 000 членов в более чем 3000 баптистских

церквях, "почти все как служители, так и прихожане являются рабовладельцами". Если допустить, что это утверждение верно и что у каждого рабовладельца в среднем по десять рабов, что слишком мало для истины, то количество рабов, принадлежащих Баптисту Южных Штатов, будет равно 1 570 000. Если это правда, а перепись 1830 года также верна, то осталось всего около 500 000 рабов, которых нужно было разделить между всеми другими церквями; в результате у остального народа вообще не осталось ни одного! Так что после всего этого, хотя церкви и плохи, нация достаточно чиста.

Давайте теперь сделаем некоторую скидку на расточительность этого джентльмена, тем более что он действительно думал, что его слова были исправлены, и разделим его 157 000 баптистов на 52 000 семей, по три профессора религии в каждой. Это больше, чем в среднем по каждой семье, особенно в церкви, куда допускаются только взрослые; и истинное число семей при таком количестве профессоров было бы ближе к ста пятидесяти тысячам. Двадцать рабов на семью - это ниже среднего показателя среди рабовладельческих семей Юга; так что при самом низком показателе баптисты в нескольких штатах, по словам этого человека, владеют по меньшей мере 1 040 000 рабов, или более половины от числа, которое наша последняя перепись дает всему союзу. Чрезвычайная глупость таких заявлений стала бы более очевидной для аудитории, когда они поняли бы, что такая же большая доля всех чернокожих, как и всех белых в Америке, исповедуют религию; что более половины всех рабов, исповедующих религию, являются баптистами; и что, следовательно, если в Южных Штатах насчитывается 157 000 баптистов, то вместо того, чтобы быть "почти всеми рабовладельцами", по крайней мере треть из них сами являются рабами. Он привел эти примеры, чтобы показать, что мистер Томпсон взял крайние случаи, содержащие некоторую долю правды, за образцы всей Америки и тем самым произвел совершенно ложное впечатление. То, что в них было правдивого, было настолько чудовищно преувеличено, что ни на одно из его свидетельств нельзя было положиться. И это стало бы еще более очевидным после рассмотрения выдвинутого мистером Томпсоном обвинения в том, что сами церкви в Америке владеют рабами; и в нескольких его выступлениях содержится прелестный небольшой диалог с некоторыми рабами на полях, весь интерес которого сосредоточен на том, что они называют себя "*рабами Церкви*". Об этом говорилось как бы в соответствии с обычным ходом вещей в Соединенных Штатах. Действительно, мистер Томпсон не только говорил со своей обычной яростью и обобщенностью о "церквях-рабовладельцах Америки" и заявил о своем убеждении, что "вся вина системы" должна быть возложена "на церковь Америки"; но и на самой последней совместной выставке его самого и его друга *Мозеса Ропера* в Лондоне, последний заявил в одной из своих обычных интерлюдий к мистеру Томпсону, возможно, в его присутствии, безусловно, без каких-либо возражений, что рабовладение повсеместно практикуется "всеми христианскими обществами" в Америке; общества друзей только за исключением. В Америке, возможно, покраснеют, узнав, что глупая ложь бедного негра была встречена лондонской публикой одобрительными возгласами.

Что же тогда должны делать подобные заявления мистера Томпсона, сделанные намеренно и неоднократно, с бесконечным притворством искренности и привязанности, какие чувства *могут* они возбудить; и как эти оскорбленные люди отнесутся к легкомыслию, которое заставило христиан Британии поверить и повторить обвинения, в которых нелегко сказать, меньше правды или больше злонамеренности? Ибо как обстоят дела на самом деле? Какая церковь владеет рабами? Какая христианская корпорация является собственником людей? Из наших десяти тысяч церквей, возможно, половина вовлечена в этот грех? Возможно, десятая

часть? Наверняка, по крайней мере, в одной пресвитерии? Нет, в этой горе вымысла есть лишь крупица правды, подтверждающая его огромные и ненавистные масштабы. Если во всей Америке и есть больше пяти общин, владеющих рабами, то я никогда о них не слышал. Фактическое число, о существовании которого я когда-либо слышал, составляет, я полагаю, ровно *три*! Все они являются пресвитерианскими конгрегациями и церквями, расположенными в южной части Вирджинии, и попали в свое плачевное положение следующим образом: — Много лет назад, в те времена невежества, когда Бог подмигнул, — когда такой человек, как Джон Ньютон, мог отправиться в работорговое путешествие в Африку и написать в ответ, что он никогда не наслаждался более сладким общением с Богом, чем в этом путешествии; в течение такого периода несколько благонамеренных людей завещали небольшое количество рабов для поддержки Евангелия в трех или четырех церквях. Это прискорбное наследие увеличилось и приумножилось само по себе в значительной степени, а при нынешних обстоятельствах - в высшей степени неудобно. Факт, который ставит в явное противоречие утверждение этого "обвинителя братьев", представляющего их положение как состояние необычных лишений и страданий. В последние годы эти случаи привлекли внимание и вызвали большое беспокойство у некоторых лиц, связанных с этими церквями. На этой трибуне я располагаю любезно предоставленным мне, как и большинством других документов, которые у меня есть, с тех пор как эти дебаты стали достоянием общественности, томом писем, написанных преподобным мистером Пакстоном, в то время ее пастором, в одну из этих церквей по всему делу. Этот джентльмен сейчас находится по эту сторону Атлантики и, возможно, сможет объяснить, что мистер Томпсон так старательно скрывал; что он был сторонником колонизации; как он освободил своих собственных слуг и отправил их в Либерию; как он трудился в этом конкретном вопросе со своей церковью задолго до существования аболиционизма; и как, сочтя трудности непреодолимыми, он написал этот добрый и скромный труд, стоящий всей когда-либо поднятой пены за отмену смертной казни, - и оставил дело, в котором ему было так трудно сохранить одновременно чистую совесть и благотворное влияние. Однако никто не поймет, что даже эти немногие церкви достойны огульных оскорблений, которыми мы обрушиваемся на них, и все это ради них; равно как и того, что их нынешний путь исполнения обязанностей легок или незамысловат. Независимо от того, есть ли четкие условия в первоначальных документах, передающих рабов в доверительное управление для определенных целей; или же общий принцип закона, который передавал бы рабов государству или наследнику первого владельца с их приумножением, — в случае невыполнения намерения дарителя, либо по воле Божьей, либо самих сторон, ставит этот вопрос в затруднительное положение; совершенно очевидно, что более мудрые и достойные люди, чем мистер Томпсон или я, убеждены, что эти очерненные церкви не имеют никакой власти освободить своих рабов. Считается, что если бы церкви отказались от рабов, это привело бы только к тому, что они оказались бы в вечном рабстве у наследников первоначальных владельцев. Поэтому они справедливо сочли, что для самих рабов будет лучше, если они останутся такими, какими были, в состоянии номинального рабства, а не будут переведены в настоящее рабство. Таково реальное положение нескольких случаев, которые сначала были выставлены как грех, если не фактическое состояние американских церквей; а затем преувеличены до предельной низости, скрывая каждое смягчающее вино обстоятельство, добавляя некоторые совершенно новые и искажая все факты. Правильно это или нет, но такое же положение вещей существует в Обществе друзей в Северной Каролине, в частичной степени и в другой форме. Они не считали себя подлежащими справедливому порицанию, хотя у них был титул и власть над рабами как у отдельных лиц, в то время как они отдавали им весь свой заработок и собирали крупные суммы от своих братьев в

Англии, которые направлялись в пользу этих рабов. Уже не в первый раз против Церкви Божьей выдвигаются обвинения в том, что Иуда подобен всем язычникам. Но все, кто встает на такой путь, встретились с общей участью хулителей народа Божьего; и они, вместе с теми, кто избрал их участь, могут найти в слове жизни худший конец, уготованный им, чем даже тем, кого они осуждают, в случае, если бы каждое произносимое ими слово было правдой. Мы благословляем Бога за то, что никакое оружие, созданное против Сиона, не может принести успеха. Был еще один случай, который он отметил в этой главе как требующий некоторого комментария, который не терпит упущения, касающийся рядовых членов христианских церквей в Соединенных Штатах, случайный слушатель или читатель речей мистера Томпсона поверил бы, что гораздо большая часть из них действительно владели рабами; что очень немногие, и они почти исключительно аболиционисты, считали рабство вообще неправильным; что они единодушно лишили рабов всех религиозных привилегий и использовали их не только как движимое имущество, но и как ничто иное, кроме движимого имущества. Согласно нашей последней переписи, в Америке насчитывалось около 11 000 000 белых, 2 000 000 рабов и 400 000 свободных чернокожих, что составляет в общей сложности почти тринадцать с половиной миллионов. Все рабы были собраны в 12 самых южных штатах, свободных чернокожих было недалеко от половины в свободных и половины в рабовладельческих штатах, а из белых более 7 000 000 были в свободных и менее 3 000 000 в рабовладельческих штатах. Лучшая информация, которой я располагаю по этому вопросу, позволяет мне сказать — примерно 1 человек из 9 по всей стране, как чернокожих, так и белых, является членом христианской церкви, причем эта доля несколько больше на севере и сравнительно меньше на юге. Таким образом, в Соединенных Штатах насчитывается более 1 100 000 белых христиан, из которых около 800 000 живут в 12 свободных Штатах и не владеют рабами и не считают рабство правильным; на 12 рабовладельческих штатов приходится более 330 000 человек. Теперь, если эти белые христиане в рабовладельческих штатах владеют всеми рабами, а остальные 8-9 % белых вообще ничем не владели, то там на каждого христианина будет приходиться всего около 6 рабов, что намного ниже среднего показателя рабовладельцев; и весь Север, и весь Юг, кроме христиан, бесплатно и без вины, в конкретном случае. Но если мы разделим этих христиан на семьи и предположим, что их может быть столько, сколько каждый третий или четвертый из них является главой семьи, скажем, 100 000; и что они владеют всеми рабами: в этом случае на каждого белого главу христианской семьи в рабовладельческих штатах приходилось бы в среднем по двадцать рабов. Но и здесь все рабы были бы поглощены: весь невинный Север, более двух третей христиан на Юге оказались вовсе не рабовладельцами; и все последователи дьявола полностью невиновны в этом преступлении. Эти расчеты показывают, что эти обвинения столь же беспочвенны и абсурдны, как и все предыдущие. И хотя до боли верно, что в рабовладельческих штатах слишком много христиан все еще владеют рабами; столь же верно и то, что их доля невелика по сравнению с теми, у кого их нет, даже в этих Штатах. Если мы предположим, что христиане в Америке находятся примерно в равном положении по богатству с другими людьми; и у них не больше совести по поводу рабства, чем у окружающих их в рабовладельческих штатах; и что двадцать рабов можно считать средним показателем для каждого хозяина; и девятая часть людей набожна, как указывалось ранее, из этого следует, что только около 11 000 исповедующих религию могут быть рабовладельцами; или примерно один из каждых ста от общего числа в стране. И все же каждое из вышеперечисленных предположений направлено против церквей, и все же на этом основании искренний, любящий брат-христианин выдвигает обвинения против них всех! Единственная оставшаяся иллюстрация склонности мистера Томпсона представлять немного правды таким образом, чтобы иметь все

последствия огромного искажения, касается его собственной позиции, действий и страданий в Америке. "Четырнадцать месяцев тяжелого труда, опасностей и преследований, почти беспрецедентных"; "были наемные мирмидонцы, жаждавшие моей крови"; "тысячи ждали, чтобы порадоваться моему уничтожению"; "когда какой-либо человек скажет Джорджу Томпсону, что отдал свою жизнь в его руки и отправился туда, где процветает рабство"; когда мне, Джорджу Томпсону, скажут, что меня пощадят" и т.д. Подобные заявления до бесконечности заполняют все его речи; и сейчас на них обращают внимание не с целью прокомментировать или даже опровергнуть их, а чтобы предоставить моим соотечественникам возможность, которые, возможно, случайно увидят отчет об этом обсуждении, свидетельствуют, как часто пишут в наших сертификатах, "о скромности, неподкупности и хорошем поведении" данного человека.

Следующим он перешел бы к четвертому общему возражению против показаний мистера Томпсона относительно Америки, которое заключалось в том, что многое из них в самом строгом смысле слова не соответствует действительности. Например, мистер Томпсон дважды выставял беглого раба вперед на платформе в Лондоне; или, по крайней мере, потворствовал этому; который заявил, что, насколько ему известно, некий мистер Гаррисон из Южной Каролины заплатил 500 долларов за раба, чтобы тот мог сжечь его, и что впоследствии он сделал это без помех или вызова. Этому утверждению мистер Т. еще ни разу не противоречил ни в одной из своих многочисленных речей, хотя он должен был знать, что оно не соответствует действительности. Я сам несколько раз обращал его внимание на эту тему, и все же единственный ответ - "выразительное молчание". Затем я недвусмысленно оспариваю его уведомление об этом деле; и хотя я торжественно заявляю, что, по моему убеждению, любой, кто совершит подобный поступок в любой части Америки, будет повешен, я столь же недвусмысленно обвиняю мистера Томпсона в том, что он поддержал это умышленное искажение информации.

В качестве другого примера того же рода вам сообщают, что свободный человек был продан из тюрьмы в Вашингтоне как раб, даже без формы судебного разбирательства; что еще более усугубляется утверждением, что это подтверждается как факт, свидетельством в 1000 подписей. Этот вопрос, когда представлены собственные доказательства мистера Томпсона, сводится к следующему: по словам мистера Томпсона, была тысяча подписей под неким документом, в котором говорилось, что некий человек, взятый в качестве беглого раба, заявил, что он свободен! Если бы он был рабом, все дело рушилось; был ли он рабом или нет, это был факт, который можно было бы провести судебное расследование и принять решение, если бы наиболее заинтересованное лицо или любой другой человек захотели потребовать этого. Так что на самом деле все заявления мистера Томпсона, касающиеся этого часто повторяющегося случая, являются чисто необоснованными. И с каким ужасом каждый порядочный человек должен услышать, что мистер Томпсон в течение последних двух или трех недель рассказывал толпе людей в часовне мистера Прайса на Девоншир-сквер, Лондон, намекая на этот самый случай, что бедный чернокожий "ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛ СВОЮ СВОБОДУ", а затем был "продан в вечное рабство"! И все же на этом вымысле он основывает одну из своих самых эффектных "иллюстраций американского рабства" и некоторые из своих самых яростных обвинений американского народа. О, стыд, где же твой румянец! Он мог бы, если бы позволило время, представить другие случаи — в принципе, возможно, более тяжкие, чем эти; в которых не было ни ложных утверждений Мозеса Ропера, ни мнимых доказательств искаженных ходатайств, чтобы создать видимость доказательств; и которые не могло объяснить ничто,

кроме самого экстраординарного невежества или безрассудства. Таковы утверждения, сделанные им самим или его помощниками в его присутствии, что рабов привозят в округ Колумбия из всех рабовладельческих штатов для продажи; что средний срок жизни рабов, доставляемых в Южные Штаты, составляет пять лет; что рабов без суда и даже допроса часто казнили десятками, двадцатью и даже тридцатью; что на знамени Соединенных Штатов, которое развевалось над конгрессом работорговцев посреди невольничьего рынка всей страны, было написано слово "Свобода" (и это единственное предложение содержало три искажения ;) что религиозные люди взвешивали детей на весах и продавали их по фунту, как мясо; — что в Америке было 2 000 000 рабов, которые никогда не слышали имени Христа; что ни одного белого человека никогда не будут уважать после того, как его увидят пожимающим руку цветному человеку; все эти *безымянные* утверждения содержатся, наряду с вдвое большим количеством других подобных им, в одной-единственной газете (лондонский *патриот* от 1 июня 1835 г.) и в части отчета только о двух встречах мистера Томпсона! Увы! бедная человеческая натура! Теперь, когда он рассказал все, что позволяло ему время, о доказательствах против Америки, он хотел бы представить им несколько встречных свидетельств по нескольким частям этого великого предмета. Одно время он очень боялся, что ему придется просить их поверить ему просто на слово, возможно, перед лицом других доказательств; но по провидению Божьему в его распоряжение попала очень ограниченная подборка американских газет, из содержания которых, как он думал, он сможет привести столь же веские доводы в пользу истины, сколь он доказал, что доводы против нее были слабыми и прогнившими. В Америке было так много христианских деноминаций, что он только утомил бы собрание, перечисляя их. У них были самые разные имена и взгляды. О многих из них он знал очень мало, а о нынешней аудитории, возможно, еще меньше. Общества друзей обычно не терпели рабовладения среди своих членов; члены Ковена тоже. Он полагал, что у конгрегационалистов, или независимых, не было и дюжины церквей во всех Рабовладельческих штатах, и, конечно, их следует считать освобожденными от этого обвинения. Однако было тем менее необходимо заниматься общими замечаниями, что мистер Томпсон в своих обвинениях сделал упор на три великие конфессии Америки. "Он взял на себя всю вину этой системы, и возложил ее где? На Церковь Америки. Когда он сказал "Церковь", он не имел в виду какую-либо конкретную деноминацию. Он говорил о баптистах, пресвитерианах и методистах, трех великих подпорках — всеподдерживающих столпах этой сцементированной кровью ткани ". Таковы были слова мистера Т., и поэтому было бы излишне беспокоиться о второстепенных вещах, если бы мы могли решить главную к нашему удовлетворению. Что касается двух из этих деноминаций, то ему следует сказать немного; его главным и естественным занятием было защищать ту, о которой он знал больше всего. Что касается баптистов, он с сожалением вынужден был сказать, что, по его мнению, они были наименее защищаемыми из трех деноминаций, которые в настоящее время в основном замешаны; более того, некоторые из их Ассоциаций заняли позицию по всему делу, с которым он полностью не согласен, — и которое, он был уверен, причинило сильную боль большинству их собственных братьев. Он попросил разрешения сослаться на работу доктора Дж. Кокса и Хоуби, только через прессу, в которой, как он предполагал, поскольку сам ее не видел, они найдут достоверную и исчерпывающую информацию по этому и всем другим вопросам, касающимся этой деноминации в Америке. По отношению к методистам его знания были и более полными, и более точными. Их дисциплина осуждала рабство и запрещала их членам владеть рабами, и хотя сама их дисциплина не применялась со строгой точностью, он не верил, что в Соединенных Штатах или на Земле существует методистская церковь, владеющая рабами, как Церковь. Он верил, что очень

немногие методистские проповедники — на самом деле, почти никто - не владел рабами, и ничто, кроме самых прямых доказательств, не могло на мгновение заставить его поверить, что один из них был работорговцем. Вся секта, или, по крайней мере, ее подавляющее большинство, может считаться справедливо представленной в следующих Резолюциях, принятых на Конференции, состоявшейся в Балтиморе; и которые могут быть дополнением к тем, которые зачитал мистер Томпсон с одной из северных конференций.

РЕЗОЛЮЦИИ МЕТОДИСТОВ ОБ ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

На последнем заседании Балтиморской ежегодной конференции методистской епископальной церкви, проходившем в Балтиморе, были единогласно приняты следующие преамбула и Резолюции, а также подписаны имена всех присутствующих членов и стажеров в количестве ста пятидесяти семи человек, которым было приказано опубликовать их. Секретарю также было поручено снабдить преподобного Джона А. Коллинза экземпляром для публикации в газетах "Глоуб энд Интеллидженсер" из Вашингтона.

Принимая во внимание, что в течение некоторого времени в этой стране царило большое волнение по поводу отмены смертной казни; и принимая во внимание, что такое волнение считается разрушительным для наилучших интересов страны и религии; следовательно

1. Решено, что "мы, как никогда, убеждены в великом зле рабства".
2. Что мы выступаем против действий аболиционистов во всех деталях и в частности, которые направлены на немедленное неизбирательное и всеобщее освобождение рабов.
3. Что мы не имеем никакого отношения к какой-либо прессе, кем бы она ни издавалась, в интересах дела отмены смертной казни.

Что касается его собственного Родственника, пресвитерианина, то он постарался бы настолько полно, насколько позволяли его материалы, доказать их прошлые принципы и нынешнюю позицию. И, во-первых, он был очень рад возможности представить им краткое изложение решений Генеральной ассамблеи Пресвитерианской церкви в Соединенных Штатах Америки. Он нашел его напечатанным в "Нью-Йорк Обсервер" от 23 мая 1835 года, включенным в "Труды пресвитерии Монтроуз" и переписанным ею, без сомнения, из сборника Ассамблеи.

Еще в 1787 году нашей эры Синод Нью-Йорка и Филадельфии вынес заключение, отрицательное по отношению к рабству, и рекомендовал меры по его окончательному искоренению; а в 1796 году Генеральная Ассамблея заверила "все церкви, находящиеся под их опекой, что они с глубочайшей озабоченностью относятся к любым пережиткам рабства, которые тогда существовали в нашей стране"; а в 1815 году тот же судебный орган постановил, "что покупка и продажа рабов путем торговли (имеется в виду, несомненно, торговля внутри страны) несовместима с духом Евангелия". Но в 1818 году Генеральная ассамблея единогласно одобрила более полное и недвусмысленное признание чувств церкви. "Мы рассматриваем, - говорят члены Ассамблеи, - добровольное порабощение одной части человеческого рода другой как грубое нарушение самых драгоценных и священных прав человеческой природы; как совершенно несовместимое с законом Божиим, который требует от нас любить ближнего, как самих себя; и как совершенно несовместимое с духом и принципами Евангелия Христа, которое предписывает: "во всем, что вы хотите, чтобы люди делали с вами, поступайте и вы так же с ними". Они добавляют: "Очевидно, что долг всех христиан, которые наслаждаются светом

сегодняшнего дня, когда несоответствие рабства как требованиям человечности, так и религии было продемонстрировано и общепризнано, использовать свои честные, серьезные и неустанные усилия, чтобы исправить ошибки прошлых времен и как можно быстрее стереть это пятно с нашей святой религии и добиться полной отмены рабства во всем христианском мире и, если возможно, во всем мире".

Если, сказал мистер Б., он выражал чувства, отличные от этих, или если он внушал своим собратьям в качестве принципов что-либо, отличное от этих справедливых и благородных чувств, пусть вина ляжет на его непокрытую голову. Этих чувств они придерживались с того периода, о котором человеческая память не говорит обратного. Сегодня вечером здесь, за 3000 миль отсюда, Бог позволил ему создать летопись, подтверждающую полувековую древность в полном расцвете сил! Как величественна, как дальновидна, как прославлена истина — по сравнению с жалким, новорожденным и мутноглазым фанатизмом, который набрасывается на нее! Таковы принципы пресвитерианской церкви Соединенных Штатов. Она восстала вместе с ними, она устоит или, если на то будет воля Божья, она падет вместе с ними. Но она не изменит их ни в меньшей, ни в большей степени. Генеральная Ассамблея только что объявила перерыв. Перед ними стоял этот вопрос — возможно, они были глубоко взволнованы его обсуждением. Но мое сердце так спокойно покоится на истинности этих принципов и на твердой приверженности им моих братьев, что ничто, кроме чувства, что для такого человека, как я, было бы дерзостью ручаться за подобную организацию, не могло удержать меня от любого законного решения, что все его решения будут соответствовать его древним и неизменным принципам. В соответствии с этими принципами большая часть членов этой церкви действовала все это время.— Под опекой Генеральной Ассамблеи находилось около 24 синодов, из которых около трети находились в рабовладельческой стране. Это число постоянно увеличивалось, и по этому поводу, в отсутствие всех записей, он не мог быть более точным. Он полагал, что синоды в свободных штатах без исключения придерживались той же позиции по этому вопросу, что и Ассамблея. В рабовладельческих штатах многое было сделано — многое все еще делается — и в доказательство этого в отношении данной конкретной конфессии — в дополнение к тому, что он все это время заявлял, имея в виду партию великого освобождения, во всех этих штатах, он попросил обратить внимание на несколько документов, которые он собирался представить им. Первый представлял собой серию резолюций, приложенных к ясному и расширенному отчету, составленному большим комитетом служителей и старейшин синода Кентукки — во исполнение его приказов после того, как этот вопрос был рассмотрен этим органом несколько лет назад. Этот Синод охватывает весь штат *Кентукки*, который является одним из крупнейших рабовладельческих штатов в Союзе. Резолюции цитируются из "Нью-Йорк Обсервер" от 23 апреля 1836 года.

1. Мы бы рекомендовали, чтобы все рабы моложе 20 лет, а также все те, кто еще не родился в наших владениях, были освобождены, поскольку некоторые из них достигают 25-летнего возраста.
2. Мы рекомендуем, чтобы акты об освобождении были сейчас составлены и зарегистрированы в судах наших соответствующих округов с указанием рабов, которых мы собираемся освободить, и возраста, в котором каждый из них должен стать свободным.

Эта мера крайне необходима, поскольку она предоставит нашим собственным умам, миру и нашим рабам удовлетворительное доказательство нашей искренности в этой работе; и это также обеспечит свободу рабов от непредвиденных обстоятельств.

3. Мы рекомендуем обучать наших рабов обычным начальным разделам образования.

4. Мы рекомендуем прилагать энергичные и настойчивые усилия, чтобы побудить их регулярно посещать обычные религиозные службы, как домашние, так и общественные.

5. Мы рекомендуем прилагать большие усилия для обучения их Священному Писанию; и чтобы добиться этого, инструменты субботних школ, где бы они ни были доступны, должны быть объединены с инструментами домашнего обучения.

План, изложенный в этих резолюциях, был единственным из всех остальных, который больше всего понравился его (г-на Б.) суждению. И он особенно просил их обратить на это внимание по несколько личным причинам. В этой стране на него несколько раз публично ссылались, поскольку он продемонстрировал искренность своих принципов, отпустив своих собственных рабов. Он больше всего заботился о том, чтобы по этому вопросу не было ошибок, которые он никогда не выносил на суд общественности и которые он объяснял так часто, как только был вынужден это делать. Вступительное слово Председателя поставило его перед необходимостью такого объяснения, которое произошло не так естественно, как в этой связи. Поэтому он позволил себе сказать, что этот план в Кентукки, по сути, был тем, в соответствии с которым он действовал в течение нескольких лет до его появления; и который он, вероятно, смог бы завершить одним из первых, если бы ему сохранили жизнь. Он считал, что это по существу то же самое, что и их система эмансипации в Вест-Индии; только более быстрая по отношению к взрослым, более запоздалая, осторожная и благотворная по отношению к несовершеннолетним; и более щедрая, поскольку она не требует полной компенсации. В планах, которые затрагивают целые нации и последующие поколения, вопросы *времени* являются наименее важными из всех других; из всех других наиболее уместно приспособить их к потребностям конкретного случая. Далее он сказал только, что его брат, преподобный доктор Брекинридж, о котором мистер Томпсон говорит с таким наигранным презрением, вступил на это благодатное поприще раньше него и пошел одним путем со своими вольноотпущенными рабами. Что младший брат, чье имя, наряду с девятью другими любимыми и почитаемыми именами, приложено к этому отчету из Кентукки, также поступил в него раньше него; и избрал второй, еще другой курс, чтобы освободить свое. Когда он пришел последним, он взял еще по третьему, отличающемуся от каждого; в то время как другие друзья все еще преследовали других. Вся мудрость, которую мог дать их объединенный и в то же время разнообразный опыт, была, конечно, бесполезна теперь, когда все глубочайшие вопросы абстрактной истины и самые трудные из личной практики решались инстинктивно и переносились штормом.

Следующий отрывок касался великого рабовладельческого штата Северная Каролина и раскрывал план религиозного обучения и заботы о душах рабов, предназначенный для охвата штатов Вирджиния, Джорджия и Южная Каролина, всех рабовладельческих штатов первого класса, а также того, в котором он возник. Его происхождение связано с Пресвитерианским синодом, охватывающим весь этот штат. Выдержка взята из New York Observer от 20 июня 1835 года.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ РАБОВ.

"Южное евангелическое общество" - это название предполагаемой ассоциации пресвитериан Юга для распространения Евангелия среди цветных людей. Конституция была разработана Синодом Северной Каролины и должна вступить в силу, как только будет принята Синодом Вирджинии или Южной Каролины и Джорджии. Члены Общества с правом решающего голоса избираются Синодами. Почетные члены создаются путем выплаты тридцати долларов. Все члены Синодов, объединенных с Обществом, являются членами-корреспондентами; другие члены-корреспонденты могут быть выбраны членами с правом решающего голоса. Статья 4 Конституции предусматривает, что "между этим Обществом и каким-либо другим Обществом не должно существовать никакой связи, кроме как с аналогичным Обществом в рабовладельческих штатах". Несколько резолюций следуют Конституции; одна из них предусматривает, что пресвитерия в рабовладельческом районе страны, не объединенная с Синодом в связи с Обществом, может стать членом Общества своим собственным актом. Пятая и шестая резолюции являются следующими:

Постановлено, 5, Что всем главам семей, имеющим отношение к нашим общинам, было бы очень уважительно и искренне рекомендовано взяться за дело спасения рабов и энергично заниматься им, поддерживая и продвигая семейную религию.

Решено, 6, предписать всем пресвитериям, составляющим этот Синод, навести порядок на своем ближайшем собрании, получить полную и правильную статистическую информацию о количестве цветных людей в пределах наших нескольких конгрегаций, количестве фактических посетителей наших нескольких мест отправления культа и количестве цветных членов в наших нескольких церквях, и представить полный отчет Синоду на его следующем заседании, и с этой целью Клерк этого Синода должен предоставить копию этой резолюции указанному Клерку каждой Пресвитерии.

Следующий документ перенес их на один штат южнее и касался Южной Каролины, в которой живет и, возможно, до сих пор правит этот ужасный губернатор Мак-Даффи, который, кажется, будоражит воображение мистера Томпсона своими угрозами "смерти без участия духовенства". Он взят из той же статьи, что и следующий предыдущий отрывок;

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ РАБОВ.

Мы с радостью помещаем следующее письмо от интеллигентного жителя Новой Англии с Юга.

Редактору "Нью-Йорк Обсервер".

Я опасаюсь, что многие из ваших читателей, которые проявляют живой интерес к благополучию рабов, неправильно и не полностью информированы относительно объема своих религиозных наставлений. Из речей мистера Томпсона и других людей они могут прийти к выводу, что рабы в наших Южных Штатах никогда не читают Библию, не слушают евангельских проповедей и не принимают участия в евангельских таинствах. Следует надеяться, однако, что таким искажениям не будет уделено должного внимания, несмотря на усердие, с которым они распространяются.

Что было сделано на одной плантации.

Теперь я сообщу вашим читателям, что было сделано и делается сейчас для морального и религиозного совершенствования рабов на одной плантации, с которой я хорошо знаком, и эти несколько фактов могут послужить комментарием к неподтвержденным утверждениям мистера Томпсона и других. И здесь я мог бы пожелать, чтобы все, кто так готов осудить каждого человека, которому так не повезло родиться в семье рабов, могли отправиться на эту плантацию и увидеть своими глазами и услышать собственными ушами то, что я отчаиваюсь адекватно описать. Действительно, я думаю, что они были бы более склонны и более квалифицированы использовать то оружие света и любви, которое было так умело и справедливо вручено им в руки.

На этой плантации работает от 150 до 200 рабов, и это самое красивое тело, которое я когда-либо видел в каком-либо поместье. Их хозяин и хозяйка годами ощущали, насколько серьезны обязанности, связанные с таким поручением; и они не уклонялись от их выполнения. Средства, используемые для их духовного блага, изобильны. Они наслаждаются постоянной проповедью Евангелия. Молодой служитель пресвитерианской церкви, получивший обычное университетское и теологическое образование, трудится среди них и получает всю свою поддержку от учителя, за исключением незначительной суммы, которую он получает за проповедь одну субботу в месяц для соседней церкви. В субботу и в течение недели вы можете видеть, как они заполняют место богослужения, от седовласого мужчины до маленького ребенка, все аккуратно и удобно одетые, слушающие с почтительным, а во многих случаях и жадным вниманием истину, как она есть в Иисусе, излагаемую в терминах, соответствующих их способностям, и в манере, соответствующей их особым привычкам, чувствам и обстоятельствам; торжественно и пристойно совершающие торжественную молитву и соединяющие свои мелодичные голоса в хвалебном гимне. Среди них сидят белые члены семьи, поощряющие их своим присутствием, проявляющие свой интерес к упражнениям и тревогу за вечное благополучие своего народа. Из общего числа сорок пять или пятьдесят человек исповедовали религию, и другие, очевидно, глубоко обеспокоены этим.

Позвольте мне теперь отвести вас в библейский класс, где учатся десять или двенадцать взрослых, которые умеют читать, познакомились со своими Библиями для изучения и объяснили им слово Божье. Они недвусмысленно демонстрируют большой интерес к своей работе и искреннее желание понять и запомнить то, что они читают. Отсюда мы перейдем в другую комнату, где собрались восемнадцать-двадцать юношей, слушающих катехизические наставления, проводимые их молодым учителем. Здесь вы заметите множество умных лиц и будете поражены быстротой и правильностью их ответов.

Но самое интересное зрелище еще впереди. Его можно увидеть в комнате для детей младшего школьного возраста, красиво обставленной и снабженной обычными карточками и другими принадлежностями. Здесь каждый день в течение недели вы можете встретить двадцать пять-тридцать детей, аккуратно одетых, с яркими и счастливыми лицами. И как вы заметили, их правильной осанки, услышать их беспощадно ответы на вопросы, предлагаемые, и прежде всего, когда они объединяются, их сладкие голоса в их трогательные песни, Если сердце твое не затронуто, и ваши глаза не заполняют, вам тяжелее всего-сердцем и сухими глазами посетителя, который когда-либо был там. Но кто их учитель? Их хозяйка, леди, чей дружелюбный христианский характер, самый одаренный и совершенный ум и манеры не превзойдены никем. Из дня в день, из месяца в месяц и из года в год она радостно покидала свои великолепные залы и круг друзей, чтобы посетить свою школьную комнату, где, стоя перед

этими юными бессмертными, она наставляет их в том, каким путем они должны идти, и ведет их к Тому, Кто сказал: "Позволь маленьким детям приходить ко мне".

Из комнаты для малышей мы пройдем через красивую лужайку протяженностью в полмили к приятной роще, откуда открывается вид на многие мили. Здесь находится кирпичная часовня, построенная для размещения этой интересной семьи; она достаточно велика, чтобы вместить двести-триста слушателей. Когда строительство будет завершено, по красоте и удобству его превзойдут немногие церкви на Юге страны.

На плантации вы также можете увидеть другие интересные вещи. Надсмотрщиком здесь является негр. Регулярно заключаются браки. Негров не продают, разве что в качестве наказания за плохое поведение, и это страшное наказание. Никого не покупают, кроме как с целью объединения семей. Здесь вы почти не услышите бряцания цепей, щелканья кнутов; (я никогда не видел, чтобы в поместье наносили удары) и, наконец, здесь вы найдете процветающее Общество трезвости, охватывающее почти каждого человека в поместье. И все же "христианство Юга - это ковка цепей, плетение кнута, препятствующее браку, христианство, отрицающее Библию!"

Я ограничился одной-единственной плантацией. Но я мог бы добавить много интереснейших фактов о других людях и о состоянии чувств в целом, но воздерживаюсь.

Суважением, &c

ЖИТЕЛЬ Новой Англии.

Теперь он хотел бы связать специфические и локальные факты предыдущего заявления со всем сообществом рабовладельцев, находящимся в том же Состоянии, и показать компетентными и бескорыстными показаниями реальное и обыденное положение вещей. Следующие выдержки взяты из письма, напечатанного в "Нью-Йорк Обсервер" от 25 июля 1835 года:

Я прожил восемь лет в Южной Каролине и хорошо знаком с плантаторами средней и нижней части страны. Я много видел о рабстве и чувствую себя компетентным говорить о многих фактах, связанных с ним.

То, что сообщил ваш корреспондент о состоянии одной плантации, в основных чертах является обычным случаем для всего круга моих знакомых.

Негры в этом штате обычно хорошо питаются, хорошо одеты и имеют средства для религиозного обучения. По моему глубокому убеждению, работа, которую здесь требуется выполнять рабу, составляет примерно треть обычного труда, обычно выполняемого фермером Новой Англии. Аналогичное сравнение было бы справедливо и в отношении труда домашней прислуги. В семье, где я живу, состоящей из девяти белых людей, для выполнения работы наняты семь рабов. Это обычный случай.

В деревне, где я живу, около четырехсот рабов, и они обычно посещают церковь. Более ста из них являются членами церкви. Каждую субботу в воскресных школах собирается около двухсот человек. В моей собственной воскресной школе их около шестидесяти, и большинство из них профессора религии. Они совершенно доступны и поддаются обучению. В городе, где я раньше

жил, в Новой Англии, было триста свободных чернокожих. Не более восьми или десяти из них были исповедующими религию, и обычно не более чем в два раза больше людей удавалось заставить посещать церковь. Их нельзя было убедить отдать своих детей в районные школы, которые всегда были открыты для них, и, как правило, их нельзя было нанять на работу. Они вороватые, жалкие и доставляющие хлопоты. Я без колебаний заявляю, и говорю это намеренно, что для них было бы большим благословением поменяться условиями с рабами из деревни, в которой я сейчас живу. Обмен будет способствовать развитию их интеллектуального и морального облика, а также реальных средств совершенствования.

Несомненно, есть некоторые хозяева, которые жестоко обращаются со своими рабами в таком Состоянии, но они являются исключениями из общего факта. Общественное мнение находится в здоровом состоянии, и человек, который не относится по-доброму к своим рабам, опозорен.

Предпринимаются огромные и возрастающие усилия по религиозному просвещению рабов и возвышению их характера. Миссионеров нанимают исключительно для их блага. Очень часто служители проповедуют белым до полудня, а чернокожим во второй половине дня каждую субботу. Мои знакомые рабы, как правило, довольны и счастливы. Отвергнут хозяин, который разделит семьи. Многие тысячи рабов этого государства свидетельствуют о благочестии. Во многих церквях они составляют большинство. Тысячи из них ежедневно благодарят Бога за то, что они или их отцы были привезены в эту страну рабства.

А теперь, возможно, мне следует добавить, что я не рабовладелец и не намерен продолжать жить в стране рабов; но где бы я ни был, я намерен говорить ПРАВДУ.

Следующий документ касался, в частности, *Вирджинии* — крупнейшего и могущественнейшего из рабовладельческих штатов; но в нем также содержалась общая ссылка на весь юг и на весь рассматриваемый вопрос. Содержащиеся в нем чувства заслуживали особого внимания из-за их источника. Мистер Ван Ренселир был сыном одного из самых богатых и выдающихся граждан великого свободного штата Нью-Йорк. Он отправился в Виргинию, чтобы проповедовать рабам. Он везде добивался успеха; везде был любим рабами и почитаем их хозяевами. У него был доступ примерно к сорока плантациям, на которых он время от времени проповедовал, и которые могли бы увеличиться вдвое, будь у него достаточно сил для этой работы. Мистер Томпсон, подобно какой-то зловещей звезде, приземлился на наших берегах; организовал безрассудную агитацию, доведшую многих на севере до безумия — и столько же на юге до бешенства от страсти. Мистер Ван Ренслир, как и многие другие, увидел бушующую бурю, с которой они были не в силах совладать, и, как и они, отказался от своих благотворительных трудов. Следующие краткие заявления, сделанные им на большом собрании колонизационного общества Нью-Йорка, демонстрируют его собственный взгляд на поведение и обязанности сторон.

Преподобный Кортланд Ван Ренселир, ранее проживавший в Олбани, но в последнее время проживающий в Вирджинии, выступил на собрании и, сославшись на расхождение во мнениях, преобладавшее среди друзей колонизации, коснувшись нынешнего состояния и обращения с цветным населением в этой стране, продолжил приводить причины, по которым жители Севера должны обращаться к своим братьям на Юге, которые контролировали цветное население, с уважением и в духе доброты и примирения.

Эти причины вкратце сводились к следующему: 1. Потому что народ Юга не соглашался с первоначальным ввозом рабов в страну, но торжественно, искренне и неоднократно протестовал против этого. 2. Потому что, родившись в условиях рабства и привыкнув к нему с младенчества, нельзя было ожидать, что они будут рассматривать его в том же свете, в каком мы рассматриваем его на Севере. 3. Поскольку рабство там было установлено законом, отдельные лица не во власти были действовать в отношении него так, как могли диктовать их личные чувства. Зло не было искоренено в штате Нью-Йорк полностью: это был постепенный процесс, начавшийся с закона 1799 года и завершившийся только в 1827 году. Должны ли мы осудить наших южных соседей, если они сразу откажутся выполнять эту работу? 4. Конституция Соединенных Штатов допускала рабство, в своих статьях распределяя представительство по отношению к рабовладельческому населению и требуя выдачи беглых рабов. 5. В последние годы рабство было значительно смягчено, и положение рабов значительно улучшилось. Его прежняя суровость была почти неизвестна, по крайней мере в Вирджинии, и она постоянно уменьшалась. Представление рабов как день и ночь стонущих под плетью тиранических надсмотрщиков не соответствовало истине. А что касается того, что их держали в совершенном неведении, мистер В. редко видел плантацию, где некоторые рабы не умели читать и где их не поощряли к обучению. В Южной Каролине, где, как говорили, рабам систематически отказывали в Евангелии, только в методистской деноминации насчитывалось двадцать тысяч таких членов церкви. Он знал небольшую церковь, где из 70 прихожан 50 находились в рабстве. 6. Были очень большие трудности, связанные с работой по отмене рабства. Отношения рабства распространились на все общественные отношения. Рабы были сравнительно очень невежественны; их характер деградировал; и они не имели права на немедленную свободу. Ошибка в таком деле, как всеобщее упразднение, была бы делом нелегким. Мистер В. здесь сослался на результат опыта и личных наблюдений за умом хорошо известного мистера Паркера, бывшего священника этого города, а ныне Нового Орлеана. Он уехал из этого города на Юг с чувством немедленного борца за отмену смертной казни, но вернулся с полностью изменившимися взглядами. Увидев рабство и рабовладельцев, да еще на крайнем Юге, он теперь объявил идею немедленной и всеобщей отмены рабства вопиющим абсурдом. Освободить два с половиной миллиона рабов среди нас было бы так же мудро и гуманно, как для отца многочисленной семьи маленьких детей отвести их к парадной двери и там, попрощавшись с ними, сказать им, что они свободны, и отправить их в мир, чтобы они сами себя обеспечивали и управляли собой. 7. Иностранное вмешательство, по необходимости, было делом деликатным, и его всегда следовало предпринимать с предельной осторожностью. 8. На Юге было много неподдельного стремления христиан повиноваться Богу и творить добро людям. Постоянно было пролито много слез и молитв о положении их цветного населения и выражалось самое искреннее желание облегчить их горе. Можно ли обращаться к таким людям с бранью и преданием анафеме? 9. Не было никаких причин, по которым все наши симпатии должны были ограничиваться цветной расой и полностью скрываться от наших белых братьев-южан. Апостол Павел не проявлял такого духа. 10. Учет интересов самих рабов диктовал осторожный, благоразумный и снисходительный курс. Это требовало примирения, ибо судьба рабов зависела от воли их хозяев, и север не мог этому помешать. Последние законы, запрещающие учить рабов читать, не были приняты до тех пор, пока южане не обнаружили, что среди цветного населения циркулируют подстрекательские публикации. 11. Дух Евангелия запрещал всякое насилие, оскорбления угрозы. Апостолы хотели призвать огонь с небес на тех, кого они считали врагами Христа; но Спаситель, вместо того чтобы одобрить это пламенное рвение, осудил его. 12. Эти южане, которые были представлены как столь грубо нарушающие

все христианские обязанности, были объектами милостивых благословений от Бога в излияниях его Духа. 13. Когда Бог убеждал людей в заблуждении, он делал это в духе милосердия; мы должны стараться делать то же самое в том же духе.

Единственное сохранившееся свидетельство относится к штатам Луизиана и Миссисипи на юго-западе. Письмо, из которого оно взято, написано сыном того самого мистера Финли, который, возможно, больше, чем кто-либо другой, осуществил первоначальный план африканской колонизации; и чье имя, как человека чистой и безграничной доброжелательности и мудрости, враги его планов цитируют с уважением. Сын вполне заслуживает того, чтобы у него был такой отец.

Новый Орлеан, 12 марта 1835 года.

В моем предыдущем письме я рассказал вам о ведущих персонажах среди свободных цветных людей, которые недавно отплыли из этого порта на бриге "Ровер" в Либерию. Затем я пообещал вам в моем следующем письме рассказать об освобожденных рабах, которые участвовали в той же экспедиции. Это обещание я сейчас постараюсь выполнить и начну со случая индивидуальной эмансипации, а затем изложу случай эмансипированной семьи и завершу рассказом об эмансипации нескольких семей одним и тем же человеком.

Первый упомянутый случай касается молодой женщины, освобожденной по последней воле и завещанию покойного судьи Джеймса Уоркмана из этого города, того самого, который оставил в наследство Американскому обществу колонизации десять тысяч долларов. В завещании судьи Уоркман относительно нее содержится следующий пункт, а именно: "Я прошу освободить мою *statu liber*, Китти, девушку из четверти века, как можно скорее. И я прошу, чтобы мои душеприказчики могли отправить ее, как она предпочтет, и они сочтут лучшим, либо в Колонизационное общество в Норфолке, чтобы ее отправили в Либерию, либо в Хейти; и если она предпочтет остаться в Луизиане, чтобы они могли попытаться принять закон о ее освобождении; если этого нельзя добиться иным способом; и моя воля в том, чтобы сумма в триста долларов была выплачена ей после того, как она будет в состоянии получить столько же. Я прошу моих исполнителей держать в своих руках деньги для этой цели. Я особенно прошу моего друга Джона Г. Грина позаботиться об этой девушке и сделать для нее все, что в его силах". Мистер Грин снабдил ее красивой одеждой, тщательно позаботился о ее посадке и отправке груза и передал ее под опеку преподобного Глостера Симпсона.

Следующий случай, упомянутый выше, касается семьи из одиннадцати рабов, освобожденных за верную и достойную службу по воле покойной миссис Буллок из округа Клейборн, штат Миссури. Миссис Мур, сестра и душеприказчица миссис Буллок, выделила им 700 долларов на приобретение снаряжения и начало работы в колонии.

Третий и последний случай, упомянутый выше, касался нескольких семей, в общей сложности 26 отдельных рабов, принадлежащих поместью покойного Джеймса Грина из округа Адамс, штат Миссисипи. О следующих интересных обстоятельствах, касающихся их освобождения, мне сообщил Джеймс Рейли, эсквайр, шурин и исполняющий обязанности душеприказчика имущества мистера Грина. Мистер Грин умер 15 мая 1832 года, будучи владельцем примерно 130 рабов, и оставил мистера Рейли, своего шурина и его сестер, миссис Рейли и миссис Вуд, исполнителями его последней воли и завещания. Завещание мистера Грина предусматривает безусловное освобождение только одного из его рабов — верного и умного человека по имени

Грейнджер, которого мистер Грин вырастил и научил читать, писать и вести бухгалтерию. Он был бригадиром у своего хозяина около пяти лет до его смерти. Мистер Грин по завещанию оставил ему 3000 долларов при условии, что он отправится в Либерию, в противном случае - 2000 долларов. В завещании также было предусмотрено закрепление за ним его жены. После смерти мистера Грина Грейнджер работал до недавнего времени надзирателем у мистера Рейли с зарплатой 600 долларов в год. Грейнджер в настоящее время отказывается ехать в Либерию из-за нежелания его матери ехать туда. Она очень пожилая и немощная, и он очень к ней привязан. Она была любимой рабыней матери мистера Грина, которая освободила ее и оставила в наследство 1000 долларов. Грейнджер приехал в этот город с мистером Рейли, чтобы посмотреть, как его друзья и бывшие сослуживцы садятся на корабль, и, прощаясь с ними, он сказал очень выразительным тоном и манерами: "Я последую за вами примерно через 18 месяцев".

Душеприказчики имущества мистера Грина ни в коем случае не замедлили выполнить пожелания завещателя в отношении этих людей. мистер Рейли сопровождал их в Новый Орлеан, и оба, он и миссис Вуд, которая также находилась в Новом Орлеане, когда они готовились к посадке, проявили живой интерес к обеспечению их всем необходимым для их комфорта во время путешествия и их благополучия после прибытия в Колонию, и передали в мои руки 7000 долларов в их пользу, одна тысяча долларов из которых была направлена на фрахт судна, которое доставит их в Колонию, с привилегией перевозки 140 баррелей груза. - тысяча шестьсот долларов на покупку снаряжения, состоящего из механических инструментов, сельскохозяйственных орудий, домашней мебели, лекарств, одежды и т.д., а остальные четыре тысячи четыреста долларов, частично вложенные в торговлю, товары и частично в виде ценных бумаг, были отправлены и переданы губернатору Либерии в их пользу с сопроводительной запиской, составленной мистером Рейли, с указанием суммы, причитающейся каждому.

Я завершу это сообщение рассказом об одном дополнительном обстоятельстве, сообщенном мне мистером Рейли, чтобы показать заинтересованность, испытываемую мистером Грином в успехе плана африканской колонизации. За день до своей смерти он попросил мистера Рейли написать меморандум о нескольких вещах, которые он хотел бы сделать после его смерти, и этот меморандум содержит следующий пункт, а именно: "После выполнения всех моих пожеланий, выраженных в Завещании, в этом меморандуме и в устных сообщениях, я искренне надеюсь, что останется значительная сумма в пользу эмансипированных негров, эмигрирующих из этого Штата в Либерию; и с этой целью я беспокоюсь больше, чем вы думаете".

Душеприказчики уполномочили меня заявить, что в наследстве мистера Грина останется сумма в размере двадцати или тридцати пяти тысяч долларов, которую они намерены присвоить в соответствии с изложенными выше взглядами мистера Грина. С уважением, ис.,

РОБЕРТ С. ФИНЛИ.

А теперь я прекращаю рассмотрение дела и передаю результат просвещенной общественности. Вот мои доказательства и аргументы, показывающие, как я убедительно полагаю, что клеветнические обвинения против моей страны и моих братьев, которые я приехал в этот город, чтобы отразить, - не только ложны, но и невероятны. Вот мои свидетельства, немногочисленные и случайно собранные, но все же, как мне кажется, неопровержимо убедительные, что люди и церкви Америки — в том самом, в чем их обвиняют, — были и

действуют мудро, самоотверженно и гуманно. Желанием всех хороших людей должно быть, чтобы они продвигались вперед в этом так быстро, как позволит счастье всех сторон. То, что препятствия возникают из-за ошибки, неосторожности или насилия благонамеренных, но плохо судящих людей, поистине прискорбно. Но то, что мы должны быть очернены перед всем миром, когда мы невиновны; что мы должны быть сначала поставлены в тяжелейшие обстоятельства, а затем вынуждены управлять этими обстоятельствами таким образом, чтобы вызвать нашу неминуемую гибель, теми же самыми людьми; или, в случае невыполнения обоих требований, быть втянутыми сначала в войну, а затем в состояние ожесточенного взаимного раздора, лишь менее ужасного, чем сама война, возмутительно и невыносимо. Хотя мы справедливо жалуемся на эти вещи, мы снимаем с себя вину, приписываемую нам, и оправдываемся перед Богом и своей совестью во всех фатальных последствиях, которые могут последовать за таким поведением.

Мистер ТОМПСОН встал и произнес почти следующие слова:

Господин Председатель,

Если бы я сказал, что встал по данному поводу без чувства беспокойства по поводу вопроса, обсуждение которого сейчас подходит к концу, я бы сказал, что это неправда. Я не могу припомнить, чтобы я когда-либо выступал перед аудиторией в более интересной или ответственной позе. Стоящий перед нами вопрос имеет огромное значение; и та его часть, которая сегодня вечером требует нашего особого внимания, является из всех остальных наиболее серьезной и деликатной. Поэтому я обеспокоен, глубоко обеспокоен тем впечатлением, которое произведет на умы этого собрания, когда я завладею вниманием вас и всего собрания на время, равное тому, которое было затрачено моим оппонентом. Если бы, однако, я сказал, что я поднялся с каким-либо чувством тревоги при созерцании результатов того испытания, через которое мне предстоит пройти, я бы сказал то, что в равной степени противоречило истине. Я далек от того, чтобы потворствовать какому-либо страху или желать умиловить эту аудиторию, я молюсь о том, чтобы ради истины, человечности и страны, представленной моим оппонентом; ради нашего характера в глазах Бога во время ревизии великого дня было вынесено суровое, ревнивое и беспристрастное судебное решение в соответствии с доказательствами, которые будут представлены. Или, если невозможно поддерживать строго равный баланс, я прошу, чтобы в настоящее время перевес был в пользу моего оппонента. Это правда, я не американец. Это правда, я пробыл в Соединенных Штатах всего четырнадцать месяцев. Это правда, я никогда не пересекал Потомак; никогда не видел раба, если только этот раб не был привезен на Север каким-нибудь временным жителем. Поэтому отнеситесь с осторожностью и подозрением к моим заявлениям. Пусть будут сделаны все скидки на мои утверждения, которых требуют моя молодость и опрометчивость, недостаток наблюдательности и опыта. В то же время я прошу, чтобы свидетелям, которых я приведу к вам, была оказана вся необходимая степень уважения; и чтобы, какими бы сомнительными ни были мои показания, они, по крайней мере, имели тот вес, на который, по-видимому, дают им право их характер, положение и возможности.

Меня обвиняют в чудовищной несправедливости по отношению к Америке, когда я говорю, что в этой стране рабство принимает свои самые ужасные формы. Говоря это, не следует понимать, что я говорю в соответствии с фактическим физическим состоянием раба или даже о его

правовом и политическом положении, независимо от религии и институтов страны, в которой он живет. Я сужу не по количеству звеньев в его цепи, не по количеству ударов плетью, нанесенных ему по спине, не по характеру его тяжелого труда, не по качеству или количеству его пищи. Именно тогда, когда, независимо от обращения с телом, я обнаруживаю, что два миллиона человеческих существ рассматриваются как товар; их приравнивают к полевым зверям и низводят из-за пренебрежения их бессмертным разумом до положения язычников; именно тогда, когда я обнаруживаю, что эта ужасная система действует в полную силу, окруженная барьерами и гарантиями Закона и Конституции, в Соединенных Штатах Северной Америки; стране республиканизма, христианства и Возрождения, я говорю, что рабство в Америке принимает форму более ужасную, чем в любой другой части мира. Да, сэр; когда мне говорят, что в этой стране свободой пользуются в большей степени, чем в любой другой стране; что принципы, на которых зиждется эта свобода и независимость, таковы: "Бог создал всех людей свободными и равными". "Сопrotивление тиранам - это послушание Богу"; и посмотрите также на два миллиона пленников; их темницы зарешечены и за ними наблюдают гордые республиканцы и хвастливые христиане; я с ужасом и негодованием отворачиваюсь, восклицая, покидая отвратительную сцену: "Рабство носит свою самую отвратительную форму в Соединенных Штатах Америки!"

Прежде чем я перейду к той части моего Выступления, которую я представлю в качестве ответа мистеру Брекинриджу, я позволю себе сказать одно слово в защиту характера и настроения американских аболиционистов; и я рад по этому случаю привести свидетельство джентльмена, которого мистер Брекинридж не отказался назвать своим другом; я имею в виду Джеймса Г. Бирни, эсквайра, ранее проживавшего в одном штате с мистером Б., а ныне в Цинциннати. В прошлом году мистер Бирни совершил поездку на Север с целью лично убедиться путем непосредственного наблюдения и общения в истинном характере аболиционистов и в том, как они проводят свою работу. Сделав это, он таким образом пишет:

Прошлой весной я присутствовал на Съезде по борьбе с рабством в Огайо; присутствовал на нескольких собраниях Американского общества по борьбе с рабством в Нью-Йорке и на съезде по борьбе с рабством в Бостоне. В этих нескольких случаях я познакомился и обсудил, возможно, не менее чем с тысячью человек, которых можно справедливо причислить к числу самых умных аболиционистов. Темы, по которым высказывались самые разные мнения и которые для честолюбивых и нетренированных умов были бы в высшей степени волнующими и противоречивыми, обсуждались с самым спокойным и невозмутимым хладнокровием. И в то время как некоторые ведущие журналы изобиловали самыми грязными и лживыми обвинениями в моральной и политической порочности; в то время как на их собраниях выпускались плакаты, призывающие толпу к соответствующим действиям и указывающие время и местопроведения их собраний, чтобы ее буйство знало, в какой момент оно может наиболее эффективно себя израсходовать; тем не менее, никогда больше я не видел столько спокойной обдуманности, трезвых выводов, достойной умеренности, освященных искренней молитвой Богу не только за угнетенных, но и за угнетателя своего народа. не только за тех, кого они любили, но и за своих клеветников, гонителей и врагов.

Вышеизложенное является справедливым описанием, насколько позволяют мне говорить мои знания, характера тех, кого вам угодно охарактеризовать как "банду фанатичных аболиционистов". Легковесные и опрометчивые умы, непривычные проникать в истинные причины великих переворотов в общественных настроениях, будут, конечно, думать и говорить

о них с презрением, в то время как наблюдатель-философ ясно видит, что такие противники заблуждения, вооруженные таким мощным оружием, как Правда, всегда должны быть непобедимы; и что в конце концов они восторжествуют.

Также несколько слов, прежде чем я перейду к положению церкви, относительно заключительной темы выступления мистера Брекинриджа вчера вечером; на которую у меня, конечно, не было возможности ответить; и, поскольку время, отведенное для этой дискуссии, теперь определено, мне будет позволено несколько минут остановиться на этом предмете. Мистер Брекинридж действительно, я готов признать, с достаточной справедливостью изложил взгляды аболиционистов относительно предрассудков в отношении цвета кожи; что это было греховно, что от этого следует отказаться, и что цветной человек должен быть защищен. быть воспитанным так, чтобы пользоваться равными гражданскими и религиозными привилегиями с белыми. Но после того, как он изложил, в общем, правильно, взгляды аболиционистов, он продолжил давать этим взглядам самую *несправедливую* интерпретацию и странным образом утверждал, что они были непосредственно направлены на достижение слияния рас в самом полном смысле этого слова. Еще раз, я *отрицаю* это. Я еще раз обращаюсь ко всему, что когда-либо писали или говорили аболиционисты: к их опубликованным, официальным, торжественным, авторитетным опровержениям; и я говорю от своего имени и от их имени, что к смешению "рас", как их называют, (фраза, которая мне не нравится) аболиционисты не имеют никакого отношения. За что они всегда боролись, так это за то, чтобы цветной человек теперь был избавлен от положения животного; чтобы он перестал рассматриваться как собственность своих братьев; и чтобы в соответствии с законами штата, регулирующими квалификацию граждан, он был допущен к участию в привилегиях, которыми пользуются другие классы общества. Мы никогда не просили большего. Мы оставили доктрину объединения на усмотрение наших оппонентов. Рабовладельцы - это сторонники объединения, чья распущенность зашла так далеко, что положила конец существованию черной расы на Юге, и которые все еще продолжают, используя их собственное выражение, "отбеливающую систему", отбеливающую население Юга, так что теперь вы можете обнаружить все оттенки цветных людей; от тех, кто настолько белокож, что их едва можно отличить от белых, до чистого черного цвета несмешанных негров. Но мой противник победил сам себя. Пытаясь разоблачить глупость и порочность слияния, он в то же время утверждал, что это физически невозможно; что даже частичное слияние может быть вызвано только полигамией или проституцией, но что общее слияние безнадежно, потому что физически невозможно. Если это совершенно недоступно аболиционистам, зачем бояться этого как зла? Почему бы не позволить аболиционистам продолжать свои глупые и невыполнимые планы? Откуда столько гнева против них за то, что они стремятся к тому, что природа сделала недостижимым? Я оставляю мистера Брекинриджа искать выход из этого затруднительного положения наилучшим образом, на который он способен.

Опять же, нам говорят, что, пытаясь добиться объединения и предотвратить колонизацию, мы вмешиваемся в *цели* Бога; сражаемся против Его постановлений и подвергаем Африку ужасам истребления, если потомки Сима или Иафета колонизируют ее берега, а не чернокожий человек, происходящий из ее племен. Признаюсь, я был несколько удивлен, когда пресвитерианский священник кальвинистских взглядов сказал мне, что я должен регулировать свое поведение по отношению к своим ближним в соответствии с *целями* Бога, а не с помощью *закона* Божьего. Это, несомненно, новое учение! Какое, я спрашиваю, отношение я имею к постановлениям Всемогущего? Разве он не дал мне закон, по которому я должен поступать?

Разве Он не говорил мне любить ближнего, как самого себя? "почитать всех людей"? Разве мне не говорили, что Бог сотворил из *одной* крови все народы человеческие, чтобы они жили по всему лицу земли? Где находится запрет вступать в брак с Шемом или Хамом? Я не знаю в Ветхом Завете никаких указаний относительно браков, за исключением тех, которые были основаны на религиозных различиях, и мне еще предстоит узнать, есть ли таковые в Новом Завете. Эта благословенная Книга провозглашает, что во Христе Иисусе нет ни иудея, ни эллина, ни обрезанного, ни необрезанного, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, но все *одно*. Единственное предписание, о котором я знаю, - это следующее: "не впрягайтесь в неравное ярмо вместе с неверующими".

Мистер Брекинридж выставлял напоказ свои познания во Всеобщей истории и делал вид, что строит свою теорию на наиболее достоверных исторических данных. В связи с вопросом *ослиянии* и *истреблении* я возьму на себя смелость направить один или два запроса мистеру Брекинриджу.

Есть ли в Америке какой-нибудь закон, запрещающий служителям заключать браки между американскими христианами-иафетитками и еврейками (по рождению, даже если христианки по вере) и евреями (даже если христиане.) жениться на женщинах-американках-иафетитках? Если этого нет, то почему Сим и Иафет могут вступать в брак, а Хам ни с тем, ни с другим? Опять же: если такого закона не существует, то доктрина о трех сыновьях Ноя - это не принцип, по которому действует американский народ, а индивидуальная догма мистера Б., вставшего на защиту линии поведения, действительно исходящей без ссылки на какой-либо такой принцип. Если кто-то скажет, что американские евреи и иафетиты очень близки, если не совсем, к одному цвету кожи; и что от смешения евреев с иафетитами нет политических зол, которых следует опасаться; я отвечу, что, признавая истинность обоих этих представлений, не является ли грех смешения сыновей Ноя и противодействия замыслам Бога таким же в случае Сима и Иафета, как это было бы в случае Иафета или Сима с племенами Хама? Опять же,

Истребляли ли римляне (иафетиты) евреев (шемитов?)

Истребили ли арабо-шемитские завоеватели Египта древних жителей (хамитов), которые все еще существуют и известны под именем коптов или кофти?

Разве татары, ныне турки, а (иафетитское племя), когда они покорили халифов, не приняли религию побежденных, которые были мусульманами и шемитами?

Разве мусульмане-шемиты не победили персов (иафетитов), часть из которых, которые не приняли магометанскую религию и не могли быть терпимы магометанами в их религии (а именно, поклонении огню), бежали в Индию, где они все еще существуют, известные под именем геберов, в то время как остальной народ, принявший магометанство, слился со своими завоевателями; и разве современный персидский язык не является доказательством этого, в котором все термины религии и науки являются арабскими, (шемитский,) остальной язык представляет собой смесь диалектов дери, зенда и пехлеви, которые, по мнению самых выдающихся филологов, все можно свести к санскриту, самому древнему из существующих иафетитских наречий?

Случаи римлян и евреев, а также арабских завоевателей Египта и коптов являются примерами завоевания *без истребления*; стороны оставались разделенными религиозными разногласиями. Случаи татаро-турок и арабов, а также арабов и персов - это случаи завоевания

без истребления и с объединением; завоеватели в первом случае приняли религию побежденных, а побежденные во втором случае - религию завоевателей.

Вместо того, чтобы американцы в своем поведении по отношению к цветному населению исходить из каких-либо ссылок либо на божественные законы, либо на божественные указы, они действуют исключительно под влиянием своей гордости и предубеждений. Как изначально сформировалось их предубеждение, сейчас нет необходимости выяснять. Я могу только заметить, что цвет долгое время был признаком рабства. Негры долгое время были поработанным и деградировавшим классом. Ребенка приучают смотреть на цветного человека как на низшего, и это чувство превосходства, рано заложенное в разум ребенка, растущее вместе с его ростом и усиливающееся вместе с его силой, становится, наконец, утвержденным и почти непобедимым принципом, располагающим его с готовностью принять любые взгляды на откровение, которые позволяют ему лелеять и удовлетворять свою гордость и ненависть к цветному человеку. Отсюда возникла аристократия кожи. Отсюда многочисленные прискорбные отклонения от духа и заповедей Евангелия, которые каждый день наблюдаются в Соединенных Штатах. Сейчас передо мной две иллюстрации силы предрассудков. Первая - это короткая статья из "Нью-Йорк Евангелист", скопированная в шотландскую газету "Гардиан этого города". Я прочитаю ее полностью. Это выглядит следующим образом:

Тяжелый случай. Сегодня утром коренной американец обратился к нашим властям за лицензией на вождение тележки. В течение многих лет он работал носильщиком на Перл-стрит, главным образом у книготорговцев, которые обращались к нему в количестве сорока фирм. Он честный, умеренный и во всех отношениях достойный человек; дружелюбного нрава, мускулистого телосложения и хорошего обращения, и во всех отношениях подходит для той должности, которую он ищет; помимо того, что он является членом Общества друзей, что само по себе является достаточной рекомендацией; поскольку должность теперь частично заполнена матерящимися, пьяными, ссорящимися иностранцами, которые ежедневно нарушают тишину наших улиц своими дебошами; и подвергают опасности жизни наших граждан своим возмутительным поведением.

Наш мэр отказал У. С. Хьюлетту на основании общественного мнения! потому что

"... виновен в том, что у него кожа не такого цвета, как у него".

Хьюлетт владеет недвижимостью на Уильям-стрит на сумму 20 000 долларов; но предпочитает, в отличие от многих, у кого больше нет дохода, жизнь в промышленности и экономии, а не поиск "достойного жилья".

"Какой мужчина, видя это,
И испытывая человеческие чувства, не покраснеет
И не опустит голову, чтобы признать себя мужчиной".

Следующее содержится в письме, написанном профессором Смитом из Уэслианского университета, Коннектикут, который, снимая с Университета обвинение в исключении молодого человека "за преступление в отношении цвета кожи", делает следующее признание:

"Никто не отрицает, что при нынешнем состоянии общественных настроений было бы трудно уберечь цветного человека от беспокойства в любой из наших университетских школ и сделать его связь с ними терпимой".

Теперь я перехожу (продолжал мистер Т.) к состоянию американских Церквей в отношении рабства и пытаюсь оправдать тяжкие обвинения, которые я выдвинул против них. Если в конце этого выступления окажется, что я представил христиан Америки в ложном свете; что я изложил как факты вещи, которые не соответствуют действительности, я торжественно призываю тех, кто до сих пор отстаивал мою репутацию и поддерживал меня как правдивого защитника прав человека, отвергнуть меня как совершенно неподходящего для того, чтобы быть их представителем в столь священном деле, потому что я способен отстаивать СПРАВЕДЛИВОСТЬ в ущерб ПРАВДЕ.

Что касается служителей-рабовладельцев в Америке, мистер Брекинридж утверждал, что их число равно ОДНОМУ НА ТЫСЯЧУ или, самое большее, ОДНОМУ На ПЯТЬСОТ. Первым документом, который я процитирую, чтобы опровергнуть это утверждение, будет письмо в "Southern Religious Telegraph" от 31 октября 1835 г., адресованное пресвитерианскому духовенству Вирджинии; написано, чтобы предостеречь этих священников от занятий, рассчитанных на то, чтобы нанести ущерб их духовности, свести на нет их полезность и предотвратить возрождение религии, которому отдавали предпочтение другие части Церкви Христа; также для объяснения очевидного упадка благочестия в штате в целом. Уместно отметить, что письмо, из которого я привожу настоящую выдержку, было написано не для того, чтобы продвигать дело отмены рабства; что автор никогда не предполагал, что оно будет использовано в подобном случае; и что газета, в которой оно появляется, проработало до мозга костей.

"В одном регионе страны, где я знаком, из более чем ТРИДЦАТИ пресвитерианских служителей, включая миссионеров, ДВАДЦАТЬ являются фермерами, а именно. (плантаторы и РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ) В ДОВОЛЬНО ШИРОКОМ МАСШТАБЕ; трое - школьные учителя; один - фермер и учитель; один - фермер и торговец и совладелец металлургического завода, который должен работать в субботу; и один - фермер и редактор политической газеты. Эти фермеры обычно руководят своим собственным бизнесом. ОНИ ПРИСМАТРИВАЮТ ЗА СВОИМИ неграми, следят за своим скотом, делают покупки и посещают рынки, чтобы продать свой урожай. Они обязательно много общаются со своими соседями по мирским делам и нередко вступают в неприятные столкновения с торговцами".

О, сэр, какое здесь откровение! Это не клевета Джорджа Томпсона, а признания того, кто искренне стремится привлечь внимание духовенства Вирджинии к ощущению деградации и бесплодия церкви и обратить их внимание на основные причины столь плачевных последствий.

Далее, позвольте мне обратить ваше внимание на выдержку из "Обращения к пресвитерианам Кентукки с предложением плана обучения и эмансипации их рабов; составлено Комитетом СИНОДА Кентукки. Цинциннати: опубликовано Эли Тейлором в 1835 году." В этом документе мы узнаем мнение людей, чутко ревнующих о чести, чистоте и полезности пресвитерианских церквей, ДЕЛЕГАТОМ от которых является мистер Брекинридж. Что они говорят о рабстве вообще и о практике ИХ ЦЕРКВИ в частности:

"Жестокие побои и всевозможные виды личного унижения - не единственные виды жестокости, которые разрешаются рабством. Закон не признает семейных отношений раба и не предоставляет ему никакой защиты в пользовании домашней лаской. Члены семьи рабов могут быть насильственно разлучены, чтобы они никогда больше не встретились до страшного суда. И алчность часто побуждает хозяев практиковать то, что позволяет закон. Братья и сестры, родители и дети, мужья и жены разлучены, и им больше не позволено видеть друг друга. Эти действия ежедневно происходят среди нас. Крики и агония, которые часто наблюдаются в подобных случаях, трубным голосом провозглашают беззаконие и жестокость нашей системы. Крик этих страдальцев достигает ушей Господа Саваофа. Нет ни одного района, где не демонстрировались бы эти душераздирающие сцены. Нет ни одной деревни или дороги, которая не видела бы печальную процессию закованных в кандалы изгоев, чьи цепи и скорбные лица говорят о том, что они насильно изгнаны от всего, что было дорого их сердцам. Наша церковь много лет назад возвысила свой голос, торжественно предостерегая против этого вопиющего нарушения всех принципов милосердия, справедливости и человечности. И ВСЕ ЖЕ НАМ СТЫДНО ОБЪЯВЛЯТЬ ВАМ И ВСЕМУ МИРУ, ЧТО ЭТО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЧАСТО ИГНОРИРОВАЛОСЬ ДАЖЕ ТЕМИ, КТО ПРИДЕРЖИВАЕТСЯ НАШЕГО ОБЩЕНИЯ. В НАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ КОНФЕССИИ ИМЕЛИ МЕСТО СЛУЧАИ, КОГДА ПРИВЕРЖЕНЦЫ РЕЛИГИИ МИЛОСЕРДИЯ ОТРЫВАЛИМАТЬ ОТ ЕЕ ДЕТЕЙ И ОТПРАВЛЯЛИ ЕЕ В БЕЗЖАЛОСТНОЕ ИЗГНАНИЕ БЕЗ ВОЗВРАТА. ОДНАКО ЗА ТАКИМ ПОВЕДЕНИЕМ РЕДКО СЛЕДОВАЛИ ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕРЫ".

Следуйте за мной сейчас на ГЕНЕРАЛЬНУЮ АССАМБЛЕЮ Пресвитерианской церкви Соединенных Штатов, созванную в Питтсбурге, штат Пенсильвания, в мае 1835 года, и пусть человек, который обращается к вам, будет забыт, пока вы слушаете то, что произносится посреди этого торжественного собрания. В то время, когда произносились отрывки, которые я собираюсь зачитать, в этом Собрании сидели мужчины со всех концов страны. Южные Церкви полностью представлены рядом служителей и старейшин из каждого региона рабовладельческих штатов. На том Собрании, через год после этого, преподобный Дж. Х. Дикки из пресвитерии Чиликот, штат Огайо (священник, прошедший тридцать лет своей жизни в рабовладельческом штате.) и мистер Стюарт, правящий старейшина из пресвитерии Шайлер, штат Иллинойс, сделали следующие заявления, которые, я полагаю, остались неоспоримыми по сей день:

"Он (мистер Дики) верил, что в пресвитерианской церкви много великого зла; но доктрина рабовладения, по его полному убеждению, была худшей ересью, которую сейчас можно найти в Церкви".

"Мистер СТЮАРТ— я надеюсь, что эта Ассамблея готова полностью заявить о своих чувствах, о том, что рабовладение является самым вопиющим и отвратительным ГРЕХОМ. Давайте не будем проходить мимо этого таким косвенным образом, в то время как так много тысяч наших собратьев корчатся под ударами плети, которые также часто наносят СЛУЖИТЕЛИ И СТАРЕЙШИНЫ ПРЕСВИТЕРИАНСКОЙ ЦЕРКВИ".

"В ЭТОЙ ЦЕРКВИ мужчина может взять свободнорожденного ребенка, силой отобрать его у родителей, которым Бог отдал его на попечение, сказав: "Воспитай его для меня", и продать его как скот или держать в вечном рабстве, и не только избежать телесного наказания, но и действительно считаться отличным христианином. БОЛЕЕ ТОГО, ДАЖЕ СЛУЖИТЕЛИ ЕВАНГЕЛИЯ И ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ могут заниматься этим нечестивым ремеслом и все же поддерживать свое высокое и святое призвание".

"СТАРЕЙШИНЫ, СЛУЖИТЕЛИ И ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ ОБЕИМИ РУКАМИ ВОВЛЕЧЕНЫ В ЭТУ ПРАКТИКУ. * * * * * рабовладелец, получающий прибыль от торговли, может обладать такими же хорошими качествами честного человека, как и любой другой человек".

"Ни один язык не может описать несправедливость и мерзость рабства, но в этих Соединенных Штатах это огромное количество моральной порочности (как я полагаю) справедливо возлагается на Церковь. Я не имею в виду тех членов церкви, которые на самом деле занимаются этой дьявольской практикой, но я имею в виду ЦЕРКОВЬ. Да, сэр, вся неверность, которая является результатом этого несправедливого поведения так называемых последователей ХРИСТА; все нечестивое слияние; все слезы и стоны; все глаза, которые были буквально вырваны из орбит; все боли и насильственные смерти от ударов плетью и различных орудий пыток, и все души, которые являются или будут вечно прокляты вследствие рабства в этих Соединенных Штатах, - ВСЕ ЭТО СПРАВЕДЛИВО ВОЗЛАГАЕТСЯ НА ЦЕРКОВЬ; И СКОЛЬКО ПРИХОДИТСЯ НА ДОЛЮ ЭТОЙ КОНКРЕТНОЙ ЦЕРКВИ, ВЫ МОЖЕТЕ ОЦЕНИТЬ КАК ТАК ЖЕ, КАК И Я"

"Суды Божьи смотрят этой Церкви прямо в лицо и угрожают ей распадом. Она воплощение жизни и нерва в вопросах доктрины, а также в некоторых вопросах, по которым люди могут искренне расходиться во мнениях; в то время как кровавые грехи совершаются ЧЛЕНАМИ ЭТОЙ ЦЕРКВИ открыто И СОВЕРШЕННО БЕЗНАКАЗАННО".

Я обращаюсь к вам, сэр, и к этой аудитории: произносил ли Джордж Томпсон когда—либо обвинения против американских церквей более ужасные, чем те, которые содержатся в выдержках, которые я прочитал, - выдержках из речей, произнесенных на Генеральной Ассамблее органа, делегатом которого является мистер Брекинридж? Я оставляю на время пресвитериан и продолжаю обращать внимание на состояние

МЕТОДИСТСКИЕ ЕПИСКОПАЛЬНЫЕ ЦЕРКВИ.

Мистер Брекинридж проявил большое уважение к репутации этого органа. Он верил, что они почти свободны от греха рабовладения — их дисциплина была наиболее категорична в своем осуждении этого, и он бросил мне вызов показать, что какой-либо методист был вовлечен в адскую практику работорговли. Во-первых, относительно вероятных масштабов рабства в церкви. По этому поводу я процитирую торжественный и заверенный документ, изданный рядом служителей методистской епископальной организации в Новой Англии, озаглавленный:

"Обращение по вопросу рабства, адресованное членам конференций Методистской епископальной церкви Новой Англии и Нью-Гэмпшира"; подписано

ШИПЛИ У. УИЛСОН.
АБРАМ Д. МЕРРИЛЛ.
ЛА РОЙ САНДЕРЛЕНД.
ДЖОРДЖ СТОРРС.
ДЖАРЕД ПЕРКИНС.

Бостон, 19 декабря 1834г.

В ответ на вопрос —

"Когда в нашей церкви прекратится рабство, если мы будем продолжать изменять наши правила против него, как мы делали это несколько лет назад?" — замечают они -

Но мы не будем останавливаться на этой части нашей темы; думать об этом достаточно больно; и как члены Методистской епископальной церкви и как методистские проповедники, мы с готовностью признаем, что чрезвычайно огорчены этим, а еще больше осознанием того факта, что "великое зло" рабства *увеличивается* как среди членов Методистской епископальной церкви, так и среди служителей с *устрашающей скоростью* на протяжении тридцати или сорока последних лет. В общих протоколах наших ежегодных конференций сообщается о 80 000 цветных членах нашей церкви; и весьма вероятно, по различным причинам, которые можно назвать, что *до шестидесяти тысяч или выше из них являются рабами*; но какая доля этих *идругих* порабощена *методистскими членами и методистскими проповедниками*, у нас нет возможности точно определить; но *изменения*, которые были внесены в дисциплину, сразу показывают, что *их число не является ни малым, ни незначительным*; и если это зло было "великим" пятьдесят лет назад, каким оно должно быть сейчас? Какой она будет через пятьдесят или сто лет, *если дисциплина будет ИЗМЕНЕНА так, как это было в течение полувека назад?* Кто может сказать, чем закончится это "великое" и растущее "зло"? Мы часто слышим, как христиане и христианские служители выражают величайшие опасения за безопасность "политического" союза этих Соединенных Штатов всякий раз, когда упоминается тема рабства; но никаких опасений относительно процветания и мира христианской церкви, хотя это "зло" всегда "велико" и хотя оно увеличивается каждый день в тысячу раз. Но можно ли предположить, что какая-либо ветвь христианской церкви находится в здоровом и процветающем состоянии, в то время как она дремлет и лелеет в своем лоне столь великое зло".

В ответ на просьбу привести один пример методиста работорговли, я привожу следующее из "Стража Сиона", методистской газеты, издающейся в Нью-Йорке. Это из письма корреспондента этой газеты:

"Там, где я проповедовал, к нам пришел человек, классный руководитель из Джорджии, имеющий обычный сертификат, который, казалось, был очень ревностным, увещевал и молился на наших собраниях и т.д. Я думал, что заполучил отличного помощника; но, расспросив о его бизнесе, я выяснил, что он РАБОТОРГОВЕЦ: приехал специально, чтобы скупать мужчин, женщин и детей, чтобы увезти их на Юг!!! Я упрекал его, но он сказал, что там, откуда он родом, это не считается неправильным. Я сказал ему, что мы не можем допустить здесь подобного и что

мы не можем поддерживать с ним дружеские отношения". Далее он рассказал мне, что на вопрос о рабе, который был с ним, что это за хозяин, тот ответил: "У меня было четыре хозяина, но этот - самый жестокий из всех"; и в доказательство этого велел ему взглянуть на его спину, которая, по словам служителя, "была исцарапана кнутом с головы до пят!" Преподобный С. В. Уилсон из Андовера, Соединенные Штаты, приводит также выдержку из письма, которое он видел от джентльмена высокого положения, который был на Юге во время написания статьи, в котором говорится: "Юг слишком сильно заинтересован в сохранении рабства, чтобы что-либо слышать по этому поводу. Проповедники Евангелия подвергаются такому же осуждению, и ОСОБЕННО МЕТОДИСТСКИЕ ПРОПОВЕДНИКИ. Основная причина, по которой методисты в этих регионах более многочисленны и популярны, чем другие конфессии, заключается В ТОМ, что ОНИ ТАК СТРОГО ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ РАБСТВА!! ОНИ ОСУЖДАЮТ КАК АБОЛИЦИОНИСТОВ, ТАК И СТОРОННИКОВ КОЛОНИЗАЦИИ".

Чтобы показать, в какой степени БАПТИСТСКИЕ ЦЕРКВИ РАЗДЕЛЯЮТ ВИНУ ЗА СИСТЕМУ РАБСТВА В АМЕРИКЕ, будет достаточно прочесть выдержку из письма, адресованного Совету баптистских служителей в Лондоне и его окрестностях преподобным Люциусом Боллесом, доктором философии, секретарем-корреспондентом Американского баптистского совета иностранных миссий. Свидетельство тем сильнее, что все письмо представляет собой тщательно составленную апологию южных религиозных рабовладельцев и попытку заставить замолчать протесты английских церквей.

"Среди множества тысяч баптистов по всей стране наблюдается приятная степень единства. Братья со всех концов страны собираются на одно Общее собрание и сотрудничают в распространении Евангелия среди язычников. Наши южные братья либеральны и ревностны в продвижении каждого святого предприятия, направленного на распространение Евангелия. КАК ПРАВИЛО, ЭТО И СЛУЖИТЕЛИ, И ПРОСТЫЕ ЛЮДИ, РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ".

В этой связи я могу отметить рекомендацию работы докторов. Кокс и Хоби. Мистер Брекинридж заверил нас (хотя он и признается, что не читал эту книгу), что на каждое содержащееся в ней представление о рабстве среди "баптистов в Америке" можно положиться. Эта книга, таким образом одобренная мистером Б., информирует нас, что депутации было разрешено присутствовать на съезде в Ричмонде, штат Вирджиния, только при условии *глубокого молчания* по поводу несправедливости, причиненной более чем двум миллионам рабов-язычников. Нам серьезно говорят, что введение отмены смертной казни было бы "ВТОРЖЕНИЕМ, столь же ГРУБЫМ, сколь и НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫМ". Это, по словам делегатов, "ПОДОРВАЛО бы все цели нашей миссии"; "пробудило ВРАЖДЕБНОСТЬ и разжигало НЕПРИЯЗНЬ"; "вызвало ОЖЕСТОЧЕННЫЕ чувства между братьями-христианами, которые, должно быть, РАЗДЕЛИЛИ баптистские церкви". Это привело бы к "ПОЛНОМУ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВУ ВО ВСЕМ ПОРЯДКЕ, КРУШЕНИЮ всех христианских чувств" и "УНИЧТОЖЕНИЮ ВСЯКОЙ ЛЮБВИ И ТОВАРИЩЕСТВА"; и Конвент был бы либо "РАСПУЩЕН" под "АВТОРИТЕТНЫМ ВЛИЯНИЕМ", либо "ДЕЛЕГАТЫ РАСПУСТИЛИСЬ БЫ САМИ". И все же это было "священное и небесное собрание", на котором "проявлялись самые добрые эмоции, самая теплая привязанность, самый прекрасный настрой по отношению к нам самим (делегатам баптистов), к Англии и человечеству"! О, сэр, возможно ли нарисовать более трогательную картину увядающего и разлагающего влияния рабства, чем та, что представлена нашему взору в этом описании трехгодичного съезда баптистских служителей, собравшегося в городе Ричмонд, штат Вирджиния, в 1835 году.

ДЕЛО ЭЙМОСА ДРЕССЕРА.

Я перехожу к рассмотрению дела Амоса Дрессера; молодого человека, который был так бесчеловечно замучен гражданами и исповедующими христианство жителями города Нэшвилл, штат Теннесси. Я могу заверить моего оппонента, что несоответствие в моих заявлениях, которое он заметил, является ошибкой в репортаже. Мне неизвестно, чтобы я когда-либо заявлял, что число старейшин в комитете составляет *одиннадцать*. Мое изложение дела всегда сводилось к следующему— мистер Дрессер, благочестивый и респектабельный молодой человек, был задержан в Нэшвилле по подозрению в том, что он аболиционист; предстал перед Комитетом бдительности и, согласно "Закону линча", был приговорен к двадцати ударам плетью из коровьей шкуры по голой спине. Что он был так наказан; и что в состав Комитета входили семь старейшин пресвитерианской церкви и один кэмпбеллитский священник. Все дело, изложенное мистером Дрессером и опубликованное в "Цинциннати газетт", сейчас находится передо мной. Комитет, который судил мистера Дрессера и вынес ему приговор, называется "Комитетом бдительности и безопасности".

Ниже приведены имена семи старейшин Пресвитерианской церкви:

ДЖОН НИКОЛ,
АЛЬФА КИНГСЛИ,
А. А. КЭССЕДИ,
УМ. АРМСТРОНГ,
СЭМЮЭЛ СИ,
С. В. Д. СТАУТ.
С. К. РОБИНСОН.

Имя кэмпбеллитовского священника ТОМАСА КЛЕЙБОРНА.

Комитет, изучив его книги, бумаги и личные записки и выслушав его защиту, признал его виновным — 1-е место. "За то, что он был членом Общества борьбы с рабством в Огайо". 2. "За то, что в его распоряжении были периодические издания, издаваемые Американским обществом борьбы с рабством". И 3. "Они СЧИТАЛИ, что он распространял эти периодические издания и отстаивал в обществе принципы, которые они прививали". Председатель (говорит мистер Дрессер) затем объявил, что я приговорен к двадцати ударам плетью по голой спине, и приказал покинуть заведение в течение двадцати четырех часов. Это произошло менее чем за час до начала субботы. Мистер Дрессер приводит следующий отчет о приведении приговора в исполнение:

"Я опустился на колени, чтобы принять наказание, которое было нанесено мистером Бртоном, городским чиновником, ТЯЖЕЛОЙ КОРОВЬЕЙ ШКУРОЙ. Когда истязание прекратилось, в моей душе возникло невольное чувство благодарности Богу за стойкость, с которой я был способен вынести это, и я начал высказывать его вслух. Гробовая тишина, царившая на мгновение, внезапно была нарушена громкими восклицаниями: "Б-г д-м—м, прекрати молиться". Мистер Бртон поднял меня на ноги и проводил в мою квартиру, где мне было сочтено безопасным остаться всего на несколько минут.

"Среди моих триеров была большая доля респектабельности Нэшвилла. Почти половина от общего числа, профессора христианства, предполагаемый оплот церкви, сторонники дела благотворительности в виде трактатов, миссионерских обществ и субботних школ, несколько членов и большинство старейшин пресвитерианской церкви, из рук которых всего за несколько дней до этого я получил эмблемы сокрушенного тела и пролитой крови нашего благословенного Спасителя". (!!!!)

Мистер Брекинридж дважды упоминал о появлении беглого раба на моих лекциях в Лондоне и обвинил меня в том, что я повсюду таскаю его с собой, чтобы разыгрывать интерлюдии во время моего собрания. Я могу заверить мистера Брекинриджа, что я никогда не имел никакого отношения к присутствию Мозеса Ропера на моих собраниях или к речам, которые он произносил. Ни в одном из упомянутых случаев я понятия не имел о его присутствии в часовне, пока не нашел его среди остальных моих слушателей. Что же касается отрицания изложенных им фактов, то, зная, как и я, о жестоких последствиях рабства и состоянии общества в рабовладельческих штатах Америки, об этом не может быть и речи. Я не вижу в фактах, изложенных Мозесом Роупером, ничего невероятного. С тех пор как я в последний раз был в этом городе, я прочитал в американской газете сообщение о происшествии в Теннесси, от которого кровь стынет в жилах. Чернокожий мужчина, совершивший какое-то преступление, был посажен властями в тюрьму, но по требованию граждан был выдан им, привязан к дереву и СОЖЖЕН ЗАЖИВО! Во время моего пребывания в Соединенных Штатах негр был сожжен заживо, согласно приговору, вынесенному одним из официальных судов штата! Это называлось образцовым наказанием, и многие газеты по всей стране были заполнены длинными и учеными статьями, оправдывающими это ужасное безобразие. Мистер Брекинридж может указывать на законы и конституцию страны, но я говорю ему, что они и власти, назначенные для обеспечения их соблюдения, одинаково бессильны. Я указываю ему на зверства закона Линча по всей стране; на жестокую резню игроков в Миссисипи, где мужчин среди бела дня выволокли на улицу и привязали за шею к ветвям деревьев, так что их глаза вылезли из орбит, а их жен перевезли через реку в открытых лодках; их жизням угрожали за то, что они осмелились попросить трупы своих мужей. Я спрашиваю, дошел ли какой-нибудь закон до извергов в человеческом обличье, которые совершили эти деяния. Я спрашиваю мистера Брекинриджа, наказал ли какой-либо закон преступников Чарльстона, которые, захватив общественный транспорт, нарушили конституцию и законы штата, забрав содержимое почтовых мешков и подожгв их? Разве главный почтмейстер не сказал ободряюще: "Я не могу санкционировать, но и не буду осуждать то, что вы сделали. В ваших обстоятельствах я поступил бы аналогичным образом". Нужно ли мне напоминать мистеру Брекинриджу о толпах на Севере; беспорядках в Нью-Йорке; разграблении дома мистера Таппана и сносе школ для цветных? Законы могут существовать, но пока рабство существует и защищается общественным мнением, и пока сохраняется свирепое предубеждение против цвета кожи, они будут нуждаться в "принципе исполнительной власти", без которого они будут всего лишь жестокой насмешкой.

Беглый взгляд на моральное и религиозное состояние рабовладельческого населения покажет, с какой заботой и вниманием относятся христианские церкви на Юге.

Что говорит преподобный К. К. Джонс в проповеди, произнесенной перед двумя ассоциациями плантаторов в Джорджии в 1831 году?

"Вообще говоря, они (рабы) кажутся нам лишенными Бога и надежды в этом мире, НАРОДОМ ЯЗЫЧНИКОВ среди нас. Мы не можем кричать против папистов за то, что они утаивают Священные Писания от простых людей и держат их в неведении относительно образа жизни, ибо мы УТАИВАЕМ Библию от наших слуг и держим их в неведении о ней, в то время как мы не будем использовать средства для того, чтобы ее прочитали и объяснили им. Крик наших гибнущих слуг доносится до нас с знойных равнин, когда они сгибаются в своем тяжелом труде; он доносится из их скромных хижин, когда они возвращаются вечером, чтобы дать отдых своим уставшим членам; он доносится до нас из среды их невежества, и суеверий, и прелюбодеяния, и распутства. Мы не проявили никаких эмоций ужаса, отдав души наших слуг противнику, рыкающему льву, который бродит повсюду в поисках того, кого он мог бы поглотить".

Еще раз: что сказал Синод Южной Каролины и Джорджии в отчете о состоянии цветного населения в отношении религиозного обучения?

"Кто бы поверил, что в эти годы пробуждений и благотворительных усилий в этой Христианской Республике более ДВУХ МИЛЛИОНОВ людей находятся в положении ЯЗЫЧНИКОВ, а в некоторых отношениях и в худшем состоянии. Из длительного и пристального наблюдения мы пришли к выводу, что их моральное и религиозное состояние таково, что они по праву могут считаться ЯЗЫЧНИКАМИ этой христианской страны и выдержат сравнение с язычниками в любой стране мира. Негры лишены Евангелия и ВСЕГДА БУДУТ ЛИШЕНЫ При НЫНЕШНЕМ ПОЛОЖЕНИИ ВЕЩЕЙ. На обширной территории, простирающейся от целого штата за Потомаком до реки Сабин и от Атлантического океана до Огайо, насколько нам известно, насчитывается не более ДВЕНАДЦАТИ человек, посвятивших себя исключительно религиозному воспитанию негров. При нынешнем состоянии настроений на Юге служение их собственного цвета кожи не могло быть ни получено, ни ТЕРПИМО".

Еще раз: что говорит автор в недавнем номере "Чарльстон, Южная Каролина, Обсервер"?

"Давайте учредим миссионеров среди наших негров, которые в плане религиозных знаний столь же униженно невежественны, как и любой человек на африканском побережье; ибо я рискну утверждать, что в пределах нашего Синода насчитывается по меньшей мере сто тысяч рабов, говорящих на том же языке, что и мы, которые никогда НЕ СЛЫШАЛИ о плане спасения, совершенном Исккупителем".

Автор "Западного светила", уважаемой религиозной газеты в Лексингтоне, штат Кентукки, говорит:

"Я заявляю христианскому миру, что язычество так же реально в рабовладельческих Штатах, как и на островах Южных морей, и что наши негры являются такими же справедливыми объектами внимания Американского и других Советов иностранных миссий, как индейцы западных дебрей. Что же это такое представляет собой язычество? Неужели это значит быть лишенным знания о Боге; о его святом слове; никогда в жизни не слышать ни одной прочитанной фразы из него; знать мало или вообще ничего об истории, характере, наставлениях и миссии Иисуса Христа; быть почти полностью лишенным моральных знаний и чувств, чувств честности, истины и целомудрия? Если это представляет собой язычество, то на нашей любимой земле тысячи, миллионы язычников. Есть одна тема, на которую я намекну, которая послужит утверждению язычества этого населения. Я имею в виду всеобщую распущенность, которая преобладает.

Можно сказать определенно, что целомудрие у них не является добродетелью; что его нарушение не наносит ущерба женскому характеру ни в их собственных глазах, ни в глазах их хозяина или любовницы. Никогда не дается никаких наставлений; не произносится никакого порицания. Я говорю не о мире; я говорю о христианских семьях в целом".

Еще раз: я привожу слова сына рабовладельца из Кентукки, который стал аболиционистом в семинарии Лейна и с тех пор убедил своего отца освободить своих рабов. Послушайте Джеймса А. Тома.

- Распущенность. Я не буду говорить о далеком Юге, сыновья которого быстро тают от царящего здесь НЕПРИКРЫТОГО РАСПУТСТВА. Я имею в виду рабовладельческий Запад. Хорошо известно, что жилища рабов, я имею в виду деревенских рабынь, открыты для посторонних каждый час ночи и что СПАЛЬНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ОБОИХ ПОЛОВ ЯВЛЯЮТСЯ ОБЩИМИ.

"Также фактом является то, что после окончания рабочего дня не допускаются половые сношения между семьями и слугами. Семья, собравшаяся на вечер, наслаждается возвышенной и поучительной беседой. Но бедных рабов выгоняют вон. Вокруг них нет уз священного дома; нет моральных наставлений, компенсирующих дневной труд; нет общения как мужчина с женщиной; и если кто-то из младших членов семьи, движимый любопытством, прокрадывается на грязную кухню, ребенка быстро отзывают обратно, считая себя счастливым, если он избежит гневного упрека. Почему это? Страх морального осквернения.

Превосходнейшая причина; но она раскрывает ужасающую картину. РАБЫ, ОТРЕЗАННЫЕ ОТ ВСЯКОЙ ОБЩНОСТИ ЧУВСТВ Со СВОИМ ХОЗЯИНОМ, БРОДЯТ ПО ДЕРЕВЕНСКИМ УЛИЦАМ, ШОКИРУЯ СЛУХ СВОИМИ ВУЛЬГАРНЫМИ ШУТКАМИ И СЛАДОСТРАСТНЫМИ ПЕСНЯМИ, ИЛИ ОТКРЫВАЮТ СВОИ КУХНИ ДЛЯ ПРИЕМА ЧЕРНОКОЖИХ СОСЕДЕЙ, ОНИ ПРОВОДЯТ ВЕЧЕР В АЗАРТНЫХ ИГРАХ, ТАНЦАХ, ВЫПИВКЕ И САМЫХ НЕПРИСТОЙНЫХ РАЗГОВОРАХ, КОТОРЫЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ ДО ГЛУБОКОЙ НОЧИ, А ЗАТЕМ ЗАВЕРШАЮТ СЦЕНУ БЕСПОРЯДОЧНЫМ РАЗВРАТОМ. ГДЕ ЭТО ПРОИСХОДИТ? НА КУХНЯХ ЧЛЕНОВ ЦЕРКВИ И СТАРЕЙШИН!

Теперь я возьму на себя смелость зачитать два письма от в высшей степени респектабельных джентльменов с Юга друзьям в Новую Англию. Первое письмо от священнослужителя из Северной Каролины одному из профессоров колледжа Боудойн в штате Мэн.

Вы помните, что, когда я был у вас прошлым летом, я был категорически против Общества борьбы с рабством и утверждал, что план колонизации был полным и единственным средством от зла рабства, и что я выступил перед студентами с чем-то вроде лекции на тему рабства. Это был плохой разговор, потому что это была убогая тема. Я не думаю, что то, что я сказал, оказало какое-либо влияние на людей, выступающих против рабства, или вообще укрепило дело Общества колонизации. Как бы то ни было, я считаю своим долгом как перед самим собой, так и перед друзьями, которые у меня есть с вами, сказать, что мои взгляды и чувства, которые тогда колебались, с тех пор, после зрелых размышлений и долгих молитв, полностью изменились, и что теперь я решительный противник рабства. Да, по зрелом размышлении, я являюсь заклятым врагом рабства во всех его формах, со всеми его пороками. Отныне противодействие рабству является частью моей религии. Я очень удивлен, что я в какой бы то ни было форме стал апологетом системы, столь полной смертельного яда для всякой святости и благожелательности, как рабство, состряпанной сущности мошенничества, эгоизма и бессердечной тирании, и плодотворной прародительницы бесчисленных зол, как для угнетателя, так и для угнетенных, тысячная часть которых так и не была выявлена.

"Вы спрашиваете, почему это изменилось после двадцатилетнего проживания в стране рабов. Вы помните строки Поупа, начинающиеся

"Порок - чудовище такого ужасного вида,
Что для того, чтобы его возненавидели, достаточно его увидеть".

Я настолько познакомился с отвратительными чертами рабства, что они перестали меня оскорблять; кроме того, я стал южанином во всех своих чувствах, а защищать рабство - часть нашего кредо. Я также считал, что в этой стране невозможно освободить рабов. Но нет необходимости исследовать основу моих прежних взглядов. Что касается Общества колонизации, то среди многих возражений у меня есть одно: у него два лица: одно для Севера и совсем другое для Юга. Если агенты Общества колонизации приедут сюда и скажут то, что я слышал от них в Нью-Йорке, я обеспечу им хороший слой дегтя и перьев за их труд. У этого Общества здесь мало друзей, несколько крупных рабовладельцев, которые с его помощью надеются изгнать свободных людей из своего района, и несколько других, чья совесть не совсем спокойна, получают поддержку, выступая в защиту Общества колонизации. Многие из этих последних являются министрами. Масса людей считает это планом янки и, конечно, ненавидит его. Я помню, среди прочего, я сказал студентам в своем обращении, что единственный способ покончить с рабством - это дать нам больше религии. Тогда этот аргумент казался веским. Пришлите нам проповедников, сказал я, и по мере распространения религии рабство исчезнет, оно не выдержит Евангелия. Я не подумал о том, что религия, которую мы имеем здесь, оправдывает и поддерживает рабство. Наша религия не позволяет проповеднику касаться предмета. Это не все Евангелие. Я еще не видел человека, который осмелился бы взять за основу текст: "Господа, дайте вашим слугам то, что справедливо и равноценно". Если бы каждый человек в стране был профессором религии, той религии, которая есть у нас, это не сильно помогло бы делу. Я думаю, что могу с уверенностью сказать, что в целом пресвитериане, безусловно, лучшие хозяева и уделяют религиозному воспитанию своих рабов больше внимания, чем другие, но я знаю одного из них, старейшину, который утверждает, что рабство не является нарушением закона: "Возлюби ближнего своего, как самого себя", и чьих рабов гоняют в поле длинным кнутом! Но это просто для того, чтобы добавить, что они не переутомляются, их хорошо кормят и одевают. Вы вольны сообщить студентам и другим, кто слышал меня в тот раз, что я теперь выступаю против рабства; но я не хочу, чтобы письмо было опубликовано с моим именем, поскольку оно было бы скопировано другими газетами, попало обратно и причинило бы мне вред, поскольку ни один человек в этой стране не свободен полностью выражать свои мысли".

Следующее - от торговца из Сент-Луиса, штат Миссури, до священника из Нью-Гэмпшира.

Сент-Луис, 18 января 1835 года.

Очень Дорогой Брат.

Я хочу многое сказать тебе, Брат, по этому вопросу, который, кажется, сейчас тебя очень интересует. Я сейчас и был до того, как уехал из Хартфорда, аболиционистом; и это тоже из-за глубокого и основательного убеждения, что вечное правление права требует немедленной свободы каждого раба в этой и любой другой стране. С тех пор как я поселился в этом рабовладельческом государстве, я не видел ничего, что могло бы изменить мои прежние

взгляды на этот предмет, напротив, многое укрепляло меня в них. Вы, живущие в счастливой Новой Англии, можете иметь лишь очень смутное представление о пагубном и разлагающем влиянии рабства на общество. Хотя в Миссури мы являемся свидетелями рабства в его самой мягкой форме, все же этого достаточно, чтобы заболело сердце доброжелателя, чтобы увидеть его воздействие на общество в целом и его ужасно деморализующее влияние на самих рабов: поскольку они считаются собственностью среди крупного рогатого скота и стад их владельцев, (простите за слово) их уровень морали и добродетели находится на одном уровне (в целом) с животными, к которым их причисляют: и я достоверно информирован, что многие эмигранты из рабовладельческих штатов, которые владеют плантациями на реке Миссури, оказались дисквалифицированными из-за своих прежних привычек праздности. чтобы посоревноваться с эмигрантами другого склада в предприимчивости, обратите их внимание на выращивание рабов, как крупного рогатого скота, для продажи торговцам-неграм, отправляющимся вниз по реке. Как вы думаете, какого рода эталон добродетели будет иметь место на такой плантации; и в какой период истории нашей страны эти деградировавшие сыны Африки будут обращены в христианство при существующих обстоятельствах.

Безбожный человек, который является рабовладельцем, вполне доволен усилиями и взглядами Общества колонизации, потому что ему удастся сбросить с себя ответственность и отодвинуть далеко вперед то время, когда его призовут поступать правильно; но изложите ему чувства и принципы аболиционистов, и он сразу же начнет бушевать — вся злобность его натуры приводится в действие - и почему? Он чувствует давление ответственности, он ведет себя очень похоже на нераскаявшегося грешника, уколотого истиной, и, подобно ему, он тоже либо становится на сторону добра, либо ожесточается и превращается в сурового противника. Отрадно отмечать постепенное влияние принципов отмены рабства на сердца и совесть каждого рабовладельческого сообщества, особенно на сердца христиан-рабовладельцев. Многие из тех, кто позволил этой теме занять место в своих мыслях, сильно взволнованы и не осмеливаются продавать или покупать снова ради собственного спокойствия. Но подробнее об этом в другой раз.

Теперь я изложу собранию мнение генерала Джорджа Мак-Даффи, губернатора штата Южная Каролина, изложенное в послании, адресованном им двум ветвям законодательной власти в конце прошлого года. Я возлагаю ответственность за эти настроения на штат, во-первых, потому, что представители его граждан в ряде резолюций, представленных губернатору, единодушно выразили им свое особое одобрение; и, во-вторых, потому, что мне неизвестно, чтобы против них подавался какой-либо протест какой-либо частью христианского сообщества. Чувства более жестокие, пожалуй, никогда не были написаны.

Первый отрывок, содержащий рекомендации по законодательству, содержит ссылку на распространение публикаций против рабства.

"Я ТВЕРДО УБЕЖДЕН, ЧТО ЗАКОНЫ КАЖДОГО СООБЩЕСТВА ДОЛЖНЫ КАРАТЬ ПОДОБНЫЙ ВИД ВМЕШАТЕЛЬСТВА СМЕРТЬЮ БЕЗ УЧАСТИЯ ДУХОВЕНСТВА, РАССМАТРИВАЯ ЕГО АВТОРОВ КАК ВРАГОВ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО. Ничто не может быть более подходящим для того, чтобы Южная Каролина подала пример в условиях нынешнего кризиса, и я верю, что Законодательный орган не отложит заседание до тех пор, пока не выполнит этот высокий долг патриотизма".

Давайте посмотрим на теологические взгляды этого выдающегося государственного деятеля на проблему рабства.

НИ ОДИН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, НА МОЙ ВЗГЛЯД, НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВОЛЕ БОЖЬЕЙ БОЛЕЕ ЯВНО, ЧЕМ ДОМАШНЕЕ РАБСТВО, и ни одно из его постановлений не написано более разборчивыми буквами, чем то, которое обрекает африканскую расу на это состояние, БОЛЕЕ СПОСОБСТВУЮЩЕЕ ИХ СОБСТВЕННОМУ СЧАСТЬЮ, ЧЕМ ЛЮБОЕ ДРУГОЕ, К КОТОРОМУ ОНИ ПОДВЕРЖЕНЫ. Обращаемся ли мы к священным Писаниям или к светилам природы и разума, мы найдем эти истины столь же очевидными, как если бы они были начертаны солнечным лучом на небесах. Как при иудейском, так и при христианском устройении нашей религии ДОМАШНЕЕ РАБСТВО существовало с недвусмысленного разрешения ее пророков, ее апостолов и, наконец, ее великого Автора. Сами патриархи, эти избранные орудия Бога, были рабовладельцами. На самом деле божественная санкция этого института написана так ясно, что "тот, кто бежит, может прочитать" ее, и тем чрезмерно праведным притворщикам и фарисеям, которые притворяются шокированными его существованием среди нас, не мешало бы поинтересоваться, насколько они ближе к пути благочестия, чем Авраам, Исаак и Иаков. Не менее очевидно и то, что африканский негр ВОЛЕЮ ПРОВИДЕНИЯ ОБРЕЧЕН НАХОДИТЬСЯ В СОСТОЯНИИ РАБСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ. Это написано на лице, отпечаталось на коже и свидетельствует об интеллектуальной неполноценности и природной непредусмотрительности его расы. У НИХ ЕСТЬ ВСЕ КАЧЕСТВА, КОТОРЫЕ ПОДХОДЯТ ИМ ДЛЯ РАБСТВА, И НИ ОДНОГО ИЗ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПОДХОДИЛИ БЫ ИМ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ СВОБОДНЫМИ ЛЮДЬМИ, они совершенно не годятся не только для рациональной свободы, но и для самоуправления любого рода. Они во всех отношениях, физических, моральных и политических, уступают миллионам представителей человеческой расы, которые веками подряд влачили жалкое существование под гнетом политического деспотизма и которые обречены на это безнадежное состояние из-за тех самых качеств, которые делают их непригодными к лучшему. Совершенно удивительно, что какой-либо просвещенный американец, после рассмотрения всех многообразных форм, в которых даже белая раса человечества обречена на рабство и угнетение, должен предполагать, что возможно избавить африканцев от их судьбы. СПОСОБНОСТЬ НАСЛАЖДАТЬСЯ СВОБОДОЙ - ЭТО СВОЙСТВО, КОТОРОЕ НЕ ДОЛЖНО ПЕРЕДАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СИЛОЙ. ЭТО ДАР БОЖИЙ, И ОДИН ИЗ РЕДЧАЙШИХ, КОТОРЫМ ЕГО НЕПОСТИЖИМОЙ МУДРОСТИ БЫЛО УГОДНО ОДАРИТЬ НАРОДЫ ЗЕМЛИ. ОНО ДАРУЕТСЯ КАК НАГРАДА ЗА ЗАСЛУГИ, и только тем, кто достоин наслаждаться им. Пока "эфиоп не сможет сменить кожу", тщетны будут попытки любыми человеческими силами сделать свободными тех, кого Бог обрекал быть рабами, со всеми их атрибутами.

Поэтому пусть не будут введены в заблуждение коварные посредники, которые стремятся разрушить наш мир, воображая, что они служат делу Божьему, практически оспаривая постановления его Провидения. В самом деле, вряд ли вызвало бы удивление, если бы с нечестивой дерзостью те, кто спроектировал Вавилонскую башню, попытались взобраться на зубчатые стены Небес и возразить Богу мудрости за то, что он наложил КЛЕЙМО КАИНА И ПРОКЛЯТИЕ ХАМА на африканскую расу вместо европейской.

Затем губернатор излагает свои взгляды на политическую подоплеку вопроса и таким образом резюмирует их:—

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ДОМАШНЕЕ РАБСТВО ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗЛОМ, ЯВЛЯЕТСЯ КРАЕУГОЛЬНЫМ КАМНЕМ НАШЕГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЗДАНИЯ. Ни один патриот, справедливо оценивающий наши привилегии, не потерпит идеи эмансипации в любой период, каким бы отдаленным он ни был, или на любых условиях материальной выгоды, какими бы благоприятными они ни были. Я бы с таким же успехом подумал о начале переговоров о немедленной продаже свободы государству, как и о каких-либо условиях окончательного освобождения наших рабов. Мое убеждение в этом вопросе настолько глубоко, что, если бы я был обречен умереть сразу после того, как записал эти чувства, я мог бы сказать со всей искренностью и при всех санкциях христианства и патриотизма: "Боже упаси, чтобы мои потомки в самых отдаленных поколениях жили не в сообществе, где существует институт ДОМАШНЕГО РАБСТВА".

О поведении духовенства Южной Каролины можно судить из следующего отчета о большом митингесторонниковрабства, состоявшемся в городе Чарльстон, на котором в самом злобном духе были осуждены аболиционисты Севера:,,

(Из Charleston Courier.)

БОЛЬШОЕ И ВАЖНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ.

Одно из самых внушительных собраний граждан с точки зрения численности, интеллекта и респектабельности, которое мы когда-либо видели, собралось вчера утром в мэрии, чтобы получить отчет Комитета двадцати одного, назначенного собранием 4-го сентября. о подстрекательских махинациях, которые сейчас совершаются против мира и благополучия Южных Штатов. ДУХОВЕНСТВО ВСЕХ КОНФЕССИЙ ПРИСУТСТВОВАЛО В ПОЛНОМ СОСТАВЕ, САНКЦИОНИРУЯ ПРОИСХОДЯЩЕЕ И СПОСОБСТВУЯ СВОИМ ПРИСУТСТВИЕМ ВПЕЧАТЛЯЮЩЕМУ ХАРАКТЕРУ СЦЕНЫ!

После самых жестоких угроз в адрес обсуждения темы рабства собрание завершилось принятием следующей резолюции:

По ходатайству капитана Линча,

"Постановили, что благодарность этого собрания принадлежит преподобным джентльменам из духовенства этого города, которые так быстро и эффективно отреагировали на общественное мнение, приостановив работу своих ШКОЛ, в которых обучалось свободное цветное население; и что это собрание считает патриотическим действием, достойным всяческих похвал, и достойным подражания другим учителям подобных школ по всему штату".

Следующий документ будет говорить сам за себя. Я предлагаю его к рассмотрению служителям Христа по всему миру.

ЧАРЛЬСТОНСКАЯ ПРЕСВИТЕРИЯ О РАБСТВЕ.

Выдержка из протокола собрания пресвитерии Чарльстонского союза 7 апреля 1836 года.

В связи с отношением, которое церковь поддерживает к институту рабства, и возможностью попыток поднять этот вопрос на следующей Генеральной Ассамблее, эта пресвитерия считает целесообразным четко изложить принципы, которых они придерживаются, и курс, которого будут придерживаться их уполномоченные в Ассамблее. Это принцип, который соответствует взглядам этого органа, а именно, что рабство в том виде, в каком оно существует среди нас,

является политическим институтом, в который церковные судебные органы не имеют ни малейшего права вмешиваться; и в отношении которого любое такое вмешательство, особенно в условиях нынешнего важного кризиса, было бы морально неправильным и чреватым самыми опасными и пагубными последствиями. Если будет предпринята какая-либо попытка обсудить эту тему, ожидается, что наши уполномоченные встретят ее у самого порога, а также любого отчета, меморандума или документа, которые могут послужить поводом для возбуждения этого вопроса в любой форме. И далее ожидается, что наши Уполномоченные, если того потребует дело, отчетливо признают нашу полную убежденность в истинности принципов, которых мы придерживаемся в отношении этого предмета, и нашу непоколебимую решимость соблюдать их, каким бы ни был исход; что может показаться, что чувства, которые мы поддерживаем вместе с христианами Юга всех конфессий, настолько согласуются с нашей совестью, настолько отождествляются с нашими торжественными убеждениями в долге, что мы должны поддерживать их при любых обстоятельствах; и в то же время особые обстоятельства, в которых мы находимся, могут оказаться причиной того, что мы должны действовать в соответствии с этими принципами и не позволяем нам ни в чем уступать в вопросе, который касается не только наших личных интересов, но и дела Христа и мира, если не самого существования южного сообщества.

Если нашим комиссарам не удастся достичь этой цели, ожидается, что они покинут Ассамблею с подобающим достоинством; они не желают быть связанными с группой людей, которые осуждают служителей и членов южных церквей как пиратов и похитителей людей, или которые сотрудничают с теми, кто таким образом осуждает их.

В заключение, эта Пресвитерия хотела бы предложить своим Уполномоченным провести совещание с уполномоченными других южных пресвитерий, чтобы между ними могло быть общее понимание относительно курса, наиболее подходящего для проведения в условиях данного кризиса, и по этому захватывающему вопросу. И пусть эта мудрость, ниспосланная свыше, которая сначала чиста, а затем миролюбива, нежна и к ней легко обратиться, будет их руководством в управлении важным делом, вверенным в их руки.

Решено, что это выражение наших взглядов будет подписано Модератором и Секретарем; что копия будет передана каждому из наших уполномоченных Генеральной Ассамблее и что она будет опубликована в Charleston Observer.

Э. Т. БУИСТ, модератор.

Б. Гилдерслив, временный клерк.

Резолюции Пресвитерианских синодов Южной Каролины и Джорджии, декабрь 1834 г.

"Единогласно постановлено, что, по мнению этого Синода, Общества по отмене смертной казни и принципы, на которых они основаны, в Соединенных Штатах несовместимы с наилучшими интересами рабов, правами владельцев и великими принципами наших политических институтов".

Следующее заявление о чувствах было опубликовано в Чарльстоне, Южная Каролина, Советом управляющих Миссионерского общества Южнокаролинской конференции Методистской епископальной церкви:

"Мы осуждаем принципы и мнения аболиционистов в целом; и торжественно заявляем о нашем убеждении, что независимо от того, возникли ли они, как думали некоторые бизнесмены, в результате денежной спекуляции, или, как думают некоторые политики, в целях партийной предвыборной агитации, или, как мы склонны верить, в результате ложной философии, преувеличивающей или отвергающей Священные Писания из-за тщеславного представления о высшей моральной утонченности, они совершенно ошибочны и совершенно вредны. Мы рассматриваем и верим, что Священное Писание, отнюдь не одобряя это заблуждение, недвусмысленно разрешает отношения господина и рабыни. Мы считаем, что раб-христианин должен быть покорным, верным и послушным по причинам того же авторитета, что и те, которые обязывают мужей, жен, отцов, матерей, сестер выполнять обязанности, вытекающие из этих отношений. Мы бы не стали привлекать к этой работе никого, кто мог бы колебаться в таком обучении; и такого нельзя найти среди всего числа проповедников на этой Конференции".

Еще один документ, касающийся Южной Каролины, а именно резолюции, недавно принятые "Пресвитерией Хоупвелла". Что касается домашнего рабства, то эта Пресвитерия считает, что наиболее неопровержимо установлены следующие факты, а именно:

- I. Рабство существовало в церкви Божьей со времен Авраама и по сей день. Члены церкви Божьей держали рабов, купленных на их деньги и родившихся в их домах; и это отношение не только признано, но и их обязанности четко определены как в Ветхом, так и в Новом Заветах.
- II. Освобождение не упоминается среди обязанностей хозяина по отношению к своему рабу. В то время как рабу предписано повиновение "даже самому суровому" хозяину.
- III. Невозможно привести ни одного примера, когда во всех остальных отношениях порядочный христианин был бы ОСУЖДЕН, а тем более отлучен от церкви, за единственный акт содержания домашних рабов, начиная со времен Авраама и заканчивая современными аболиционистами.
- IV. Рабство существовало в Соединенных Штатах еще до того, как было организовано наше церковное тело. Это не осуждается в нашем Исповедании Веры и всегда существовало в нашей Церкви без порицания или осуждения.
- V. Рабство - это политический институт, с которым Церковь не имеет ничего общего, кроме как прививать обязанности господина и рабыни и использовать законные духовные средства, чтобы все, как рабы, так и свободные, стали едины во Христе по вере.

Рассматривая эти позиции как несомненно верные, наши представления о долге вынуждают нас принять следующие резолюции:

Постановлено, что политический институт домашнего рабства в том виде, в каком он существует на Юге, не является законным или конституционным предметом обсуждения, не говоря уже о действиях Генеральной Ассамблеи.

Решено, что как только Генеральная Ассамблея примет какие-либо церковные законы или порекомендует какие-либо действия, которые будут препятствовать этому учреждению, эта Пресвитерия будет рассматривать такие законы и акты как тиранические и одиозные; и с этого момента будет считать себя независимой от Генеральной Ассамблеи Пресвитерианской церкви.

Постановлено, Что нашим делегатам на предстоящей Ассамблее настоящим предписывается использовать все христианские средства, чтобы предотвратить обсуждение домашнего рабства в Ассамблее; протестовать от нашего имени против всех актов, которые предполагают или одобряют отмену рабства; и выйти из состава Ассамблеи и вернуться домой, если, несмотря на их усилия, акты такого характера будут приняты ".

Из официального отчета о работе Синода Вирджинии я беру следующее

ОТЧЕТ ОБ ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

"Комитет, которому были переданы резолюции и т.д., согласно приказу, рассмотрел то же самое: и с уважением сообщает, что, по их мнению, следующие резолюции необходимы и уместны для принятия Синодом в настоящее время.

"Принимая во внимание, что публикации и деятельность определенных организованных ассоциаций, обычно называемых Обществами борьбы с рабством или отмены рабства, которые возникли в некоторых частях нашей страны, сильно потревожили и все еще сильно нарушают мир церкви и страны; и Синод Вирджинии считает своим священным долгом перед самими собой и обществом заявить о своих чувствах по этому вопросу; поэтому,

"Решено единогласно, что мы рассматриваем догму, яростно пропагандируемую упомянутыми ассоциациями; что рабство в том виде, в каком оно фактически существует в наших рабовладельческих государствах, обязательно греховно и должно быть немедленно отменено, а выводы, которые естественным образом следуют из этой догмы, прямо и ощутимо противоречат простейшим принципам здравого смысла и общечеловеческой ценности, а также самому ясному авторитету слова Божьего.

"2. Решено единогласно, что, по взвешенному решению Синода, долгом всех служителей Евангелия является следовать примеру нашего Господа и Спасителя и его апостолов в аналогичных обстоятельствах, воздерживаясь от любого вмешательства в состояние рабства, установленное среди нас Содружеством, и строго ограничиваясь своей надлежащей компетенцией по внушению хозяевам и рабам обязанностей, предписанных им соответственно Священным Писанием, которые должны немедленно способствовать благосостоянию обоих и, в конечном счете, вернуть весь мир к тому состоянию святого счастья, которое является истинным. искреннее желание каждого христианского сердца.

"Вышеупомянутые преамбула и резолюции были прочитаны по отдельности и приняты по пунктам, Ведущий попросил разрешения проголосовать вместе с Синодом по принятию всего доклада в целом и получил его. Поскольку вопрос был задан, он был принят единогласно, и, как полагают, каждый член комиссии дал на него сердечный ответ ".

Последний документ, который я процитирую по этой части темы, наполнит это собрание ужасом; но будет правильно, если он будет занесен в протокол, чтобы показать мнение служителя пресвитерианской церкви о своих братьях и сестрах-христианах, а также показать, какого рода общение происходит среди так называемых учеников Христа в рабовладельческом сообществе.

"К заседаниям пресвитерианских конгрегаций в пределах Западно-Ганноверской пресвитерии:

"На предстоящем собрании нашей Пресвитерии я намереваюсь предложить преамбулу и ряд резолюций по вопросу использования вина на Вечере Господней; а также преамбулу и ряд резолюций по вопросу предательского и отвратительно злонамеренного вмешательства северных и восточных фанатиков в наши политические и гражданские права, нашу собственность и наши внутренние заботы. Вы знаете, что наше духовенство, по причине или без причины, вызывает у общественности больше подозрений, чем духовенство других конфессий. Теперь, дорогие братья-христиане, я смиренно выражаю это как свое искреннее желание, чтобы вы покончили с собой, как мужчины. *Если среди нас есть какой-нибудь заблудший священник, запятнанный кровавыми принципами аболиционизма, пусть его поймают, заставят замолчать, отлучат от церкви и предоставят общественности распоряжаться им в других отношениях.*

"Твой любящий брат в Господе,

"РОБЕРТ Н. АНДЕРСОН".!!!

Я надеюсь, что привел достаточно доказательств по этой душераздирающей теме и убедительно доказал обвинения, которые я счел своим долгом выдвинуть против американских церквей. Никто не может обвинить меня в желании, чтобы чему-то поверили на основании моих голых утверждений. Я предоставил документальные доказательства истинности всех моих утверждений. Пресвитериане, и Конференции, и Служители, и Старейшины, и Синоды, и Ассамблеи говорили сами за себя в своих торжественных и аккредитованных Речах, Письмах, Отчетах и Резолюциях. Судите, следовательно, оклеветал ли я Америку; тот ли я грязный клеветник, в которого некоторые хотели бы заставить вас поверить, но для веры в который они не дают вам никаких оснований, кроме своих собственных злобных поношений. Пусть факты, которые я представил вам, будут обдуманно рассмотрены, и пусть будет вынесен такой вердикт, который одобрит мир и Бога. Однако, прежде чем сесть, я должен заметить, что мне всегда доставляло искреннее удовольствие замечать какие-либо движения против рабства среди духовенства Америки. Я с восторгом констатировал тот факт, что на Генеральной ассамблее 1835 года было СОРОК ВОСЕМЬ непосредственных аболиционистов. В данном случае я снова с искренним удовлетворением ссылаюсь на признаки улучшения положения вещей во многих частях пресвитерианской церкви. Мистер Брекинридж процитировал взгляды Ассамблеи по вопросу рабства; я тоже. На недавнем заседании Объединенного Сецессионного Синода, состоявшемся незадолго до этого в Эдинбурге, я полностью выразил настроения пресвитерианского сообщества в Америке. В то же время я не мог не упомянуть один поразительный факт, а именно. что в 1816 году Ассамблея вычеркнула из "Исповедания Церкви" следующую записку, принятую в 1794 году и содержащую доктрину церкви того периода по вопросу рабовладения. Примечание было приложено к сто сорок второму вопросу большого катехизиса.

"1 Тим. 1:10. Закон создан для ПОХИТИТЕЛЕЙ ЛЮДЕЙ. Это преступление среди евреев подвергало виновных в нем смертной казни; Исход 21: 16; и апостол здесь причисляет их к грешникам первого ранга. Слово, которое он использует в его первоначальном значении, охватывает всех, кто заинтересован в том, чтобы привести кого-либо из человеческой расы в рабство ИЛИ УДЕРЖАТЬ ИХ В НЕМ. *Hominum fures, qui servos vel liberos abducunt, retinent vendunt, vel emunt.* Похитители людей - это все те, кто уводит рабов или свободных людей И

ХРАНИТ, ПРОДАЕТ ИЛИ ПОКУПАЕТ ИХ. Украсть свободного человека, говорит Гроций, - это высший вид воровства. В других случаях мы только крадем человеческую собственность, но когда мы крадем или удерживаем людей в рабстве, мы захватываем тех, кто, как и мы сами, создан изначальным даром, повелителями земли. Бытие 1:28, Смотрите синопсис Поли на английском языке".

Почему эта заметка была отменена, я не буду пытаться сказать. Ни мистеру Брекинриджу, ни этой Ассамблее не нужно затрудняться, чтобы представить, по каким причинам столь сильный и недвусмысленный отрывок был опущен органом, в котором столь значительную долю составляли рабовладельцы. Недавно я прочитал и публично одобрил обращение Синода Кентукки, содержащее очень точное, хотя и ужасающее раскрытие состояния рабства в Кентукки; и выражающее искреннюю надежду, что члены пресвитерианского корпуса без промедления предпримут шаги для содействия образованию и эмансипации рабов. Позвольте мне также заявить, что следующие церковные собрания приняли резолюции, и многие из них утвердили правила членства в церкви в соответствии с взглядами Американского общества борьбы с рабством. Некоторые из них специально одобрили принципы и меры этого органа. Пока я читаю этот список, прошу напомнить мистеру Брекинриджу, что они составляют часть того оборванного полка, о котором он так весело отзывался в одной из своих давних речей,

СИНОДЫ Утики и Цинциннати.

Восточный Субсинад Реформированной пресвитерианской церкви.

ПРЕСВИТЕРИИ Делаверэ, Шамплейна, Эри, Чилликота, Детройта и Джинси.

Генеральная ассоциация Нью-Йорка.

Центральная евангелическая ассоциация.

Камберлендская баптистская ассоциация.— Разделены поровну.

Сто восемьдесят пять баптистских священнослужителей.

Подавляющее большинство Конференций епископальных методистов Новой Англии и Нью-Гэмпшира, а также большое количество отдельных Церквей.

Так продвигается дело! Очищающая закваска распространяется по всей стране. Элементы, призванные избавить Америку от загрязнения и позора рабства, действуют мощно. Когда я приехал в Соединенные Штаты, я взял принципы, которые, по моему мнению, были сравнительно забыты, и провозгласил их за границей. Я опирался на Американскую Библию и Американскую декларацию независимости и проповедовал на их основе, что различные племена людей *одной крови* и что все люди должны быть "свободными и равными". Я трудился не напрасно. Теперь есть могучее и неукротимое воинство чистых и пылких друзей свободы и возвышения давно деградировавшего цветного человека. Давайте поблагодарим Бога, наберемся мужества и с уверенностью будем ожидать скорого наступления счастливого дня, когда по земле Америки не ступит нога раба.

Мистер БРЕКИНРИДЖ сказал, что он сожалеет о том, что вынужден сказать что-либо еще по этому вопросу, который он хотел бы считать завершенным, насколько это его касается, в конце своего предыдущего выступления. Однако он чувствовал себя обязанным из-за важности всего этого дела использовать часть этого своего последнего выступления — и которое он хотел использовать по—другому - в нескольких пояснениях, которые казались необходимыми. Во-первых, следует отметить, что большая часть свидетельств, приводимых повсюду, и особенно в

его последней речи, мистером Томпсоном, были индивидуальными мнениями и утверждениями, часто неизвестных личностей, и, следовательно, мир мог бы сказать, вымышленных личностей; или, если это были известные личности, они часто были людским светскими, и открыто действовали по мирским принципам, и, следовательно, не более служили критерием состояния американских церквей, чем безнравственность любого государственного чиновника здесь, можно было бы справедливо сделать правилом суждения о вере и морали британских церквей. Христиане. Значительная часть также была взята из скоротечных и горячих заявлений жестоких партийных газет, которые отрывались от своей первоначальной цели и связи, могли означать то, чего никогда не подразумевалось, или даже, если их справедливо сопоставить, выражали то, что их авторы, возможно, теперь с удовольствием вспомнили бы. Насколько это было бы доказательством утверждений мистера Т. из Америки, если бы в какой-нибудь другой стране какой-нибудь фанатик процитировал как неоспоримую историю мистера Томпсона о цветном человеке из Вашингтона, чье утверждение из третьих рук о том, что он свободен, подтверждало заявление о том, что *"он продемонстрировал свою свободу"*, и все же, в конце концов, был продан в вечное рабство без суда и следствия! И все же многие из его доказательств имеют для него не больше ценности, чем его утверждения должны были бы иметь для любого, кто придет после него. Следующим наиболее достойным внимания является то, что, поскольку все его доказательства устанавливают что-либо против какой-либо части американской нации или американской церкви, все они основаны на предполагаемой правдивости всех моих объяснений их реального состояния и действий. Это рабовладельческая часть, это сравнительно небольшая группа рабовладельческих профессоров религии, это меньшинство нации, очень незначительное меньшинство ее христиан, постоянно вовлеченных в это; и поэтому, если бы каждое произносимое слово было правдой, сделанные из них огульные выводы были бы грубым обманом из-за преобладающего невежества во всех американских делах. Но что наиболее важно заметить и что должно быть ощутимо для способностей каждого ребенка, присутствовавшего на этом обсуждении, так это то, что самое весомое из доказательств мистера Томпсона вообще перестало быть доказательствами в тот момент, когда были объяснены связанные факты, банальные слова и обстоятельства. Он использовал слова в одном смысле, который, как он знает, вы поймете в другом — забавляясь одновременно вашими хорошими чувствами и вашей нехваткой мельчайшей информации, в то время как весь результат ложен для нас и несчастлив во всем, что касается "Занятия Отелло", которое, тем временем, "непот исчезло". Когда решительные и, возможно, жестокие термины используются против "отмены рабства" или "аболиционистов", или "антирабовладельческого общества", они приводятся для того, чтобы убедить вас, что те, кто их использует, являются сторонниками рабства: что они понимают эти термины так же, как и вы; и что это выражение крайней враждебности ко всякой эмансипации со стороны американских тиранов, в ноздрях которых, по словам этого джентльмена, одинаково смердят рабством и свободой! Метафора, почти столь же полная правды, как и порядочности. Факт, однако, таков, что, хотя многие отказались бы от использования резких и мстительных выражений, которые, позаимствованные у аболиционистов, были обращены против них; тем не менее, основная часть реальных чувств, выдвинутых мистером Томпсоном в качестве доказательств американского рабства, из-за ненависти американцев к его особым планам, принципам и духу в попытке его устранения, верны, справедливы и оправданны.— И я готов отстаивать многое из того, что он путем неискреннего цитирования сделал сначала одиозным, а затем характерным для Америки. Они доказывают только то, что он и его помощники наиболее одиозны для страны, и этот факт

никогда не отрицался, кроме как им самим или ими самими. И к чему клонился весь ход его показаний, если не к тому, чтобы показать, что они могли разумно ожидать и сделали многое, чтобы заслужить такой вывод.—Но сейчас невозможно снова возвращаться к этим вопросам, и по представленному делу он был готов к тому, чтобы мир вынес свой вердикт. Таким образом, хотя он больше не будет обращать внимания на какие-либо новые вопросы, содержащиеся в последней речи, необходимо сделать несколько замечаний, чтобы прояснить темы, которые уже несколько раз рассматривались ими. Первым делом был случай с Амосом Дрессером, аболиционистом, которого выпороли в Нэшвилле. Он пропустил бы мимо ушей то, что сказал мистер Т. относительно его (мистера Б.) уведомления о расхождении в количестве старейшин в Церкви Нэшвилла. Он обошелся с этим джентльменом с большой откровенностью в этом вопросе, на что тот ответил невежливостью и несправедливостью, и на этом он был доволен. Но как обстоят дела с фактами в самом деле? Сообщается, что Амос Дрессер сказал, что в церкви было семь старейшин; что все они входили в комитет бдительности Нэшвилла; что *большинство* из них были среди его прихожан и что *некоторые* из них причащали его в предыдущую субботу. Теперь давайте признаем, что это буквально верно — (что, однако, я полагаю, неверно, по крайней мере, в трех деталях) — как это оправдывает мистера Томпсона, утверждающего, как он делал в Лондоне и других местах, "что в том Комитете Линча *сидели семь старейшин и один священник, некоторые из которых* сидели с молодым человеком за столом Господним в предыдущее воскресенье"? Мистер Томпсон положительно противоречит своему собственному и единственному свидетелю, когда говорит, что все семь старейшин сидели как триеры; — он расширяет свои показания, когда намекает, что они не только согласились с его наказанием, но присутствовали и принимали активное участие в его назначении; и он делает вывод, не имеющий ни малейшего основания, и добавляет это к словам свидетеля, что те самые старейшины, которые угощали Дрессера Ужином Господним, в воскресенье "вспахали ему спину" - как члены Комиссии Линча на следующий день той же недели. Как, во имя общей честности, такое лживое обращение с истиной может допускаться в христианской общине? О! какое зрелище мы бы увидели — если бы у меня была привилегия перед каким-нибудь компетентным судом — взять в свои руки опубликованные обвинения этого человека и заставить его раскрыть под присягой все основания, на которых он их выдвигает! — мистер Б. затем заявил, что после того, как он вошел в дом сегодня вечером, ему в руки были вложены два пакета, которые он не мог осмотреть, поскольку как раз собирался начать обсуждение. В перерыве он улучил минутку, чтобы пробежаться глазами по их содержанию, и счел своим долгом сказать несколько слов по каждому из них. Одним из них был небольшой томик на тему рабства, вышедший из-под пера доктора Ченнинга из Бостона, только что вышедший из печати предприимчивого книготорговца из Глазго, который оказал ему услугу, подарив в очень любезных выражениях первый экземпляр издания. Те, кто взял бы на себя труд просмотреть напечатанный отчет о втором обращении мистера Томпсона к Обществу освобождения Глазго, обнаружили бы, что, говоря об унитариях Америки, он использовал следующие формулировки: "Один из их величайших людей, гигант интеллекта, уже придерживался правильного взгляда на предмет, и не могло быть сомнений в том, что вскоре он передаст тело на благо дела". В этом предложении, как оно стоит в речи, в конце слов "гигант интеллекта" — стоит звезда, — внизу страницы другая, перед словами "доктор Ченнинг". Теперь так случилось, что в этой маленькой книжке есть глава, озаглавленная "Аболиционизм".....тионизм". Я просмотрел его случайно в течение последнего часа; и я умоляю вас всех внимательно прочитать его и судить самим о том, с каким безрассудством мистер Томпсон делает утверждения. В другой посылке находилось письмо от американского

джентльмена, проживающего в Великобритании, и половина "Нью-Йорк Спектейтор" от 1 октября 1835 года. Под заголовком "Редакционная переписка" находится статья длиной в полторы колонки, посвященная в значительной степени мистеру Томпсону. Среди других отрывков, в нем говорится о его деяниях в Эндовере и обвинениях, выдвинутых против него там на основании столь весомого авторитета; и в этой связи приводится следующий четкий абзац:

Мистер Томпсон в беседе с некоторыми студентами неоднократно утверждал, что каждому рабовладельцу в Соединенных Штатах СЛЕДОВАЛО БЫ ПЕРЕРЕЗАТЬ ГОРЛО; или он ЗАСЛУЖИВАЛ ТОГО, ЧТОБЫ ЕМУ ПЕРЕРЕЗАЛИ ГОРЛО; хотя впоследствии он публично отрицал, что говорил это. Но доказательство прямое и положительное. В беседе с одним из студентов-богословов о нравственных наставлениях, которыми должны пользоваться рабы, он отчетливо заявил, ЧТО КАЖДОГО РАБА СЛЕДУЕТ НАУЧИТЬ ПЕРЕРЕЗАТЬ ГОРЛО СВОЕМУ ХОЗЯИНУ! Я констатирую факт, осознавая ответственность, которую беру на себя, и требую судебного расследования.

По поводу этого потрясающего документа я сделаю всего два замечания — первое заключается в том, что издательство Francis Hall & Co., "Зритель", по характеру и состоянию было полностью ответственно перед мистером Томпсоном. Второе заключается в том, что если суждение мистера Томпсона было справедливым в той части этого же дела, в ходе которого он заявил, что другая газета в Нью—Йорке никогда не смогла бы опубликовать его оправдательные свидетельства в отношении этой самой сделки, *потому что* издатель знал, что они правдивы; тогда мы неизбежно вынуждены, основываясь на его собственных показаниях, предположить, что по той же причине он отказался принять вызов the Spectator . Была еще только одна тема, по которой он, казалось, должен был высказаться, и которую он несколько раз обходил стороной из соображений деликатности. Все это время его целью было использовать как можно меньше свободы в обращении с именами отдельных лиц — и он мог заявить, что он не называл поименно никого, кроме как по абсолютной необходимости — что он воздержался говорить правдивые, но суровые вещи о нескольких, кого наиболее несправедливо похвалили во время этой дискуссии — и опустил из очень немногих, кого он порицал поименно, определенно худшие вещи, чем те, которые он произнес о них — и которые он мог бы произнести как правдиво, так и уместно. Среди случаев довольно странного предвидения был часто упоминаемый случай с заблудшим молодым человеком по имени Том, который отправился из Кентукки в Нью-Йорк, чтобы произнести самую смелую речь, которая, без сомнения, была приготовлена для него, перед собранием, буквально самым *разношерстным*, которое когда-либо созывалось в этом городе: произнес ее, он отбыл, вызвав жалость или презрение 9-10 % всех порядочных людей в нем, и отправился не знаю куда, и живет не знаю где. Победа, о которой там трубили и которую теперь празднуют, частью которой он был, состояла из двух частей — уничтожения дела колонизации — и деградации Кентукки, его родного штата. Смерть Общества ознаменовалась пожертвованием шести тысяч долларов со стороны его друзей; а позор Кентукки был проиллюстрирован готовностью четырех ее сыновей выступить против неблагодарного, который начал свою мужскую карьеру с того, что ударил своего родителя по лицу. О том, кто выступил в защиту, можно догадаться по горечи мистера Томпсона — я не решусь повторить его имя. Но эти тысячи могут засвидетельствовать, что никогда еще великое дело не достигало такого заметного успеха, никогда глупость и порочность не были так

основательно повержены в прах, никогда ни одно сообщество не осыпало столь сердечными и единоклубными аплодисментами усилия великого и успешного красноречия.

А теперь, сэр, (сказал мистер Б., обращаясь к доктору Уордлоу, Председателю собрания) — я повторяю выражения моего сожаления, что эти последние минуты, отпущенные мне, потребовались для какой-либо иной цели, кроме той, которая так свято принадлежала им. Измученный серией самых захватывающих и для меня совершенно новых задач, я совершенно не справляюсь с этой задачей, и все же я считал бы себя униженным, если бы каким-то образом не попытался ее выполнить.

По отношению к этому большому комитету, который так любезно занялся этим вопросом, так тщательно предусмотрел все возможные варианты, так деликатно учел все мои пожелания и даже все мои слабости, к этим уважаемым джентльменам, окружающим нас на этой трибуне, чье поведение по отношению ко мне в весьма необычных обстоятельствах было полным искренности, чести, учтивости и христианской доброты, было бы величайшей неблагодарностью отказаться от этого публичного выражения моего уважения и сердечной благодарности.

Что касается вас, сэр, что я могу сказать больше, или как я мог бы сказать меньше, чем то, что в этой далекой стране, которую я люблю, но слишком нежно, есть десятки, есть сотни людей, которые оценили бы все испытания, через которые меня привела эта борьба, и весь груз ответственности, который вынудило меня принять на себя мое положение, более чем уравновешенным привилегией лицезреть ваше почитаемое лицо. Хорошо жить для всего мира; и это всего лишь справедливо - получать в награду благодарность мира.

И вы, мои уважаемые аудиторы, чье терпение я, должно быть, испытал столь сурово, и кто вынес многое, что, возможно, глубоко вас искушало, вы, кто дал мне так много причин поблагодарить вас, и ни одной, чтобы я пожалел о поручении, которое привело меня сюда; если по воле провидения вы или ваши близкие окажетесь в том месте, где может быть мое пристанище, вам нужно только сказать: "Я родом из Глазго, и мне нужен друг", - и мне будет тяжело, но я найду способ доказать, что добротой никогда не пренебрегают.

Но даже расставаясь, давайте не забывать о причине, которая так долго приковывала нас здесь. Мы свободны. Увы! как немногие могут произнести эти слова с правдой! Мы христиане. Увы! какое множество людей никогда не слышали имени нашего Учителя. О! каким ужасным должно быть рабство, когда сам Бог иллюстрирует силу греха, называя его рабством! О! каким сладостным должен казаться союз со Христом, когда Он провозглашает его славной свободой! Свобода и искупление в наших руках; это доверенное наследие для погибшего мира. Таким образом, мы грешим и грабим не только наши собственные души, но и нашего божественного Господа и наших умирающих братьев, когда неправильно распоряжаемся или извращаем это великое наследие. Мы должны трудиться, но давайте делать это с умом. И хотя мы можем расходиться во многих вещах, по крайней мере, в этом мы можем согласиться - призывать нашего Небесного Отца преуспевать своим постоянным благословением на то, что мы делаем правильно, и отменять своей постоянной заботой все, что мы делаем неправильно. (Аплодисменты.)

Затем мистер ТОМПСОН поднялся под громкие аплодисменты и сказал: "Сэр, после прощальной речи, которую мы только что прослушали, мне не пристало затрагивать какую-либо тему, способную потревожить чувства, которым я доверяю и верю, что эта речь пробудила в сердцах этого собрания". Сэр, я убежден, что меня и тех, с кем для меня радость и честь действовать во имя продвижения дела Всеобщей Эмансипации, во многом неправильно понимают. Мы представлены как жестокие, желчные, свирепые и кровожадные враги рабовладельца; тогда как, если бы он мог заглянуть в наши сокровенные сердца, он не обнаружил бы там никакой вражды к нему, а, напротив, искреннее желание способствовать его безопасности, его чести и его счастью. Если мы поступаем так, как поступаем, это не значит, что мы любим его меньше, а то, что мы больше любим истину и свободу. То, что мы следуем нашим нынешним курсом, для нас не вопрос выбора, а вопрос сурового императивного долга; потому что мы верим, что Бог ниспошлет свое благословение только тем, кто проповедует доктрину немедленного, полного и бескомпромиссного исполнения долга, оставляя Ему последствия, вытекающие из послушания Его закону. Обнаружить истину, где бы она ни была скрыта, должно быть целью и усилием каждого рационального ума. Моим желанием было прийти к истине в великом вопросе рабства; и после долгих исследований и множества конфликтов я пришел к выводу, что рабовладение греховно; что человек не может владеть собственностью в человеке; что поступать правильно, и делать это *сейчас*, не опасаясь результатов, - это учение Библии; и что простое и строгое соблюдение Божественного Закона - самый благородный и безопасный путь человека. Таковы мои устоявшиеся взгляды, и я говорю рабовладельцу: немедленно предоставьте свободу своим рабам. Я говорю людям, не являющимся рабовладельцами, проповедуйте чистую доктрину; боритесь с предрассудками и страхами окружающего вас сообщества; стремитесь повысить уровень общественной морали и создать общественное мнение, неблагоприятное для продолжения рабства. Я говорю частным христианам: посвятите себя молитве и изучению Священных Писаний; и призовите благословение на каждое праведное орудие для низвержения мерзости. Служителям Евангелия я говорю: будьте смелы ради Бога; громко взывайте и не жалейте, пока земные торговцы не перестанут делать товаром рабов и души людей.

В наших мерах обнаруживается много недостатков. Что такое, сэр, наши меры, как не простейшее средство донести до общественности наши принципы? Сознательно и с молитвой приняв определенные взгляды, мы пользуемся обычными, исполненными здравого смысла, повседневными методами обнародования этих взглядов и рекомендации их принять другим. Считая рабство грехом, не странно ли, что мы ненавидим его и выражаем решительное уважение к нему? Считая немедленное освобождение *своим долгом*, не странно ли, что мы молимся, проповедуем и печатаем об этом? Что мы используем все мирные средства, чтобы донести великую истину; предостеречь людей от опасности промедления; и призвать их к покаянию? Большого аболиционисты не сделали. Сделать меньше означало бы доказать свою неверность высоким принципам, рожденным небом, которые они исповедуют. Они проводят расследования. Они пускают свои публикации по ветру, чтобы их могли прочитать все. У них нет ни кабинета, ни книги, которые не были бы открыты для всеобщего обозрения. Их обращение ко всем, кто подозревает об их мотивах или замыслах, звучит так: "исследуйте нас и познайте наши сердца; испытайте нас и узнайте наши мысли; и посмотрите, есть ли в нас какой-нибудь порочный путь". Если в пылу своего рвения и унаследованных немощей, окруженные влияниями, от которых никто из нас не освобожден, они иногда применяют эпитеты и выдвигают обвинения со слишком малой разборчивостью, "что-то должно быть прощено духу

свободы"; что-то даровано защитникам оскорбленного человечества; тем, кто, помня о своих узах, связанных с ними, ходатайствует как о матерях, детях, сестрах и братьях; в настоящее время утрачены все радости и цели жизни. Сэр, я считаю трудным, что во всех случаях, подобных этому, самая тяжелая артиллерия должна быть направлена против аболиционистов, а стрелковое оружие - только против рабовладельцев. Я призываю тех, кто действует с такой мягкостью по отношению к последнему индивидууму; кто так боится поступить с ним несправедливо и с такой готовностью обнаружить в нем что-либо приятное по характеру или смягчающее поведение, проявить хоть малую толику той же искренности, доброты и уважения по отношению к первому. Пусть не будет самым ненавистным в их глазах *тот* человек, который из всех остальных наиболее искренне стремится к освобождению раба.

Несколько слов, прежде чем мы расстанемся, для моих уважаемых помощников по другую сторону Атлантики. Если это будет мое последнее обращение, когда-либо произнесенное и записанное для прочтения, когда я уйду давать отчет о своих высказываниях на земле, я могу со всей искренностью заявить, что, насколько я знаю и верю, в настоящее время на лице земли нельзя найти группу людей, более чистых в своих побуждениях, более простых и возвышенных в своих целях, более зависимых от божественной помощи в своих усилиях или, вообще говоря, более безупречных в своих действиях, чем *непосредственный* аболиционисты Соединенных Штатов Америки. Для меня было высокой привилегией много общаться с преданными христианами всех конфессий в моей родной стране и наслаждаться дружбой некоторых из самых благородных и трудолюбивых из ныне живущих филантропов; но я еще не видел, чтобы мудрость, пыл, человечность или вера аболиционистов Америки были превзойдены.

Еще одно слово, и я закончил. Это для того, кого я люблю как брата и с кем моя душа связана узами, которые смерть не может разорвать; для того, кто, хотя и все еще молод, в течение десяти лет трудился с неослабевающим рвением и безупречным бескорыстием в деле истекающего кровью раба; для того, кого, хотя и обвиняют в том, что он разбрасывал вокруг себя горящие головни, стрелы и смерть; хотя и заклеили как безумца, поджигателя и фанатика; хотя государство осуждает его, а часть церкви поносит, он обладает душой столь же мирной и бескорыстной. так же чист, как когда-либо сохраняла нашу падшую природу. Я говорю это не для того, чтобы превознести его или удовлетворить его любовь к похвале. Я знаю, что он не ищет ни почестей, которые исходят от человека, ни богатств, которые гибнут при использовании. Он не ожидает своей награды на земле. С одобрением своей совести он доволен; с благословением погибающих он богат; с благосклонностью Бога он благословлен навеки. Он не ищет ни монументального мрамора, ни надгробной речи, ни гордого герба, ни частичной страницы истории, увековечивающей его имя. Он знает, что, отдыхая от своих трудов, он проливает слезы обездоленной расы

Посыплет холодную пыль, в которой он спит,
Обессиленный и отрешенный от презрительного мира:
Лавр, который раздирает его злоба, пробьется,
Политый Таким образом, к жизни, и мантия воздаст
Свои зеленые почести его травяной могиле.

Этот человек - Уильям Ллойд Гаррисон. Сэр, я благодарю Бога за то, что он дал его эпохе и стране, в которой он живет. Это человек, обладающий исключительной квалификацией для

великой работы, которой он занимается. Пусть Бог угнетенных благословит его, сохранит его смирение и подбодрит его на его трудном пути! Пусть его львиное сердце никогда не будет покорено! Пусть его красноречивое перо никогда не перестанет работать, пока раб дышит, требуя его защиты! Дай Бог, и я не могу просить большего, чтобы желание его сердца исполнилось; и чтобы скоро наступило время, когда, глядя на свою любимую страну за границей душой Патриота и глазами Филантропа и христианина, он не сможет обнаружить в штате, или городе, или поселении, или деревушке ни малейшего следа тирана или Раба!

Я не буду, сэр, пытаться (поворачиваясь к Председателю) выражать чувства моего сердца по отношению к вам или свое мнение о том, как вы исполняли обязанности Председателя в течение четырех вечеров этой дискуссии. Я сердечно присоединяюсь к джентльмену напротив и благодарю вас за достоинство и строгую беспристрастность, с которыми вы вели себя. Я знаю, что вы ищете награды за свои труды любви в другом, лучшем мире. В том мире мы все можем встретиться! Там нашим разногласиям придет конец. Там мы посмотрим друг другу в глаза; и узнаем, как нас знают. Там, в присутствии единого Спасителя, наши радости, наши голоса, наши занятия *будут едины*; и я верю, что там мы, которые были антагонистами на земле, вместе встретимся и отпразднуем славу общего искупления от печалей и грехов земли. (Мистер Томпсон вернулся на свое место под громкие и продолжительные возгласы одобрения.)

Мистер ТОМПСОН выразил сердечную благодарность от имени участников собрания преподобному доктору Уордлоу за его умелое, достойное и беспристрастное поведение на кафедре, а также доктору Кидстону, который председательствовал в четверг вечером, что было встречено одобрительными возгласами.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Читая предыдущее обсуждение, мы были крайне поражены грубостью и масштабностью лжи — не говоря уже о многочисленных искажениях, — которую преподобный апологет рабства с наглой бесстыдностью, не краснея, распространял, хотя и знал о том факте, что они должны были быть опубликованы всему миру. Казалось бы, чувствуя необходимость защищать отчаянное дело отчаянными средствами, он решил излить свои искажения и неточности с такой расточительной щедростью, что его оппонент был бы абсолютно неспособен за отведенное ему время исправить их все и, таким образом, ухитриться выдать часть своей лжи, поскольку она не оспаривается, за правду, а некоторые из его искажений и извращений — за честные репрезентации. Мы не можем не думать, что это событие покажет, что он слишком опрометчиво полагался на предполагаемое невежество британского народа. На некоторые из его лжи, ошибок и искажений, которые были либо полностью незамечены, либо не получили полного ответа со стороны мистера Томпсона из-за нехватки, как он сообщил нам, времени для этого, мы вкратце остановимся здесь,

Сначала, однако, мы хотели бы привлечь внимание к замечанию о том, что "он не рабовладелец", с которым доктор Уордлоу представил мистера Брекинриджа аудитории, и в связи с этим процитировать часть письма доктора А. Л. Кокса из Нью-Йорка редактору

"Эмансипатора". "Единственное, что мне известно по этому вопросу, - говорит доктор К., - это то, что я почерпнул из признания Р. Дж. Брекинриджа, полученного на юбилейном собрании Общества колонизации в этом городе весной 1834 года". После упоминания некоторых обстоятельств, побудивших его выступить, далее в письме говорится: "Как раз в тот момент, когда Роберт Дж. Брекинридж собирался выступить, один из собравшихся спросил: "Он рабовладелец?" Оратор казался несколько смущенным, но ответил: "*Имею такую честь*".

В первой вечерней дискуссии, страница 6, мистер Брекинридж говорит, что британский народ "засылал агентов в Америку, которые вернулись побежденными. Они потерпели неудачу — они признают, что потерпели неудачу в достижении своей цели. "Не говоря уже о точности, которая говорит о множественном числе одного человека и которую легко можно извинить тому, кто, столкнувшись с ним, вероятно, почувствовал, что этот человек сам был хозяином, — когда или где было сделано предполагаемое признание? Никогда. Нигде. Утверждение неверно.

В тот же вечер, на странице 7, мистер Б. сообщает своей аудитории, что "по крайней мере в четырех из двенадцати [свободных] штатов - Огайо, Индиане, Иллинойсе и Мэне - никогда не было рабов". Что говорит перепись населения Соединенных Штатов? В 1830 году в штате Мэн было 2 раба, 6 в Огайо, 3 в Индиане и 747[A] в Иллинойсе. В 1820 году в Индиане их было 190, а в Иллинойсе - 917. В 1810 году в Индиане их было 237, в Иллинойсе - 168. В 1800 году в Индиане их было 135. Но мистер Б. говорит, что "с 1785 года и по сей день ни в одном из этих штатов не было ни одного раба".

"Америка, - говорит он нам, - была первой нацией на земле, которая отменила работорговлю и превратила ее в пиратство". См. стр. 8. Это будет неприятной новостью для господ . Франклин и Армфилд из Александрии, округ Колумбия, чьи постоянные объявления в вашингтонских газетах предлагают наличные деньги неграм обоего пола в возрасте от 12 до 25 лет и объявляют о "регулярных рейсах" два раза в месяц своих судов, занимающихся работорговлей между Округом и Новым Орлеаном. Это будет неприятное известие в городе Вашингтон, где за 400 долларов в год лицензируется "торговля рабами" в пользу фонда канала. Это будет новостью для зрителей тюрем Округа, которые в своем официальном качестве занимаются работорговлей, продавая людей "для оплаты тюремных и других расходов, как предписывает закон".

Но мистер Б. имеет в виду *инострannую* работорговлю, а не внутреннюю. Последнее, действительно, может быть лицензировано, защищено и считаться почетным, поскольку оно прибыльно. Те, кто этим занимается, могут быть такими, как Армфилд и Вулфолк, джентльменами "с привлекательными и изящными манерами", о которых сообщают, что они "мягкие, снисходительные, прямолинейные и скрупулезно честные", но *инострannая* торговля является *пиратством* по законам страны. Поистине, весьма похвально! и достойно обильных восхвалений! запретить пиратство в открытом море или у африканского побережья, продавая при этом разрешение совершать вдоль своего собственного побережья и на своей собственной территории те же действия, которые, будучи совершены за границей, представляют собой пиратство. Но к чему сводится ее отмена даже иностранной работорговли? Ее крейсера когда-нибудь захватывали невольничий корабль? Редко, если вообще когда-либо. Соглашается ли она на такие договоренности в своих договорах с другими странами, которые всерьез стремятся подавить работорговлю, которые предотвратят превращение ее флага в защиту от отвратительной торговли людьми? Нет. Нью-Йоркский коммерческий журнал в недавней статье

очень верно утверждает, что "Мы сами ничего не делаем для прекращения проклятого трафика и не предоставляем никаких средств, позволяющих другим прекратить его. Нет, скорее, мы стоим между рабом и его избавителем. Мы — помеха, мертвый груз на деле обескровленного человечества". И в последнем номере "Эдинбург Ревью", говоря о ходатайстве британского правительства об этом, о его сотрудничестве, говорится: "Окончательный ответ, однако, заключается в том, что *ни при каких условиях, ни в какой форме и без ограничений Соединенные Штаты не будут заключать какие-либо конвенции или договоры или предпринимать совместные усилия любого рода с другими странами для пресечения торговли*". С каким лицом тогда она может требовать похвалы за то, что просто приняла закон, который она почти никогда не исполняет, и для выполнения которого другими лицами она разрешает использовать свой флаг в качестве препятствия.

Следующее утверждение мистера Б., на которое мы обращаем внимание, является поразительным: Америка, "как нация, сделала все, что было в ее силах", для отмены рабства. Смотрите страницу 8. Это при том, что национальный домен является домом рабства и центром работорговли! В то время как внутренняя работорговля, хотя и не отменена национальным законодательным собранием, как это может быть предусмотрено конституцией, защищена и лицензирована! И это в то время, когда моральная мощь нации дремлет, а если и бодрствует, то в значительной степени направлена на защиту рабства! То, что человек, который дорожит своей репутацией, что служитель евангелия интеллекта мистера Б. и его знаний о состоянии и истории страны в этом вопросе должен сделать такое заявление, действительно в высшей степени замечательно. Мог ли он ожидать, что в это поверят? Мог ли он сам в это поверить?

Мистер Б., стр. 15, объясняя, почему мистера Томпсона так по-разному приняли в Глазго и Бостоне, где ему аплодировали в одном месте и оскорбляли в другом, говорит, что он рассматривал вопрос о рабстве как вопрос политической организации. Мы приводим на это утверждение ответ редактора "Эмансипатора". "Мы объявляем это *совершенно и недвусмысленно ложным*. Мы были с мистером Томпсоном, пока он находился в этой стране, вероятно, так же, как и с любым другим человеком. Мы были с ним наедине и публично, в палате представителей и, между прочим, на общественном съезде и публичной лекции, и мы самым торжественным образом заявляем, что мы никогда не слышали, чтобы Джордж Томпсон по какому-либо поводу поднимал или обсуждал вопрос американского рабства "как представитель гражданской организации". Он всегда обсуждал этот вопрос прежде всего и по существу как моральный и религиозный вопрос и никогда не вдавался в его политические отношения и смыслы, разве что для того, чтобы ответить на возражения придирчивых людей и оппонентов. И мы удивлены, что Р. Дж. Брекинридж осмелился сделать такое утверждение, когда, осмелимся сказать, он никогда не слышал Джорджа Томпсона в Америке".

Тот же редактор предложил лучшее решение, чем у мистера Б., — не очень сложной — проблемы разного приема мистера Томпсона в Бостоне и Глазго. "По той же причине, по которой Книбб, Тейлор и Берчелл не встретили такого приема в Глазго и на Ямайке — потому что и просто потому, что дух рабства распространился по стране, заражая и развращая одинаково ведущие влияния Церкви и государства, так что мистер Т. не мог осуждать рабство и предрассудки "в Бостоне, как и в Глазго", не сдерживая осуждения и возмущения со стороны причастных и предубежденных: "Говоря так, ты осуждаешь и нас".

"В свободных штатах нет ни одного здравомыслящего человека, который не желал бы, чтобы мир избавился от рабства". Это мистер Б. утверждает как свое убеждение, стр. 15. Возможно, это правильно, но если это так, то в свободных штатах очень многобезумных людей или очень много тех, у кого очень странный способ проявлять свои желания. Общеизвестен тот факт, что северяне, переселяющиеся на Юг, почти повсеместно становятся рабовладельцами в тот момент, когда это может способствовать их удобству или денежному интересу.

На странице 20 мистер Б. обвиняет Гаррисона в написании плакатов, направленных против него, когда он читал лекции в Бостоне в защиту колонизации. Более лживого обвинения еще никогда не выдвигалось, и требуется большое проявление милосердия, чтобы поверить, что мистер Б. не знал о его лживости. Было замечено, что мистер Томпсон оспаривал доказательства обвинения, но ничего не было представлено, кроме слов обвинителя — доказательств, на которые любой читатель, сравнивший его утверждения в нескольких других случаях с фактами, будет очень мало полагаться.

Еще одно из обвинений мистера Б. против "некоторых друзей Общества борьбы с рабством" заключается в том, что они добились судебного приказа о приеме двух "африканских принцев", которые были отправлены в Общество колонизации Мэриленда для получения образования, и что Элизур Райт был инициатором этой меры под предлогом того, что мальчики были похищены. См. стр. 20. Истина по этому вопросу, изложенная в "Эмансипаторе" от имени мистера Райта, заключается в том, что, узнав, что два мальчика-африканца, предположительно рабы, находились на борту шхуны в гавани Нью-Йорка, направлявшейся в Балтимор, мистер Райт навел справки на борту и смог узнать только то, что они были привезены из Африки пассажиром и переданы кому-то в Балтиморе. Чтобы убедиться в возможности проведения судебного расследования, был получен судебный приказ, но как только мистер У. обнаружил, что мальчиков отправили в эту страну получать образование, он приказал офицеру *не подавать его*.

Следующее клеветническое обвинение, выдвинутое преподобным делегатом, заключается в том, что Элизур Райт пытался подстрекнуть толпу к освобождению беглого раба, заключенного в нью-йоркскую тюрьму. Эта история, конечно, насквозь лжива.

Во второй вечерней дискуссии мистер Б. говорит, стр. 34, что включение в Конституцию пункта, запрещающего отмену работорговли на двадцать лет, "было одной из самых ярких добродетелей на гербе Америки", В таком случае, темный герб должен принадлежать ей, если защита работорговли в течение двадцати лет является "самым ярким" пятном на ней. "Ввозтаких лиц" и т. Д. (Имеются в виду рабы) "не должен *not*."

"Было хорошо известно, что рабство, существующее в Соединенных Штатах, было самым мягким из всех, которые можно было увидеть в какой-либо стране под небесами". Страница 34. Относительно этого утверждения г-на Б. нам остается только сказать словами "Освободителя": "Хорошо известно, что рабство, существующее в Соединенных Штатах", *не* "самое мягкое, что можно увидеть в какой-либо стране под небесами", и говорить так - абсолютная демонстрация самого "непростительного невежества или цели ввести в заблуждение". Засвидетельствуйте тот факт, что человек, который учит раба читать или дает ему религиозный трактат или даже Библию, делает это на свой страх и риск. Засвидетельствуйте тот факт, согласно свидетельству Синода Южной Каролины и Джорджии, что подавляющее большинство рабовладельческого населения являются "язычниками и выдержат сравнение с язычниками в любой стране мира".

Свидетель раб-код везде—особенно в следующем, Что такое закон Северной Каролины, а в Грузии почти то же, "что если кто-нибудь впредь будет повинен в смерти раба, то он должен, по первой судимости, постигнет та же наказание, как если бы он убил свободного человека"—(я. Эл. если какой-либо белый человек является свидетелем, и будет давать свидетельские показания по делу, на показаниях миллионов цветных людей пошли бы ни за что) и "*при условии, что данный закон не распространяется на лицо убийство раба вне закона* (и убегая, сокрытие, и кражу свиньи, или какое-то животное из скота рода, для поддержания жизни, вне закона него) *или чтобы какой-то раб в акте сопротивления его законным владельцем или учитель или какой-то раб умирает при умеренной коррекции*"—тем самым по тому же самому закону, который запрещает, дает мастер-ускоренная лицензия на убийство, как много и так часто, как ему заблагорассудится, при условии, что он будет только позаботиться, чтобы это сделать, во-первых, когда нет белых людей, который будет информировать и давать показания против него, или, во-вторых, когда раб находится вне закона; и, в-третьих, когда он поднимает руку в оппозиции к своему хозяину, каким бы жестоким наказанием, или, как базы разработки на его или ее лицо; и, в-четвертых, по "умеренной коррекции". Пусть он только проследит за тем, чтобы это было сделано одним или всеми этими способами и при одном или всех этих обстоятельствах, и если он достаточно безрассуден, чтобы сделать это, он может убивать неограниченно, и никто не скажет, почему вы так поступаете. Засвидетельствуйте факт, о котором в течение пяти лет трубили все газеты, что южанин, увидев другого человека, проходящего вечером по его территории, и предположив, что это беглый раб, *застрелил его*, потому что, хотя он и окликнул его, тот не остановился — когда о чудо! оказалось, что он застрелил белого соседа, но из-за сильного ветра не услышал и поэтому не остановился на зов!— поразительная иллюстрация беспечности и совершенной безнаказанности, с которыми, на самом деле, чернокожие мужчины расстреливаются и могут быть расстреляны при попытке побега из своего рабства. И, еще раз, засвидетельствуйте тот факт, что путь к эмансипации перекрыт в этой стране так, как ни в какой другой "стране под небесами", а затем скажите, что, кроме "невежества или намерения ввести в заблуждение", могло привести к таким заявлениям?"

"Возможно, главной причиной против осуществления этой власти" [по отмене рабства в округе Колумбия] было то, что это *неизбежно* привело бы к распаду Союза. Соедините "это и то". "В свободных штатах нет ни одного здравомыслящего человека, который желал бы, чтобы мир избавился от рабства"; в свободных штатах проживает "семь миллионов из одиннадцати миллионов белого населения Союза"; (см. стр. 7) "значительное меньшинство в рабовладельческих штатах, составляющее почти половину населения" (см. стр. 13) "*рьяно* выступают за отмену рабства", и все же осуществление Конгрессом своих конституционных полномочий по отмене рабства в национальном округе было бы "*неизбежно* расторгни Союз." Поистине, старая пословица хорошо говорит о том, что определенный класс людей должен обладать хорошей памятью.

Мистер Б. насмехается над "мистером Аргумент Томпсона о постоянной армии, используемой для усмирения рабов", и заявляет, что это был "полный обман, ни на чем не основанный". Подтвердят ли его показания граждане округа Саутгемптон, штат Вирджиния, которые несколько лет назад призвали на помощь драгун США для подавления восстания? "Офицер армии Соединенных Штатов, участвовавший в экспедиции из крепости Монро против рабов Саутгемптона в 1831 году, с постоянным ужасом рассказывает о сценах, свидетелем которых ему пришлось стать. Эти войска, согласно своим приказам, которые должны были истреблять

негров, убивали всех, с кем они встречались, хотя они не встречали ни сопротивления, ни демонстрации сопротивления: и первый сдерживающий фактор, данный этой широкомасштабной варварской резне, был обусловлен тем фактом, что закон Виргинии, предусматривающий выплату хозяину полной стоимости казненного раба, считался неприменимым к случаям, когда рабов казнили без суда. В результате многочисленных представлений на этот счет, направленных офицеру армии Соединенных Штатов, командовавшему экспедицией, массовое убийство было приостановлено". —*Речь ребенка.*

А что говорит мистер Б. на это утверждение Джона К. Адамс, что если бы не защита западной границы от индейцев и Южного рабовладельца от его человеческой "машины", эта страна вряд ли нуждалась бы в постоянной армии. Это тоже "полный обман"?

Мистер Б. осмеливается сказать, что "во всем штате Кентукки нет и десяти человек, придерживающихся принципов борьбы с рабством в гарнизонном смысле этого слова". Страница 40. Мы не знаем, сколько их может быть сейчас, но в 1835 году конституцию государственного общества, основанную на принципах борьбы с рабством, "в гарнизонном смысле этого слова", подписали более сорока человек.

Мистер Б. рассказывает о священнике, которого, по его словам, выгнала из Гротона, штат Массачусетс, буря аболиционизма, и который, по-видимому, бежал в Балтимор, несомненно, в поисках благоприятного климата. См. стр. 40. Но мистер Б. забыл упомянуть о многих случаях, когда дух *рабства*, "подобный буре огня и серы из ада", изгонял верных пасторов из-под их ответственности только за то, что они время от времени молились и проповедовали за поработченных.

Г-н Б. говорит о документе, из которого его оппонент цитировал некоторые законы штата Мэриленд, которые выставляли "план благотворительной колонизации" далеко не в выгодном свете, что в Америке говорилось, и он искренне верил, что в нем содержатся не законы, а только схемы законов, которые так и не были приняты Ассамблеей. См. стр. 47. По этому поводу Эмансипатор замечает: "Это никогда не выдвигалось против брошюры. Брошюра содержит законы в точном соответствии с тем, как они изложены в своде законов штата Мэриленд, как мог бы увидеть мистер Б., если бы он когда-нибудь взял на себя труд сравнить их. И для него делать такие утверждения, не сделав этого, - всего лишь еще один пример "непростительного невежества или намерения ввести в заблуждение".

В третьей вечерней дискуссии мистер Б. утверждал, стр. 50, что мистер Гаррисон был одним из первых, кто выступил против Общества колонизации "на том основании, что его деятельность наносила ущерб цветной расе в Америке". На это Освободитель отвечает: "Отчасти это верно, а отчасти нет. С самого начала Общество столкнулось с решительным противодействием как со стороны цветных, так и со стороны тех, кто до того времени наиболее активно продвигал дело эмансипации. Уже в августе 1817 года этот вопрос был вынесен на рассмотрение "Американской конвенции содействия отмене рабства" и т. Д. На ее сессии в Филадельфии. Этот орган, представляющий по большей части Друзей и состоящий из делегатов обществ по отмене смертной казни и вольной повинности в разных частях страны, после всестороннего обсуждения назначил комитет по этому вопросу. Этот комитет сообщил, что "они должны выразить свое безоговорочное желание, чтобы ни одному плану колонизации не было позволено вступить в силу *безнеизменного обещания* рабовладельческих государств о

справедливой и мудрой системе постепенного освобождения"; и они завершают свой доклад, который был одобрен и принят Конвенцией, следующей резолюцией:—

"Постановили, исходя из смысла этой Конвенции, что постепенная и полная эмансипация всех цветных людей и их литературное и моральное воспитание должны предшествовать их колонизации".

Когда Конвент снова собрался в 1819 году, пенсильванское общество, опубликовав отчет о своих взглядах и работе, предупредило "аболиционистов нашей страны, чтобы они учитывали уроки опыта и избегали подмены их схемами, какими бы великолепными они ни были, но с сомнительным результатом"; и добавило: "для нас есть только один принцип, на основе которого мы можем действовать. Это принцип непреложной справедливости! Мы не можем идти на компромисс с предрассудками рабства или с рабством предрассудков. Те же аргументы, которые сейчас выдвигаются против эмансипации, если только ее субъекты не будут удалены с нашей территории, использовались с большей убедительностью, когда отмена была экспериментом, и все же с ними успешно боролись".

Мистер Б. говорит, стр. 52, что "было бы трудно, если не совершенно невозможно, отобрать свидетельства дружбы к Колонизационному обществу от признанного друга рабства, поскольку это произошло в течение последних трех-четырех лет". Говорит Освободитель: "Это настолько далеко от истины, что наиболее убедительные свидетельства такого рода были найдены в течение последних трех-четырех лет. Вряд ли за все это время была хоть одна толпа, выступающая за рабство, или речь, или собрание, которые на одном дыхании содержали бы осуждение отмены рабства и похвалу колонизации".

Прочитывая резолюцию против Общества колонизации, принятую в Бостоне в прошлом году, мистер Б. замечает, "что формулировки этой резолюции свидетельствуют о ее происхождении. Никто, когда-либо слышавший одну из речей мистера Томпсона, ни на минуту не мог усомниться в авторстве резолюции!" Это действительно небольшая ошибка, и среди стольких крупных она едва ли заслуживает внимания, но чтобы показать, что проницательность мистера Б. в догадках ненамного превосходит его правдивость в утверждениях, мы просто мимоходом упомянем, что "авторство резолюции" принадлежит не мистеру Томпсону.

"Аболиционисты, - говорит мистер Б., стр. 54, - повсюду, от Дана до Вирсавии, не только нападают и очерняют белых за предложение колонизировать черных с их собственного свободного согласия; но и в равной степени нападают на черных за то, что они воспользовались этим предложением". Утверждение совершенно ложное и злобно клеветническое.

На странице 55 мистер Б. приводит выдержку из обращения некоторых колонистов Кейп-Пальмаса к своим друзьям в Америке, чтобы показать процветание Колонии. В связи с этим позвольте прочесть следующее письмо от колониста: —

Мыс Пальмас, 5 мая 1834 года.

Дорогая мама, пишу тебе с сожалением. Это правда, я писала тебе о своем путешествии, о том, как оно мне понравилось. Я провел очень приятное время, как и в свой первый приезд; но теперь я огорчен, и вся семья мистера К. тоже. * * * О! Мне очень жаль! да, жаль, что я вообще приехал в эту страну. Это правда, мама, если бы я последовал твоему совету, меня бы здесь не

было. Я страдал, и вся моя семья, и семья мистера К. тоже, и мы все еще продолжаем страдать. Ни у кого из нас нет ни цента денег. А теперь, мама, если ты сможешь уговорить какого-нибудь джентльмена внести аванс в размере трехсот долларов или двухсот пятидесяти долларов, я буду работать на них в течение четырех лет. Я буду работать официантом в каком-нибудь доме или вообще в чем угодно, чтобы заплатить за это. Моя жена говорит, что она содержала бы себя и сестру, если бы это могло вернуть ее домой, потому что здесь они ничего не могут сделать, потому что мы не в состоянии, страна такая больная — мы были больны с тех пор, как мы здесь — * * * Я буду служить любым способом и в любом деле. *Я продам себя в рабство* ради того, чтобы снова попасть ДОМОЙ. Постарайся ради меня, пожалуйста, ради моей семьи. Если бы я был один, я мог бы постоять за себя.

В последующем письме, датированном 3 августа 1834 года, тот же автор сообщает дополнительные сведения о том, что миссис К. "умерла от горя".

"Каждый доброжелательный и здравомыслящий человек должен понимать, что план колонизации Африки черными людьми необходим для просвещения Африки и предотвращения истребления там черных людей". Так говорит мистер Брекинридж. Несомненно, именно для того, чтобы *просветить* бедных туземцев и *предотвратить их* истребление, чернокожие люди, колонизированные в Африке, вели оживленную торговлю ромом, табаком, порохом и заостренными ножами, что девятифунтовые пули из "ружья огромной мощности" были выпущены в отряд из восьмисот человек, стоявших на расстоянии шестидесяти ярдов, прижавшись плечом к плечу, в такой плотной форме, что ребенок мог бы легко пройти по их головам от одного конца толпы до другого" и "каждый выстрел буквально израсходовал свою силу в сплошной массе живой человеческой плоти[B]- что мошенничеством и несправедливостью колонисты возбудили враждебность африканцев и развязали войну с королем Джо Харрисом, которая привела к массовому уничтожению невежественных варваров, которые не смогли справиться с превосходящим вооружением, дисциплиной и военной доблестью американских чернокожих — the ' миссионеры в святом деле цивилизации, религии и свободных институтов".[C]

"Америка, - говорит мистер Б., - была обращена в христианство в результате колонизации". Да, поистине! и в данном случае мы имеем еще один ценный пример просветительского, цивилизующего и христианизующего влияния колоний. Бедный индеец почувствовал это и поблек перед этим на берегах Атлантики, а "миссионерская" работа все еще продолжается на дальнем юго-западе. Спросите семинолов и криков, не обратила ли колонизация Америку в христианство. Спросите тени Метакома, Каноника и Сарсака; спросите слабые остатки могущественных племен, которые когда-то населяли территорию от озер до залива и от океана до Аллегани, и узнайте от них о процессе христианизации, который колонии привнесли в Америку. Является ли "колонизация Африки чернокожими людьми" подобным процессом с целью "предотвращения истребления" коренных жителей этого континента?

"Климат" Африки, говорит мистер Б., страница 58, "подходит черному человеку, в то время как сотни белых мужчин стали его жертвами". А сколько "сотен черных мужчин" стали его жертвами? Те, особенно кто уехал из Северных штатов, сочли это заболевание таким же смертельным, как и сами белые, и ни для кого из колонистов оно не было особенно полезным.

Мистер Б. совершенно уверен, что колонизация Африки уничтожит работорговлю. Он говорит, что колонисты "положили бы конец торговле в тот момент, когда они смогли бы наказать

пиратов или расправиться с нациями, к которым они принадлежали. Нет ничего более очевидного, чем то, что любая нация, которая предпримет репрессии, не допустит, чтобы кто-то из жителей был похищен. Если бы репрессии были эффективными, работорговля была бы немедленно прекращена. "Поистине, христианский способ исправления пороков и устранения зла! *"Любая нация, которая предпримет репрессии!"* Итак, если Питер украдет ребенка Джона, Джон должен украсть ребенка Питера в качестве возмездия, и это сразу положит конец злодеяниям! И почему репрессии не предотвращают все другие виды насилия, а также похищение людей? Если англичанин стреляет во француза, пусть француз выстрелит в англичанина в ответ, и ссора будет улажена, и мир восстановлен! Ибо "нет ничего более очевидного, чем то, что любая нация, которая предпримет репрессии, не допустит расстрела ни одного жителя". Подтверждает ли прошлую историю эта доктрина? Подтверждают ли ее нынешние факты? Пусть наше духовенство больше не проповедует, что "все, взявшие меч, погибнут от меча". "Нет ничего яснее", чем то, что у тех народов, "которые берут меч", чтобы "совершить возмездие", "никто из жителей" не пострадает от меча. Но зачем нужны колонии? Если "фулахи" украдут у "иалоффов" столько же мужчин, женщин и детей, сколько последние у первых, "нет ничего очевиднее, чем то, что у этих двух племен не украдут никого из жителей". Неужели различные африканские племена никогда не совершают репрессий? Как же тогда случилось, что работорговля и весь бизнес по похищению людей в целом не были давным-давно пресечены?

"На сотне лиг африканского побережья, - говорит г-н Б., - оно уже в значительной степени подавлено" деятельностью колонизационных обществ и их колоний. На это Освободитель говорит: "Эти утверждения далеки, очень далеки от истины, и мы можем объяснить их только на основании "непростительного невежества или цели ввести в заблуждение". Снова и снова нас заверяли, и в том числе от колониального управления по делам колонизации, что торговля в окрестностях колонии по-прежнему ведется так же оживленно, как и прежде, более того, она даже преследуется в пределах колонии и в пределах видимости самой Монровии.

Действительно, в этот самый момент колония, вместо того, чтобы быть в состоянии подавить или уничтожить торговлю, находится в опасности быть уничтоженной ею самой, и направляет свой призыв к этой стране о помощи, молясь о том, чтобы какие-нибудь "американские суда" были отправлены к побережью, чтобы схватить торговцев и защитить колонию. Пусть наши друзья в этой стране и в Англии прочтут следующие выдержки из "Либерийского вестника", только что полученные в этой стране, а затем скажут, что следует подумать о человеке или людях, которые перед лицом таких и подобных свидетельств, неоднократно получаемых, могут без зазрения совести утверждать, "что на протяжении ста лиг африканского побережья торговля уже в значительной степени подавлена?"

Выдержки из последних либерийских газет, полученные в офисе Нью—Йоркского коммерческого рекламодателя:-

-*Работорговля.*— Это гнусное движение снова поднимает свою ужасную голову в наших окрестностях и увеличивается в ужасающей пропорции. В радиусе ста миль от поселения в это самое время находятся по меньшей мере *четыре* фабрики по покупке рабов, и одна из них находится не более чем в восемнадцати милях отсюда! Последствия наиболее остро ощущаются колонией. Сейчас невозможно купить рис, во всяком случае, так, чтобы не умереть с голоду самому удачливому человеку. Сообщается, что в непосредственной близости от нас работорговцы недавно подарили туземцам мушкет за четыре креста! розничная цена которого в

колонии составляет шесть долларов! Для испанцев, ввиду успешного плавания, прибыль от которого столь огромна, товары не представляют никакой ценности; но у нас дело обстоит совсем иначе. Туземцы, как и другие люди, склонные получать за свои изделия как можно больше, конечно, будут продавать тем, кто даст больше. В таком случае, мы спрашиваем, *как будут жить жители этой колонии?* Иногда мы думали, что если бы народ Соединенных Штатов когда-нибудь узнал, каким *неудобствам* нас подвергает работорговля, и какой *эффективной проверке* она является для развития и процветания колонии, и как мало из тех избыточных и бесполезных миллионов, надлежащее место размещения которых вызвало столько споров, что все без исключения святые и грешники, политики, философы, колонизаторы и аболиционисты, антиколонизаторы, антиаболиционисты и противники всего, поднялись бы единым общим голосом. постановьте, чтобы небольшое вооруженное судно курсировало между островами Шербро и страной Кроо и таким образом *эффективно защищало* горстку бедных ИЗГОЕВ, в то время как миллионы их собратьев добросовестно трудятся, чтобы обогатить нас дома".

Итак, несмотря на Рай, в который они попали, и их "свободное согласие" отправиться туда, они становятся "бедными изгоями", когда в конце концов попадают туда; и сама торговля, которую они были посланы уничтожить, вполне может уничтожить их, если только правительственные суда не придут им на помощь!"

О замечании, якобы сделанном им на собрании по колонизации в 1834 году, о том, что некоторые эмигранты в Либерию "были выдворены силой, так же верно, как если бы это было сделано с помощью кнута", г-н Б. говорит: "Это было несправедливое сообщение, составленное г-ном Ливиттом, редактором New York Evangelist, для достижения особой цели". Эмансипатор отвечает на утверждение так: "Этот отрывок цитировался и цитировался в этой стране почти бесчисленное количество раз и способами, но, в меру наших возможностей, это был несправедливый отчет". насколько мне известно, это сообщение никогда прежде не объявлялось несправедливым ни со стороны мистера Б., ни со стороны какого-либо другого лица. А теперь, предоставляя мистеру Ливитту самому отвечать на вопрос о его справедливости, мы берем на себя смелость сказать, что, если оно будет несправедливым, это не избавит мистера Б. от затруднений. Ибо, если отчет справедлив, и мистер Б. действительно сказал то, что ему приписывают, тогда, как всем известно, он сказал правду. Если, однако, это несправедливо, и он не говорил этих вещей, то, как всем известно, он *не* сказал то, что было правдой, и что, если бы он сказал правду, он бы сказал. Каждый знает, что за это их "вынудили уйти так же верно, как если бы это было сделано с помощью тележного кнута".

Записка мистера Ливитта редактору "Эмансипатора".

В ответ на утверждение мистера Брекинриджа о том, что я "составил" отчет о его речи "для достижения особой цели", я только скажу, что мистер Брекинридж поступил благоразумно и пересек Атлантику, прежде чем выдвинуть это обвинение. На мой характер, как *начестного* репортера, подобные инсинуации не повлияют здесь. Я не сомневаюсь, что в рассматриваемом докладе излагаются идеи, высказанные г-ном Б., в основном на том самом языке, который он использовал. Мои воспоминания в данном случае очень отчетливы, а слова записаны в то время.

ДЖОШУА ЛИВИТТ.

Мистер Б. говорит, что "во многих случаях плохие законы становились хуже, а хорошие законы становились плохими исключительно из-за неосторожного поведения партнеров мистера Томпсона". Некоторые из самых несправедливых, варварских и отвратительных законов, когда-либо принятых в этой стране, правители которой так долго занимали "трон беззакония" и были так часто и так глубоко виновны в том, что "создавали зло законом", цитируются в Очерке Страуда, работе, опубликованной несколькими годами ранее "Мистера Томпсона". Томпсон и его партнеры" начали свои "опрометчивые" меры. Эти законы, конечно, не были вызваны их опрометчивостью. Прошло по меньшей мере почти сто лет с тех пор, как эти законы о столпотворении начали позорить американское законодательство.

В четвертой вечерней дискуссии мистер Б. утверждает, страница 88, что "Нью-Йорк Обсервер" и "Бостон рекордер" "еженедельно печатают больше материалов, чем все американские газеты об отмене смертной казни, вместе взятые, за полгода". Действительно, удивительно, что он отважился произнести такую вопиющую ложь. Ему следовало бы научиться держаться, по крайней мере, в рамках вероятности в своих вымыслах. В то время, когда было сделано его заявление, выходило не менее восьми или девяти *еженедельных* антирабовладельческих газет, некоторые из которых распространялись шире, чем "Рекордер", и ненамного менее широко, чем "Обсервер". Если мы не ошибаемся, мистер Б. рассказал историю, по меньшей мере, в сорок или пятьдесят раз превышающую правду, и мы ни в коем случае не уверены, что эта пропорция не намного больше.

Мистер Томпсон, с целью показать, что аболиционисты делают в одном из направлений своей работы, подготовил копии журналов "Друг рабов", "Антирабовладельческий отчет", "Анекдоты против рабства", "Права человека", "Эмансипатор", "Освободитель", "Нью-Йоркский евангелист", "Вестник Сиона", "Страж Сиона", "Филадельфийский независимый еженедельник", "Вестник свободы", "Линн Рекорд", "Нью-Ингленд Зритель" и др., а также "Ежеквартальный журнал против рабства". О них мистер Б. сказал: "некоторые из них, по его мнению, были давным-давно мертвы; о некоторых едва ли можно сказать, что они когда-либо жили; некоторые были чисто случайными; большая часть столь же ограничена в обращении, сколь и достойна презрения с точки зрения достоинств. На самом деле не более двух-трех из дюжины или пятнадцати выпускавшихся до них газет были достойны называться респектабельными и признанными газетами об отмене смертной казни. *Ни один* из них не был "давным-давно" или сейчас "мертв". Только один из них "чисто случайный" — анекдоты против рабства, — но, за этим исключением, все они сейчас живы, и почти каждый из них имеет такой же широкий тираж, как у the Recorder, а некоторые, как уже говорилось, еще более широкий. И помимо тех, что выставил мистер Томпсон, есть несколько других еженедельных и ежемесячных публикаций против рабства, которые еще не умерли и, вероятно, не скоро умрут. The Philanthropist (его публикация действительно приостановлена на короткое время из-за уничтожения его типографии, но вскоре будет возобновлена), the Friend of Man, the American Citizen, the Vermont Telegraph, the Middlebury Free Press, the Vermont State Journal и еще ряд еженедельных и некоторых ежемесячных периодических изданий являются "газетами, проповедующими отмену смертной казни", некоторые из них посвящены почти исключительно этому делу, и все они "респектабельны" как по характеру, так и по объему тиражей. Некоторые из них по способностям и заслугам принадлежат к числу самых высокопоставленных еженедельных периодических изданий страны. Следовательно, мистер Т., вместо того чтобы

преувеличивать количество статей об отмене смертной казни, значительно погрешил против истины.

"Должны ли были тогда сказать ему [жителю Луизианы], что он должен уволить своих рабов?" и т.п., спрашивает мистер Б., стр. 90, конечно, нет — по крайней мере, не аболиционисты. Они предлагают разрешить рабам оставаться на плантациях и работать в качестве свободных рабочих там, где их услуги будут необходимы и будут взаимовыгодны для них самих и их работодателей.

Мистер Б. отрицает, стр. 90, что какой-либо юридически свободный человек "когда-либо был продан в вечное рабство", но его отрицание является лишь еще одним свидетельством легкости, с которой он может произносить не только грубую ложь, но и ложь, противоречащую печально известным фактам, и которая, конечно, не может избежать разоблачения. Г-н Т. полностью разоблачил эту ложь, представив документальные доказательства отрицаемого факта.

О заявлениях мистера Б. на странице 91, к которым мы отсылаем читателя, "Эмансипатор" говорит: "Все это, если и не "беспричинная глупость", то, по крайней мере, необоснованное и опрометчивое утверждение, равного которому мы едва ли когда-либо видели".

Мы просим наших читателей вернуться назад и еще раз перечитать абзац на странице 97, заканчивающийся словами *"to COERCE such emigration, might be a,,"* САМЫМ СВЯЩЕННЫМ ДОЛГОМ", - В этом, по крайней мере, есть откровенность, если нет других хороших качеств, которые могли бы ее рекомендовать. Но это откровенность тирана, который, уверенный в своей силе для достижения своих целей, боится не признаваться в них, какими бы незаконными или отвратительными они ни были. И если в обнародовании замысла есть искренность, то самая неприкрытая наглость - называть его исполнением *священным долгом*. "Какое крайнее бессердечие и какую ущербность морального видения это демонстрирует. И этот человек смеет причислять себя к друзьям цветного народа! Такой друг, как Святые инквизиторы Испании, еретикам-протестантам, которых они считают своим "священным долгом принудить" дыбой и огнем к отречению от их ереси. Такой друг, как Людовик XIV для гугенотов, Яков I для пуритан и Карл II для шотландских ковенантеров.

На странице 98 мистер Б. представляет то, что он называет речью мистера Т. в Эндове, о чем сообщил студент Теологической семинарии. Мистер Т. отреагировал на это анонимное сообщение встречным свидетельством, не анонимным, но мы добавим свидетельство редактора "Эмансипатора", который говорит: "Мистер Б., хотя и так часто притворялся, что у него нет документов и т. Д., Здесь прочитал ложный и искаженный отчет о выступлении мистера Томпсона по этому поводу, опубликованный в то время в "Бостон Курьер" и подписанный С. Будучи там в то время, мы здесь фиксируем наше свидетельство о том, что оно было ложным и искаженным в своих репрезентациях".

Мистер Б. на странице 109 ссылается на то, что сказал мистер Томпсон "о том, что доктор Спрэг закрыл часть своей церкви для цветных", и говорит, что обратил на это внимание "только потому, что это было рассказано как образцовая история". В той же связи он, очевидно, пытается создать впечатление, что религиозные привилегии свободных цветных людей равны привилегиям белых. По этому поводу Эмансипатор замечает: "Мы можем засвидетельствовать правдивость этой истории в отношении церкви доктора Спрэга; и хотя ни одна церковь не

отделяет черных от белых с такой тщательностью или точно таким же образом, все же строго верно, что почти без исключения разделение проводится и тщательно поддерживается, и это не только при обычном богослужении в субботу, но даже когда церковь собирается за столом своего распятого и общего Господа, чтобы вкусить эмблемы его умирающей любви". И после признания, что цветные в нескольких случаях мужчин принимали в богословские семинарии и занимали места в церковных органах, добавляет редактор, и действительно, как могут засвидетельствовать все, кто знаком с фактами, "Однако таких случаев немного, и всякий раз, когда они происходят, соответствующих людей во многих отношениях заставляют чувствовать свою неполноценность и *знать свое место*". Впечатление, произведенное представлением мистера Б., было бы в целом неверным".

Мистер Б. утверждает, стр. 110, что свободные чернокожие "почти в каждой части Америки" пользуются всеми гражданскими правами "в степени, совершенно неизвестной миллионам британских подданных", в различных частях империи и "даже в самой Англии". "Было бы легко, - говорит Освободитель, - показать, что он неправ в нескольких деталях". И затем, как один, ссылается на тот факт, что цветной человек не защищен в своих правах или личности, но может быть утащен в рабство, даже из свободных штатов, без суда присяжных. Одного этого факта, безусловно, достаточно, чтобы опровергнуть утверждение мистера Б.

"Но, - говорит мистер Б., - если им и было отказано в каких-либо правах, - как, например, в праве проповедовать Евангелие, - что недавно сделала Вирджиния, - то все это произошло из-за ярости отмены смертной казни. См. стр. 110. Но Страуд ссылается на закон штата Вирджиния, построенный в 1819 году, и тогда не повторное принятие закона в силу, который вынес все сборки рабов и свободных негров в домашней встрече или в другом месте, ночью, или в любое школы для обучения чтению и письменной форме, днем или ночью, *незаконных* собраний, и сюжеты любой человек, раб или свободный черного, нашли в них, в наказание двадцать ударов плетью, по постановлению мирового судьи. Страуд, стр. 89.

Мистер Б. в истинно колонизаторском духе пользуется случаем, чтобы оклеветать цветных, обвиняя их в "наглости и неблагоразумии", в "оскорблении женщин на улицах наших городов" и "заявляя о совершенном равенстве в семье со своими хозяевами" и т. Д. См. стр. 114. Мы приводим примечание Освободителя к этому злонамеренному обвинению, которое столь же жестоко, сколь и ложно. "Все это представление ложно. Ничто не может быть более ложным. Скромное поведение и дух снисхождения, проявленные цветными людьми с самого начала, были наиболее заметными, а также достойными похвалы, и в немалых случаях они заслужили одобрение явных врагов дела борьбы с рабством". Мы добавляем наше собственное свидетельство, насколько хватило наших наблюдений, об истинности этого утверждения.

В ходе дебатов пятого вечера мистер Б. жалуется, стр. 120, что мистер Томпсон "не сказал им, что ни один из министров в целых двенадцати штатах не был и не мог легко быть рабовладельцем, поскольку они не были жителями рабовладельческого штата". Да и зачем ему это делать. Разве простое знание того факта, что "они не были жителями рабовладельческих государств", не сделало бы ненужным, чтобы его слушатели были особо проинформированы о том, что они не были рабовладельцами? Верит ли мистер Б., что жители Глазго считали северных священников, как правило, рабовладельцами? Мы говорим *в целом*, ибо мы не смеем утверждать, что 'ни один' из них 'были, в каком они *легко* могли быть или нет. Если нас не ввели в заблуждение, а мы верим, что это не так, то нам посчастливилось, хорошо это или плохо,

услышать проповедь служителя-рабовладельца с севера, к тому же служителя, чье пастырское поприще находилось в самой колыбели этой *свободной* нации.

"Подавляющая масса американских министров, - говорит г-н Б., - никогда не владели рабами, а те, у кого они были, были исключениями из общего правила". Г-н Т. опроверг эту позицию, приведя огромное количество доказательств. Мы добавляем следующую цитату, которую мы находим в "Эмансипаторе", из документа, опубликованного несколько месяцев назад Синодом Южной Каролины и Джорджии. "Число наших служителей составляет немногим более половины числа наших церквей, и из этих служителей *не одна пятая поддерживает какие-либо пастырские отношения*". Число священников составляет около 100, "и многие из них вынуждены посвящать часть или все свое время преподаванию, *сельскому хозяйству* или какой-либо другой светской работе, чтобы прокормить свои семьи". "Сельское хозяйство, как мы все знаем, означает в рабовладельческих штатах "рабовладение и работорговлю".

Мистер Б., кажется, очень возмущен заявлениями своего оппонента и Мозеса Ропера (цветного человека, присутствовавшего на некоторых собраниях, на которых выступал мистер Т.) о том, что рабами в Америке владеют не только служители и члены церкви, но даже сами церкви. Он называет заявление Роупера "глупой ложью бедного негра" и говорит на странице 123: "Если во всей Америке есть более пяти общин, владеющих рабами, я никогда о них не слышал". Затем он упоминает три, о которых он слышал, все в южной части Вирджинии. "Эмансипатор" в примечании к этой части речи мистера Б. отмечает: "Правда, для церквей или церковных обществ Юга не является *общей* практикой владеть рабами как церковной собственностью, но мы предполагаем, что эта практика ни в коем случае не является чем—то необычным; и доказательство тому тройственное: *первое*, что действительно известен ряд примеров такого рода; *второе*, что, когда такие случаи действительно происходят, они никогда не производят особой сенсации в общественном сознании - никогда не упоминаются как особые и экстраординарные случаи, и никогда не подвергает такую церковь порицанию или потере церковного общения с другими церквями; и *третье*, что служители Юга, как правило, держат рабов, и что часто, когда они не в состоянии купить их сами, какой-нибудь добрый друг дарит им одного или двух для домашней прислуги; и если министерству, то почему не церкви?" Затем он идет дальше перечислять двух экземпляров, кроме тех, кто признал г-на Б., из церкви, имеющие рабов, и один по завещанию рабов в миссионерское общество [А. С. Ф. М.], а также рекламы, продажи отдельных видов недвижимости, принадлежащее имущество покойной преп. д-р Трумэн, в том числе Земля, - библиотека, *главным образом богословские, и двадцать семь негров*, два мула, один конь, а старый вагон.' Далее в заметке говорится: "И когда эти заметки появились в "Саутерн принтс", никто не был поражен; публике не было заявлено, что это экстраординарные случаи; ни один христианский священник или христианская газета, насколько нам известно, никогда не поднимали свой голос против них как редких случаев и не свидетельствовали против них как о столь же чудовищных, сколь и редких. Каков же тогда вывод? Почему такие вещи, если и *необщие*, то все же никогда не рассматриваются как единичные или необычные. Теперь добавьте к этим и другим, которые можно было бы назвать, случаи, признанные мистером Б., и к этому добавьте тот факт, что мистер Пакстон, по крайней мере, чувствовал, что его церковь в Вирджинии *могла* освободить *пятьдесят* рабов, которыми они владели, но *не захотела*, а затем скажите, в чьих заявлениях больше всего "глупой лжи" о них, в заявлениях мистера Б. или презираемого, но честного сердцем негра?"

Мистер Б., по-видимому, считает серьезной обидой тот факт, что, когда в Америке так мало служителей-рабовладельцев, членов церкви и самих церквей, его оппонент возлагает вину за рабство на всю американскую церковь. Но почему не вся церковь виновна, если кто—либо из ее членов упорствует в совершении греха и все же считается достойным членом на постоянном положении? -если кому—либо из ее служителей, чьи руки осквернены этим отвратительным поступком, по-прежнему позволено, без какого-либо церковного порицания, не только раздавать хлеб жизни из хранилища слова Божьего, но и раздавать символы тела и крови Христовых тем, кто собирается вокруг стола, чтобы почтить память умирающей любви Спасителя? -если какое-либо из ее ответвлений, утверждающее, что хранит образ Божий? как собственность, и обращаясь с ними как с "личным имуществом", их Спаситель в лице "одного из меньших из сих", его "братья", считаются церквями-сестрами и их беззаконие не доказано? "Кто смеет притворяться, - спрашивает Освободитель, - что американская церковь не поддерживает христианских рабовладельцев в их поведении? Правда, есть отдельные люди и немало отдельных церквей, которые этого не делают, но которые несут верное свидетельство против них. Но как обстоит дело *сруководящим влиянием* церкви? Их характер и деяния, а не меньшинства, каким бы многочисленным или респектабельным оно ни было, являются характером и деяниями церкви. Какова же тогда позиция руководящих кругов американской церкви в отношении американского рабства? Это позиция защиты и попустительства. Заседания последнего Общего съезда баптистов, и последней Генеральной конференции методистов, и последней Генеральной Ассамблеи пресвитериан являются нашим подтверждением — и это "подтверждение сильное, как священное писание". В этот самый момент эти три организации предстают перед миром как три великих Покровителя и защитника американского рабства. Отрицайте это, как хотите, но доходы угнетателя, удержанная обманом плата находятся в их сундуках, кровь угнетенных пятнает их одежды, и они отказываются признать или оставить свой грех".

Мистер Б., несомненно, счел бы крайне немилосердным заставить большую армию израильтян повернуться спиной к своим врагам и потерпеть позорное и катастрофическое поражение только потому, что в лагере был *один* аханец.

Мы не можем не думать, что преподобный диспутант довольно неудачно сослался на книгу доктора Дж. Кокс и Хоби (см. стр. 128) для получения информации о связи баптистов с рабством. Пытаясь пролить свет на этот конкретный момент, читатель может случайно наткнуться на некоторые сведения о порочном предубеждении против чернокожих, а также на некоторые чувства в отношении обращения с рабами и свободными чернокожими в целом, которые плохо согласуются с выраженными представлениями пресвитерианского делегата.

На странице 133 мистер Б. представляет письмо, опубликованное в "Нью-Йорк Обсервер" и подписанное "Правда", в котором негры Южной Каролины представлены как "в целом хорошо накормленные, хорошо одетые" и пользующиеся "*средствами религиозного обучения*", и заявляет, что "*прилагаются большие и возрастающие усилия, чтобы обучить их религии и улучшить их характеры.*" Мы просим наших читателей вернуться назад и прочитать письмо полностью, а затем сравнить его со следующими выдержками из отчета о религиозном обучении цветных людей, опубликованный в 1834 году Синодом Южной Каролины и Джорджии. "Мы считаем, что их (цветного населения) моральное и религиозное состояние таково, что их по праву можно считать *язычниками* этой христианской страны, и они выдержат сравнение с язычниками в любой стране мира".

"Негры лишены привилегий Евангелия и всегда будут лишены при нынешнем положении вещей. По словам Синода, из этого были некоторые исключения, и они "радуются" этому; но, хотя наше утверждение носит широкий характер, мы считаем, что в целом оно будет признано правильным".

- У них не может быть доступа к священным писаниям. Их знание христианства зависит от *устных наставлений*. Значит, у них есть тот объем устных наставлений, который в их обстоятельствах необходим для наслаждения Евангелием? *У них его нет*. Во всем штате от Потомака до Сабина и от Атлантики до Огайо, насколько нам известно, нет *двенадцати* человек, посвятивших себя исключительно религиозному воспитанию негров".

Далее в отчете говорится, что "негры не имеют доступа к Евангелию через официальное служение белых", что "*очень небольшая часть* служителей в рабовладельческих штатах *обращает на них какое-либо внимание*", что "у них нет церквей, и нет достаточного места для их размещения в белых церквях", и что в некоторых случаях из-за нехватки места внутри "негры, которые посещают, должны ловить Евангелие, когда оно ускользает через двери и окна". "Мы осмеливаемся сказать, "далее сообщается, - говорится в отчете, - что *не более двадцатой части* негров посещают богослужения в субботу. Тысячи и тысячи людей из года в год не слышат звука Евангелия и *никогда* *from one year to another*".

В отчете также говорится, что они "не пользуются привилегиями Евангелия в частной жизни, в своих домах или на своих плантациях. Если хозяин благочестив, домашние слуги *одни*, и часто их мало или вообще никого из них нет, посещают семейное богослужение. Как правило, это не входит в обустройство плантаций, чтобы обеспечить их религиозное обучение. Поэтому мы считаем оправданным заключение, что негры *лишены привилегий Евангелия и должны оставаться таковыми*, если для них больше ничего не будет сделано".

"Мы поражены, - заявляют члены Синода, - обнаружив, таким образом, христианство в абсолютной связи *с язычеством*, и все же оно приносит мало преимуществ или вообще не приносит их".

Наши читатели, сравнив вышесказанное с письмом, прочитанным мистером Б., могут решить, насколько прав был автор этого письма, подписав его "Правда".

Мистер Б., стр. 155, пытается избежать силы огромного веса улик, которыми его противник прижимает его к земле, насмехаясь над свидетелями как над "неясными" и, насколько это может быть известно, "вымышленными личностями", хотя имена обычно приводятся, и все же он цитирует доказательства в свою поддержку, которые абсолютно анонимны. См. стр. 132. Освободитель уместно спрашивает: "Может ли мистер Б. сказать нам, кто такие "Истина" и "Человек из Новой Англии"? Или эти люди такие же "вымышленные", как и их истории?"

В ответ на утверждение мистера Б. о том, что показания мистера Томпсона были такого никчемного характера, "Эмансипатор" имеет следующее примечание. "Мы просим наших читателей остановиться на этом, вернуться назад и просмотреть документы, и они обнаружат, что факт прямо противоположен тому, что заявил мистер Б.; и что в то время как *главными* доказательствами мистера Б. являются, во-первых, его *собственные* утверждения, и, во-вторых, утверждения отдельных лиц или анонимных авторов в пристрастных газетах, *главными* доказательствами мистера Томпсона являются официальные резолюции и заявления церковных органов и тех, кто представляет *правлящее* влияние в церкви и государстве, и что

свидетельство отдельные лица, насколько это используется, приводятся только в качестве подтверждения другого".

На странице 158 мистер Б. нападает на мистера Дж. А. Тома из Кентукки с характерной злобой, потому что в речи на митинге против рабства этот молодой человек смело разоблачил мерзости рабства в своем родном штате. За этот поступок клеветник называет его "неблагодарным, который начал свою мужскую карьеру с того, что ударил своего родителя по лицу". Но он предусмотрительно избегает попыток — что, по его мнению, было бы несколько сложной задачей — опровергнуть заявления мистера Тома. Немного примечательно, что факты, изложенные Томом и опровергнутые в то время мистером Б. и его братом, были полностью подтверждены статьей, опубликованной в газете *Western Luminary*, выходящей в штате Кентукки, в тот самый день, когда мистер Том сделал свое заявление в Нью-Йорке. Таким образом, без какого-либо сговора два свидетеля, находящиеся на большом расстоянии друг от друга, дали показания об одних и тех же фактах, и, к несчастью для доверия к мистеру Брекинриджу, это были факты, которые он почти в то же время решительно отрицал. Другие свидетели безупречной правдивости с тех пор подтвердили те же факты, и теперь бессильные попытки мистера Б. дискредитировать мистера Тома служат лишь доказательству его собственной досады, злонамеренности и лживости.

Мы не претендуем на то, чтобы заметить все промахи "неуправляемого члена" мистера Б. в этой дискуссии или указать на каждый случай, в котором он приложил все те способности и изобретательность, которыми, как мы охотно признаем, он обладает, чтобы создать ложное впечатление в умах своей аудитории; но было указано достаточно, чтобы в какой-то мере показать степень доверия, которое следует питать к его правдивости как свидетеля и его искренности и беспристрастности как рассуждателя.

Несколько незначительных ошибок, в которые впал мистер Томпсон, мы считаем своим долгом исправить; приступая к которым, однако, мы не можем не отметить, что, учитывая краткость времени, которое мистер Т. проводил среди нас, объем труда, который он выполнял при чтении лекций, выступлениях на конвенциях, дебатах и т.д. и т.п. и значительную часть его времени, неизбежно затрачиваемого на общение со своим обширным кругом знакомых — более того, очень значительную его долю, которая требовалась для простого ответа на заявки на лекцию, поступавшие отовсюду, — мы действительно поражены масштабом и подробностью о его информации, о массе фактов и документов, которые ему удалось собрать, и, более того, о почти неизменной точности его знаний об американских делах. Читатель видел, насколько он был полностью экипирован, насколько вооружен во всех отношениях и всегда готов взяться за то самое оружие, которое требовалось на любой стадии конфликта, будь то для того, чтобы парировать удар, направленный в себя, или нанести в грудь своего противника сильный выпад, от которого не могли уклониться ни ловкость софистики, ни щит наглой лжи. Действительно, масса его документов, а также готовность и соответствие цели, с которой он их использовал, по-видимому, были одной из главных причин горькой досады, которую постоянно выказывает его оппонент. В том, что он допустил несколько ошибок, нет ничего удивительного — то, что он допустил *так* мало ошибок, действительно удивительно и доказывает усердие, с которым он трудился в те времена, когда из-за утомительного характера и большого объема его общественных усилий можно было бы предположить, что он был вынужден предаваться совершенному отдыху. Но вернемся к ошибкам.

В первый вечер он заявил на странице 12, что в настоящее время, не считая публикаций Общества борьбы с рабством, насчитывается сотня газет, смело отстаивающих принципы отмены рабства. "Есть, - говорит Освободитель, - примерно такое же количество людей, которые дружелюбны к нашему делу и которые иногда выступают в нашу защиту, но не те, которые *отстаивают* наши принципы", или, как, возможно, было бы более точным выражением, которые не отстаивают смело наши принципы, *в их применении* к предмету, к которому мы их применяем.

На второй вечер мистер Томпсон, говоря о Съезде штата Нью-Йорк по борьбе с рабством, стр. 30, сказал, что в первый день в Утике было 600 делегатов, и что, когда их прогнала толпа, они отправились в Питерборо, где к ним присоединились еще 400, всего 1000. На самом деле, было подсчитано, что почти 1000 человек отправились в Утику, и из них только около 400 отправились в Питерборо". Ошибка действительно несущественна.

В ходе дебатов четвертого вечера мистер Т., ссылаясь на клеветническую историю Кауфмана о нем, называет Кауфмана "сыном рабовладельца и наследником собственности рабов". Предполагалось, что так оно и было, и мы не знали, что это предположение ошибочно, пока не встретили в примечании "Эмансипатора" к этому замечанию мистера Т. намек на то, что это сообщение было опровергнуто. "Мистер К. из Вирджинии, - говорится в примечании, - но мы считаем, что он не рабовладелец и не наследник собственности рабов".

Это все ошибки, которые мы заметили в заявлениях мистера Томпсона, и они настолько незначительны, что мы не сочли бы их достойными внимания со стороны его оппонента.

В заключение, возможно, нет необходимости официально признавать то, что читатель не мог не заметить, - нашу огромную признательность редактору "Эмансипатора" за помощь в подготовке этого приложения. Правда в том, что в настоящее время наши руки так завалены делами, что у нас было очень мало свободного времени для этой работы, и мы были рады воспользоваться трудами того, кто с такой благой целью только что проделал всю работу до нас.

Си Си БЕРЛИ.

Бостон, 22 сентября 1836 г.

СНОСКИ

[A] Называется подмастерьями с отступом, но из связи, в которой она указана в переписи, мы делаем вывод, что они фактически рабы.

[B] Смотрите "Жизнь Эшмуна" Герли, стр. 139.

[C] Речь Генри Клея. Десятый ежегодный отчет Американского общества колонизации.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

За исключением нескольких пунктуационных ошибок и опечаток, исправленных в приведенном ниже списке, были сохранены типографские несоответствия в орфографии, пунктуации и расстановке переносов:

"запрошенный" исправлено на "запрошенный" (стр. 4)
"конклюзинос" исправлено на "выводы" (стр. 4)
"belived" исправлено на "полагал" (стр. 5)
"анамология" исправлено на "аномалия" (стр. 7)
"wasnot" исправлено на "не было" (стр. 7)
"Birtish" исправлено на "британский" (стр. 8)
"он сам" исправлено на "himself" (стр. 10)
"выделенный" исправлено на "выделенный" (стр. 16, 163)
"immeditate" исправлено на "немедленный" (стр. 18)
"decison" исправлено на "решение" (стр. 18)
"духовный" исправлено на "духовный" (стр. 18)
"похищенный" исправлено на "похищенный" (стр. 20)
"aleady" исправлено на "уже" (стр. 21)
"колонизация" исправлено на "колонизация" (стр. 23)
"однако. мистер Томпсон" исправлено на "однако, мистер Томпсон" (стр. 33)
"фактически" исправлено на "фактически" (стр. 34)
"абсолютный" исправлено на "абсолютный" (стр. 35)
"мнение" исправлено на "мнение" (стр. 36)
"возможности" исправлены на "возможности" (стр. 37)
"упражнение" исправлено на "упражнение" (стр. 38)
"разъяснение" исправлено на "просвещение" (стр. 44)
"зафиксировано" исправлено на "зафиксировано" (стр. 44)
"продумано" исправлено на "повсеместно" (стр. 87)
"alledged" исправлено на "предполагаемый" (стр. 111)
"отклонение" исправлено на "возражение" (стр. 112)
"порядок действий" исправлен на "процедуру" (страница 113)
"equesterd" исправлено на "запрошенный" (стр. 135)
"происходящий" исправлено на "происходящий" (стр. 171)
"рекомендация" исправлена на "благодарность" (страница 171)
"Англичанин" исправлено на "Englishman" (страница 174)
"успешно" исправлено на "успешно" (страница 175)